

ПИСЬМА М. Л. ГОФМАНА К Б. Л. МОДЗАЛЕВСКОМУ

ЧАСТЬ II
(1922—1926)*

(Публикация Т. И. Краснобородько)

Летом 1922 г. Модест Гофман в статусе официального представителя Академии наук отправился в Париж по делам Музея А. Ф. Онегина. Это зарубежное собрание, чрезвычайно ценное в научном и художественном отношении, стало собственностью Императорской Академии наук еще в апреле 1909 г.

Русский подданный А. Ф. Онегин (1845—1925) обосновался в Париже в 1860-х гг. Существовая уроками и случайными литературными заработками, он по совету И. С. Тургенева и П. В. Жуковского, сына поэта, начал целенаправленно собирать русскую библиотеку, центральное место в которой занимали пушкинские издания и литература о поэте. Поклонение Пушкину было настолько велико, что впоследствии он добился Высочайшего разрешения сменить фамилию Отто, которую получил от приемной матери, на фамилию пушкинского героя. В начале 1880-х гг. Павел Жуковский, единственный друг Онегина со времени их обучения в 3-й Санкт-Петербургской гимназии, передал ему пакет с пушкинскими автографами, которые унаследовал от своего отца, а впоследствии — и все бумаги В. А. Жуковского, относящиеся к дуэли и смерти Пушкина. С этого времени жизнь Онегина без остатка принадлежала его Пушкинскому музею — «музейчику», как

---

* Окончание. Начало публикации см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. СПб., 2004. С. 180—238.

называл его он сам. Основными вкладчиками музея на первых порах были Тургенев и Павел Жуковский, который постепенно передал Онегину и значительную часть личного архива и библиотеки своего отца. Онегин стал своим человеком у парижских букинистов и следил за важнейшими аукционами; он искал знакомств с западноевропейскими и русскими знаменитостями: писателями, музыкантами, учеными, скульпторами, художниками, потомками пушкинских современников — и они обогащали его музей. Старый эмигрант, Онегин был очень заметной фигурой в русском Париже, и многие считали своим долгом являться к нему на поклон. За четверть века Онегин превратил скромную коллекцию в настоящий литературный музей с рукописным, книжным и художественным собраниями; в определенном смысле это был прообраз того Пушкинского Дома, который в начале XX в. создавался в Петербурге.¹ Когда в мае 1908 г. в квартире Онегина на улице Мариньян появился Б. Л. Модзалевский, известность частного Пушкинского музея уже распространилась далеко за пределы французской столицы. У Онегина не было наследников, и будущее «музейчика» не могло не беспокоить его. При посредничестве Павла Жуковского Онегин начал переговоры с российским правительством о возможности приобретения его собрания. Успех переговоров на первом этапе во многом зависел от полномочного представителя Академии наук. Выбор пал на молодого пушкиниста Бориса Львовича Модзалевского, который должен был составить охранную опись Музея и дать заключение о его научной ценности. За три недели работы у Онегина Модзалевский всецело завоевал симпатии одинокого, чрезвычайно скупого и несговорчивого старика, которому даже формально, на бумаге, трудно было оторвать от себя свое детище.² «Угадав» характер Онегина, Модзалевский прилагал порою невероятные усилия, чтобы предупредить конфликтные ситуации в нелегких переговорах между Парижем и

---

¹ Подробнее о парижском Пушкинском музее и его владельце см.: *Апостол П.* Памяти А. Ф. Онегина // *Временник Общества друзей русской книги.* Париж, 1925. Кн. 1. С. 71—73; *Дерман А. Б.* В гостях у А. Ф. Онегина // *Огонек.* 1941. № 14. С. 14—15; *Чистова И. С.* О прототипе главного героя романа И. С. Тургенева «Новь» // *Русская литература.* 1964. № 4. С. 174—177; *Черняк К. И.* В парижском домике Онегина // *Альманах библиофила.* М., 1981. Вып. 11. С. 154—169; *Кунин В. В.* Библиофилы и библиоманы. М., 1984. С. 363—406; *Краснобородько Т. И.* Хранитель // «Тень Пушкина меня усыновила...»: Рукописи, книги, изобразительные материалы, памятные вещи из музея А. Ф. Онегина: Каталог выставки. СПб.; Болонья; Кембридж, 1997. С. 9—19 и др. Далее все ссылки на это изд.: «Тень Пушкина меня усыновила...» с указанием страниц.

² Подробнее см.: *Модзалевский Б. Л.* Дневник моей поездки в Париж и Веймар в 1908 году, по делам Пушкинского Дома, к А. Ф. Онегину и П. В. Жуковскому / Публ. Т. И. Краснобородько // *Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.* М., 1999. Вып. 9. С. 450—465.

Петербургом. Весной 1909 г. договор был подписан. Оставаясь пожизненным хранителем музея, Онегин получил 10 000 золотых рублей единовременно и ежегодную пожизненную пенсию от государя в 6000 золотых рублей с условием, что эти средства будут использованы для пополнения коллекций и поддержания их в должном порядке. Через Российское посольство в Париже Онегин высылал в Петербург копии документов, а нередко и сами подлинники, необходимые для подготовки академических изданий. Последний раз он сделал это в начале 1917 г.

Отлаженный ход отношений Онегина с Академией наук был нарушен Октябрьской революцией, когда Франция прервала все связи с советской Россией. Онегин перестал получать пенсию и беспокоился о судьбе своего музея. Не зная о том, оставался ли в силе договор 1909 г., Онегин 12 сент. 1920 г. составил подробное завещание, в котором единственным наследником «всего своего имущества, сосредоточенного в одном лишь Париже», назвал Пушкинский Дом при Академии наук в Петрограде.³ В полном неведении об Онегине находился и Пушкинский Дом. В марте 1919 г. Академия наук через одного из французских профессоров, уезжавшего из России, обратилась к бывшему директору Французского института в Петрограде Ж. Патуйе (J. Patouillet) с просьбой «выяснить положение, в котором находится <...> Музей Онегина».⁴ В течение 1920—1921 гг. до Пушкинского Дома доходили косвенные противоречивые сведения об Онегинском музее: то о намерении его хранителя продать свое собрание в Америку, то о публикации музейных материалов в зарубежной печати, наконец — о смерти Онегина и распродаже его имущества некими «наследниками». Достоверность подобной информации невозможно было проверить. Выяснить судьбу Онегинского музея можно было только на месте, и поэтому Пушкинский Дом стал хлопотать о командировании в Париж трех своих представителей — Б. Л. Модзалевского, М. Л. Гофмана и одного из научных сотрудников. 28 дек. 1920 г. Модзалевский составил об этом ходатайство в Главное архивное управление; в мае и сентябре 1921 г. подробные доклады об Онегинском музее были представлены также в Общем собрании Академии наук.⁵ Так как прошения Пушкинского Дома в официальные инстанции оставались без ответа, а сложившаяся ситуация требовала безотлагательных действий, Гофман предложил опубликовать неизданные рукописи парижского Пушкин-

³ ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1922), № 3, л. 85—87 об.

⁴ Там же, ф. 2, оп. 1 (1917), № 45, л. 124; РО ИРЛИ, № 29270, л. 60—61.

⁵ ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1917), № 3, л. 154—158, 196; ф. 1, оп. 1 а (1921), № 169, л. 32 об.—33.

ского музея по фотографиям, заказанным Пушкинским Домом еще в начале 1910-х гг. Его поддержал Модзалевский. В подготовке книги приняли участие почти все сотрудники Рукописного отделения Дома: Б. Л. Модзалевский, Н. В. Измайлов, Б. М. Энгельгардт, Н. В. Яковлев, Н. К. Козмин, Б. И. Коплан, но главными работниками были М. Л. Гофман и Б. В. Томашевский. Участникам издания в срочном порядке были розданы фотографии для подготовки текстов, и в конце марта 1922 г. книга «Неизданный Пушкин: Собрание А. Ф. Онегина» вышла в свет в частном петроградском издательстве «Атеней». В скором времени пушкинодомский сборник попал на улицу Мариньян, 25. Онегин не замедлил с ответом. 20 мая 1922 г. он отправил длинное резкое письмо в адрес Российской Академии наук: «Недавно вышел сборник „Неизданный Пушкин“, составленный на основании моего собрания. Сборник этот я купил здесь в Париже, как и все другие, выходящие в России книги о Пушкине и которые Академия наук мне не посылает вот уже несколько лет. Считаю своим долгом опровергнуть некоторые сведения, помещенные в этом сборнике обо мне и о моем музее, которые совершенно не соответствуют действительности, а именно, что я умер и что музей мой подвергается „распылению и расхищению“, а также, что моими наследниками производятся опубликования некоторых документов, на которые они не имеют права. <...> Никаких опубликований я никогда и нигде не делал,⁶ а музей мой не только не „распылен“ или „расхищен“, а наоборот, в настоящее время скорее увеличен в три или четыре раза. Ввиду того, что Академия наук не высылает мне с 1917-го года на содержание моего музея и общие расходы по нему 16 тысяч франков (6 тысяч зол<отых> рублей), предусмотренных договором, я боюсь, что буду вынужден поместить свое собрание иначе, чем в Академию наук, но надеюсь все-таки, что Академия наук этого не допустит. Я полагаю, что толковое разрешение всех вопросов, касающихся моего музея, возможно было бы только в том случае, если бы Академия наук нашла еще раз возможным командировать сюда Бориса Львовича Модзалевского, так хорошо уже осведомленного в отношении моего собрания».⁷ Впрочем, еще до выхода

---

⁶ Онегин лукавил: в декабре 1919 г. через М. А. Алданова он передал в редакцию парижского журнала «Грядущая Россия» свою статью о двух пушкинских автографах («Какая грусть ее гнетет...» и «Темная знойная ночь...»), с воспроизведением первого из них (см.: *Пушкин А. С. Неизданная страница (из музея А. Ф. Онегина с его объяснительной запиской)* // *Грядущая Россия: Ежемесячный литературно-политический и научный журнал*. 1920. Кн. 1, янв. С. 15—22). Оба отрывка, поэтический и прозаический, в то время относили к «Египетским ночам»; современное пушкиноведение относит их к замыслу «Мы проводили вечер на даче...», также неосуществленному.

⁷ РО ИРЛИ, № 29270, л. 68.

«Неизданного Пушкина», в январе 1922 г., хранитель Музея предпринял решительные шаги для установления контактов с новой властью в России. Через давнего своего знакомого адвоката М. А. Михайлова Онегин познакомился с советским торгпредом в Париже М. И. Скобелевым. Уже в феврале 1922 г. Михайлов встречался в Лондоне с наркомом внешней торговли и советским полпредом Л. Б. Красиным, который после беседы с ним переслал «досье» Онегинского музея в Москву и просил «принять все меры, чтобы это учреждение не попало в другие руки».⁸ Более того, Онегин написал наркому А. В. Луначарскому, что, «не получая пенсии, голодает и потому собирается продать свой музей в Америку».⁹ Словом, хранитель Музея действовал в полном соответствии с характеристикой, которую дал ему однажды тот же М. А. Михайлов: «Вы умеете добиваться своего, когда этого пожелаете».¹⁰

В это же время, зимой 1922 г., одновременно с Красиным и независимо от него об «Онегинском деле» в Наркомпросе и Главнауке более или менее регулярно напоминал и Пушкинский Дом — главным образом, в лице Модеста Гофмана, который постоянно курсировал между Москвой и Петроградом по делам Дома. Много лет спустя он так вспоминал об этом:

Мои командировки в Москву в эту зиму учащались и учащались. И каждый раз я возвращался с пустыми руками в Петербург: Москва не сочувствовала поездке в Париж. И вот как-то в апреле я поехал в Москву <...> и больше на всякий случай (потому что мы уже отчаялись получить командировку в Париж) зашел в Главнауку и вдруг... мне там сами предложили ехать в Париж: советское правительство получило письмо от Онегина, взволновалось им и решило послать представителя Академии. <...> Уговаривать меня не пришлось: я сейчас же с радостью согласился; мне предложили подать прошение о заграничном паспорте и заполнить подробную анкету (когда я заполнял эту анкету, то я сильно волновался: куда я прошусь — в Париж или на тот свет? — нужно было написать по годам, где, когда был и что делал — если напишешь неправду и проверят — расстреляют; если напишешь правду и проверят — тоже расстреляют — решил, что все-таки безопаснее написать правду (т. е. что был в Чернигове, в Киеве и в Елисаветграде));¹¹ сказали, чтобы приехал за паспортом через месяц (т. е. приблизительно около 20 мая). Я не поехал, а полетел на крыльях в Петербург и стал готовиться к по-

---

⁸ См. письма М. А. Михайлова к Онегину от января—февраля 1922 г. (Там же, № 29001, л. 11—14), а также телеграмму Л. Б. Красина, посланную М. И. Скобелеву 9 февр. 1922 г. (см.: Там же, № 29270, л. 66). О рассмотрении Онегинского дела в московских инстанциях см.: Жуков Ю. Н. Возвращение на родину Пушкинского музея А. Ф. Онегина // Вопросы истории. 1986. № 8. С. 183—187.

⁹ Цит. по: Гофман М. Л. А. Ф. Онегин и его музей // Последние новости (Париж). 1925. 13 мая. № 1549.

¹⁰ РО ИРЛИ, № 29001, л. 16.

¹¹ Об антибольшевистской деятельности М. Л. Гофмана во время пребывания его на Украине в 1917—1920 гг. см. во вступ. статье к 1-й части публ. (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. С. 188—191).

ездке на 6 месяцев. Много разговоров было с Котляревским, Модзалевским, С. Ф. Ольденбургом (Непрерывным секретарем Академии Наук). Мне давали командировку по делам музея А. Ф. Онегина и по другим делам, связанным с изучением Пушкина (<...> мне поручили также устроить в Берлине второе издание «Неизданного Пушкина»). 20 мая я был в Москве и с трепетом пошел за заграничным паспортом: Чека или Париж? Или, вернее всего: «Паспорт еще не готов, приходите через месяц» (люди по научным командировкам по полгода и по году ждали паспорта). Иду в Наркоминдел и спрашиваю, готов ли мой паспорт, — мне сейчас же выдают его, подписанный 1-го мая (через неделю после того, как я подал прошение, — явно, что мои сведения никак не проверялись). Оставалось еще получить деньги на командировку — мне было определено 500 рублей золотом на всю командировку (на самом деле за время командировки я получил в несколько раз больше и катался как сыр в масле); 500 рублей золотом равнялись 100 английским фунтам, и эти 500 рублей мне выдали валютой — фунтами и долларами.¹²

Когда стало известно, что Наркомпрос разрешает направить в Париж только одного сотрудника Пушкинского Дома «по выбору Академии наук», Борис Львович отказался от поездки — «по семейным обстоятельствам»,¹³ как зафиксировано в протоколе Общего собрания РАН. Модзалевский уступил командировку Модесту Гофману — «в силу своей доброты (а также в силу страха перед поездкой)»,¹⁴ в этом Гофман был убежден. Свой выбор Модзалевский объяснял позднее в письме к Онегину, который ждал в Париже именно Бориса Львовича. «Стоило мне захотеть помечтать, — признавался ему Модзалевский, — и я мечтал всегда о Парижском месяце. А с этим месяцем были связаны Вы и Ваш Музей. Как хотелось мне ехать теперь к Вам, как мечталось отдохнуть у Вас, опять увидеть Париж, подышать его воздухом, в котором столько жизни! Но я сознавал, что я уже устарел, чтобы ехать на подвиг (поездка за границу теперь — подвиг, на который способны только немногие), что для дела надобен человек более сильный и здоровый, чем я, но с такою же любовью к Пушкину и его Дому, — и я без колебаний остановился на Гофмане, как на моем alter-его во многих отношениях, — в отношении любви к Пушкину и к его Дому — во всяком случае. Он, зато, талантливее меня, более меня работоспособен, знаний у него бездна, знает Пушкина, как никто другой, — по крайней мере, у нас здесь; деловит, предприимчив и энергичен. Представлялось вперед, что, что бы ни пришлось предпринимать в Париже по приезде

---

¹² Из воспоминаний М. Л. Гофмана (характеристику воспоминаний см.: Там же. С. 181). Хронологическая достоверность этих воспоминаний, записанных почти через 35 лет после событий, подтверждается официальными документами, которые отложились в Академическом архиве (см.: ПФА РАН, ф. 2, оп. 1 (1919), № 3, л. 43—46; ф. 150, оп. 1 (1917), № 3, л. 244—253).

¹³ Там же, ф. 1, оп. 1 а (1922), № 170, л. 25.

¹⁴ *Гофман М. Л.* По поводу книги «50 лет Пушкинского Дома» (1905—1955) // Новый журнал (Нью-Йорк). 1958. Кн. 53. С. 275.

туда, — он со всякою задачею справится и из всякого, самого запутанного положения выйдет с честью. Ведь Г<офман> ехал в Париж, как в темную бездну, совершенно не зная, что найдет он там... <...> Лучшего помощника Вы не найдете: здесь все наши так думают, до Начальства включительно».¹⁵

Удостоверение в том, что он командирован во Францию сроком на 6 месяцев «с целью урегулирования вопроса о дальнейшем существовании Онегинского музея Российской Академии наук»,¹⁶ Гофман получил 10 мая 1922 г. Оставался нерешенным главный вопрос — получение французской визы, что казалось почти непреодолимым препятствием для лиц, официально командированных советским учреждением. Понимая это, Российская Академия наук в конце мая 1922 г. направила французским коллегам «Меморандум» с просьбой «помочь в деле, касающемся рукописей Пушкина», и ходатайствовать перед правительством Франции о разрешении въезда в Париж представителям Пушкинского Дома Н. А. Котляревскому и М. Л. Гофману. «Коллекция господина Онегина, — особо подчеркивалось в обращении, — имеет большую научную, литературную и историческую ценность. Рукописи Пушкина — национальное достояние, и их потеря для России будет катастрофой».¹⁷ Получив этот «Меморандум», непреременный секретарь Академии надписей и изящной словесности после консультаций во французском Министерстве иностранных дел предложил русским коллегам принять рукописи из Онегинского музея на хранение в Национальную библиотеку — в качестве временной меры, чтобы предотвратить их возможную распродажу: «Они были бы возвращены России, как только русское правительство будет признано правительством Французской республики».¹⁸ Это предложение, неприемлемое для Пушкинского Дома даже в качестве паллиативного решения, пришло в Академию наук в начале августа, когда Гофман был уже в пути.

М. Л. Гофман выехал из Петрограда 16 июля 1922 г. через Эстонию и Финляндию, рассчитывая получить там французскую визу:

Сейчас же по приезде в Ревель я отправился не то в полицию, не то в министерство, не то на почту <...> и во французское консульство за визой. Там мне сказали, что снесутся с Парижем и чтобы я пришел за ответом не раньше, <чем> через месяц. Не торчать же целый месяц в глупом Ревеле! Я решил ехать в Гельсингфорс и переждать этот месяц в какой-нибудь санатории, <...> сел на пароход и переехал залив. Приехал в Гельсингфорс

¹⁵ РО ИРЛИ, № 29005, л. 61—61 об. (письмо от 21 нояб. 1922 г.).

¹⁶ ПФА РАН, ф. 2, оп. 1 (1919), № 3, л. 51.

¹⁷ Там же, оп. 1 (1922), № 11, л. 2 (перевод; подлинник на франц. яз.). Здесь и далее переводы французских текстов выполнены Н. Л. Дмитриевой.

¹⁸ Там же, л. 1 (перевод; подлинник на франц. яз.).

и сейчас же отправился во французское консульство: ответ тот же, что и в Ревеле, — запросим Париж и очень сомневаемся, чтобы позволили поставить визу на советский паспорт; другое дело, если бы у Вас был нансеновский паспорт, тогда бы мы без всяких разговоров поставили бы Вам визу. Что делать? — пошел к советскому представителю, рассказал, в чем дело, и спросил совет, как мне поступить, чтобы добраться до Парижа. — «Пойдите в беженский комитет, возьмите там удостоверение — важно доехать до Парижа, а каким путем — безразлично». — Пошел в беженский комитет и попросил там дать мне удостоверение, что я беженец. Там приняли меня очень мило, п<отому> ч<то> сейчас же поняли, что я не коммунист, а наоборот, но свидетельства не выдали и посоветовали как можно скорее уйти из комитета и забыть туда дорогу: «За Вами большевики, конечно, следят и, если узнают, что Вы пришли к нам, то Чека схватит Вас». Я и сам знал, что следят, и поэтому пошел к советам и рассказал, зачем я безрезультатно ходил в беженский комитет.¹⁹

24 июля, после 10 дней безрезультатных хлопот, Гофман вынужден был отправить письмо А. Ф. Онегину, в котором просил о том, чтобы Министерство иностранных дел Франции «срочно (по возможности, телеграфом) известило французские консульства в Ревеле и Гельсингфорсе о неимении препятствий к выезду» Гофмана в Париж.²⁰ Как следует из воспоминаний Гофмана, он пробовал обратиться за содействием и к коллегам в Гельсингфорсе:

Финляндские ученые приняли меня с большой симпатией и почетом; помочь достать визу они не могли, но просили принять от них два подарка: месяц пребывания для отдыха (а я действительно нуждался в отдыхе) в санатории Grankula <...> и посылку моей семье. <...> Вместе со мной в санатории <...> отдыхал немецкий консул; я с ним подружился, он дал мне транзитную визу в Германию (не имея на то права, п<отому> ч<то> транзитная виза дается только тогда, когда есть уже виза в страну назначения): я решил ехать в Берлин с тем, чтобы или как-нибудь пробираться дальше, или побыть хоть в Берлине прежде возвращения в советскую Россию. Сел на прекрасный комфортабельный пароход и поехал в Штеттин, а оттуда через 1 ½ часа по железной дороге приехал в Берлин. Т<ак> к<ак> у меня была транзитная виза, то я имел право оставаться в Берлине (и вообще в Германии) не больше трех дней; приходилось каждый день заходить в полицию и брать отсрочки, а для этого давать взятку (т<ак> к<ак> все были помешаны на почтовых марках, то я давал взятки советскими марками <...>) и прожил в Берлине не меньше двух недель. Где я жил? — я снял в одном доме комнату — хорошую, потом нашел лучшую и взял и ту, и таким образом у меня, знатного и богатого иностранца, было две прекрасные комнаты, где я и принимал гостей <...>, и жил я фактически не в этих двух комнатах (изредка ночевал в одной), а в третьей — у И. В. Гессена, редактора «Руля»: вскоре по приезде в Берлин я пошел к нему знакомиться и устраивать второе издание «Неизданного Пушкина» (он стоял во главе издательства «Слово» — конечно, я в две минуты устроил издание; он пришел в восторг и решил не набирать снова, а воспроизвести фотографическим способом, что, как это ни странно, было дешевле); семья Гессена и он сам оказались очень симпатичными и предложили поселиться у них.²¹

¹⁹ Из воспоминаний М. Л. Гофмана.

²⁰ РО ИРЛИ, № 28865, л. 1.

²¹ Об И. В. Гессене см. также примеч. 7 к письму 51.

Я всегда не то, что не любил, а ненавидел Берлин и больше суток никогда не мог в нем оставаться, <...> а тут, в 1922 году, изменившийся послевоенный Берлин мне очень понравился — жизнь там была уютнее и свободнее не только советского Петербурга, но и послевоенного Парижа. <...> У меня было много валюты: из 500 золотых рублей я истратил только на дорогу в Ревель — за все остальное заплатили финляндские ученые, а в Берлине совершенно неожиданно (п<отому> ч<то> мне были даны 500 рублей на всю командировку) еще разбогател: зашел в культпросвет (т. е. в Комиссию по загранзакупкам Наркомпроса, которую возглавлял З. Г. Гринберг. — Т. К.) и там получил на жизнь в Берлине, на дорогу в Париж и первое время жизни в Париже (предупредили, что месячное жалованье и на обмундировку мне выдаст Скобелев—Аркос²²). Поэтому я мог позволить себе какие угодно роскошества: кормил в великолепном ресторане и развозил на такси всю нищенствующую писательскую эмиграцию во главе с Виктором Шкловским, ездил все время на такси; <...> и проч. и проч. Одно меня беспокоило: как мне получить визу в Париж (о визе для меня хлопотал и Онегин, и разрешение пришло, когда я уже месяц как жил в Париже²³) или вообще как добраться до Парижа. И вот как-то за столом у Гессенов я сказал: «Господа, я не знаю, чего бы я ни дал, чтобы получить визу во Францию!». А И. В. Гессен и говорит: «Да чего же проще? Хотите, у Вас завтра же будет виза?» — «Хочу ли я?» — Я обалдел от изумления и предвкушения восторга. Он сейчас же мне написал на своей визитной карточке несколько слов: «Вот пойдите с этим завтра утром в беженский комитет». Я утром же пошел, и через 5 минут мне дали удостоверение, что я нансеновский беженец (из осторожности я рассказал об этом Гринбергу, который вполне одобрил мой поступок). С этим удостоверением я пошел во французское консульство: «Хорошо, подождите минутку в приемной». Сел: через 10 минут мне приносят мое удостоверение с визой на 6 месяцев (первое время в Париже я должен был, без всяких хлопот, возобновлять *carte d'identité*²⁴ каждые 6 месяцев).²⁵

Получая изредка скупые сообщения от Гофмана, добиравшегося до Парижа около двух месяцев,²⁶ сотрудники Пушкинского Дома, кажется, не сомневались в том, что их предприимчивый и не лишенный авантюризма коллега окажется все-таки во французской столице. 25 авг., когда Гофман был уже в Берлине, вдогонку ему послали «меморандум» с перечислением дополнительных поручений, подлежащих выполнению в Париже:²⁷

1. Осмотреть бумаги князя Ив<ана> Серг<еевича> Гагарина (в числе их — письма Ф. И. Тютчева, А. И. Герцена и др.), находящиеся у о. П. Пирлинга в Париже, обследовать их и по возможности приобрести;²⁸

2. Осмотреть бумаги барона Гюбера Пфеффеля, в числе их — письма Ф. И. Тютчева к бар<ону> К. Пфеффелю в Мюнхен, находящиеся в Париже, обследовать и по возможности приобрести;²⁹

²² См. примеч. 2 к письму 39.

²³ См. примеч. 1 к письму 35.

²⁴ документ, соответствующий паспорту, для пересечения границ страны (*франц.*).

²⁵ Из воспоминаний М. Л. Гофмана.

²⁶ См. письма 32—34.

²⁷ ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1917), № 3, л. 254—257.

²⁸ Об этом см. в письмах 38 и 42.

²⁹ 10 писем Тютчева к шурину барону К. Пфеффелю за 1847—1873 гг. в свое время были напечатаны в сборнике «Старина и новизна» (Пг., 1917. Кн. 22. С. 278—293, 264—

3. Узнать, кем и на каких основаниях издана в Париже книга академика С. Ф. Платонова «Борис Годунов» (Пгр., изд. «Огни»);³⁰

4. Войти в сношения с наследниками П. Виардо в Париже относительно архива И. С. Тургенева.³¹

5. Войти в сношения с книгоиздательствами в Париже и Берлине по вопросу об условиях приобретения для библиотеки Пушкинского Дома вновь изданных книг по русской литературе.³²

Гофман разминутся с М. К. Мельниковой, которую Пушкинский Дом просил передать это письмо,³³ но оно все-таки попало к адресату, потому что ноябрьские и декабрьские письма Гофмана за 1922 г. содержат подробные отчеты по этим пушкинодомским комиссиям.

В Париже Гофман появился в первых числах сентября 1922 г. Как он вспоминал, французская столица встретила его сухой, теплой и солнечной погодой. Он осматривал город, гулял по Елисейским полям, проводил дни в Лувре, поднимался на Notre Dame и Эйфелеву башню, почти каждый вечер ходил в театры — словом, «наслаждался солнцем, свободой и по-настоящему радовался жизни».

8 сент. Гофман переступил порог квартиры А. Ф. Онегина, который жил в самом центре французской столицы, в районе Елисейских полей. Даже 35 лет спустя Гофман с трепетом вспоминал свою первую встречу с хранителем Пушкинского музея:

Я <...> много наслышался о его тяжелом и неприветливом нраве и <...> боялся, как мне удастся исполнить поручение — выйдет ли что-нибудь из попытки поладить с ним и закрепить за Академией Наук его музей. Пришел — и о чудо! (никто этого не понимал из знавших его) — он меня принял очень ласково и сразу влюбился в меня — так влюбился, что стал жить только моими визитами. Я приходил каждый день после завтрака, и он всегда сидел у окна — приделал себе к окну зеркало, чтобы видеть, кто идет по Champs Elysées (он жил на 25, rue de Marignan) и с нетерпением ждал, когда я покажусь в его зеркале. Я сидел за столом и работал, делал подробное описание музея с переписыванием всех документов; <...> он никому не позволял дотрагиваться до его вещей, а мне позволял рыться, как угодно и где угодно, и даже кое-что подарил (!) — напр<имер>, «Евгения Онегина» в великолепнейшем дорогом переплете — издание, вышедшее в день смерти Пушкина. Я описывал и переписывал, а Онегин сидел против меня в кресле и рассказывал о Тургеневе <...> и о других писателях, с которыми он встречался; иногда мы с ним немного гуляли.³⁴

---

279). Справку К. В. Пигарева об этих письмах см.: *Пигарев К.* Судьба литературного наследства Ф. И. Тютчева // Литературное наследство. М., 1935. Т. 19—21. С. 411—412.

³⁰ Речь идет об издании: *Platonov S. Boris Godounov, Tsar de Russie (1598—1605) / Traduit du russe par H. de Witte avec l'autorisation de l'auteur.* Paris: Payot, 1922.

³¹ Об этом см. в письмах 42 и 43.

³² Об этом см. в письме 43.

³³ «Мельникова, не дождавшись его, уехала из Ревеля», — сообщал Н. В. Измайлов Б. Л. Модзалевскому в конце августа 1922 г. (РО ИРЛИ, ф. 184).

³⁴ Из воспоминаний М. Л. Гофмана.

Свободный воздух Парижа, встреча с братом Вячеславом,³⁵ связь с которым он потерял еще во время гражданской войны, и давними петербургскими знакомыми, бытовая комфорт, в котором оказался Гофман, захватили его. Постоянно жалуясь Модзалевскому на тяготы общения с Онегиным, безденежье, собственную усталость, проблемы со здоровьем, разлуку с детьми, Гофман искал сочувствия, одобрения, похвалы у своего старшего коллеги и словно забывал о петроградской действительности начала 1920-х гг., из которой сам вырвался несколько месяцев назад. В парижских письмах Гофман подробно и с увлечением рассказывал Модзалевскому о своей работе по составлению описи, о подготовке нового договора с Онегиным и резких переменах в его настроении; просил Бориса Львовича воздействовать на Онегина, зная сердечное расположение хранителя Музея к Модзалевскому. Через три месяца напряженных усилий Гофману удалось подписать новый договор с Онегиным — на тех условиях, которые устраивали Академию наук и Пушкинский Дом. В отличие от договора 1909 г., новое соглашение с хранителем парижского Пушкинского музея было оформлено у нотариуса. 7 дек. 1922 г. Гофман отправил наконец в Академию наук долгожданную телеграмму: «Convention signée<,> tout Musée appartient Académie».³⁶

Когда был получен текст договора,³⁷ Модзалевский, исполняя желание Гофмана, в январе 1923 г. обратился к Непременному секретарю АН с прошением о продлении командировки — для составления полного и точного инвентаря музейного собрания, чтобы после смерти Онегина все оно перешло Пушкинскому Дому по договору, а не по завещанию, которое предполагало уплату очень высокой во Франции наследственной пошлины. «Против дальнейшего пребывания М. Л. Гофмана в Париже, — убеждал Модзалевский С. Ф. Ольденбурга, — Пушкинский Дом не только ничего не может возразить, но, имея в виду существеннейший научный интерес, сопряженный с этим пребыванием, с своей стороны ходатайствует о продлении его заграничной командировки на все то время, пока его работа не будет окончена».³⁸

1922 год заканчивался для Гофмана триумфально — не зря же он просил Модзалевского, пусть и в шутку, «не терять времени» и «воздвигать» ему «памятник в Пушкинском Доме».³⁹ До конца жизни Гоф-

---

³⁵ О В. Л. Гофмане см. примеч. 4 к письму 3 (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. С. 202).

³⁶ ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1922), № 3, л. 28; перевод: «Договор подписан<,> весь Музей принадлежит Академии» (франц.).

³⁷ См. письмо 42.

³⁸ ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1922), № 3, л. 30 об.

³⁹ См. письмо 36.

ман вспоминал первые месяцы своего пребывания в Париже как то время, когда он был по-настоящему счастлив в этом городе.

В начале 1923 г. почти одновременно произошли два события, которые, как потом оказалось, во многом предопределили перелом в настроении Гофмана и укрепили его в намерении не возвращаться в Россию. Оба события подробно отражены в переписке Гофмана с Модзалевским и Ольденбургом. Это история с «Неизданным Пушкиным», которую заново открывают публикуемые документы, и более известная по печатным источникам поездка Гофмана в Константинополь к внучке Пушкина.

В августе 1922 г. Гофман, как уже упоминалось, договорился в берлинском издательстве «Слово» о втором издании книги «Неизданный Пушкин: Собрание А. Ф. Онегина». Возможность подобного шага (ради получения денег для уплаты долга Онегину) Гофман обсуждал с академическим руководством перед отъездом в Париж — видимо, в самых общих чертах. В конце декабря тираж был готов, и Гофман подписал книгу в печать, сразу же сообщив Модзалевскому, что в конце января 1923 г. ее можно ожидать в Петрограде. Письмо Гофмана, полученное в середине января, произвело в Пушкинском Доме настоящую панику, вызванную прежде всего тем, что 22 нояб. 1922 г. был подписан декрет Совнаркома о запрещении государственным учреждениям издавать литературу за границей (в советской печати он был опубликован 13 дек.). Пушкинский Дом оказался перед серьезной проблемой: книга, подготовленная его сотрудниками, выходила не только в нарушение правительственного постановления, но и под маркой берлинского издательства «Слово», за которым к этому времени в официальных кругах прочно закрепилась репутация контрреволюционного и белоэмигрантского.⁴⁰ Политический аспект неожиданно возникшей проблемы осложнился к тому же давним конфликтом между Б. Л. Модзалевским и Н. О. Лернером. Подробности этой истории, оказавшейся, в общем, на периферии публикуемой переписки, восстанавливаются по архивным документам, без которых трудно понять, почему с такой категоричной настойчивостью требовал Модзалевский от Гофмана перенабора (или исключения) одной из страниц в книге «Неизданный Пушкин».

Конфликт между Модзалевским и Лернером разгорелся еще в 1912 г., когда Лернер при весьма сомнительных обстоятельствах — якобы по принадлежавшей ему «старинной копии автобиографических записок Пушкина» — впервые напечатал отрывок из Кишинев-

---

⁴⁰ Подробное изложение событий вокруг 2-го издания «Неизданного Пушкина» см. в письмах 44, 45, 47, 48, 52, 54, 55.

ского дневника поэта (с апрельскими—июньскими записями 1821 г., в том числе с записью 4 мая о приеме Пушкина в масоны). Автограф отрывка входил в собрание Онегина, которого Лернер в своем комментарии презрительно называл «парижским торговцем» и «парижским комиссионером по продаже антикварных редкостей Отто».⁴¹ Статья Лернера в «Ниве» взволновала Модзалевского — главным образом потому, что с ноября 1911 г. большая часть пушкинских автографов из Онегинского музея временно находились в Академии наук, куда их прислал Онегин, которому было обещано беречь рукописи, «как зеницу ока»⁴² и вернуть к 1 января 1912 г.⁴³ Только на короткое время подлинники передавались в типографию «Р. Голике и А. Вильборг», чтобы изготовить клише для издания Собрания сочинений Пушкина в «Академической Библиотеке русских писателей», над которым работали П. Е. Щеголев, Модзалевский и Гофман. Модзалевский немедленно написал Онегину о случившемся, объясняя контрафактную публикацию тем, что «пролаз Лернер мог достать оттиск у мастера и за двугривенный», хотя типография и была строго предупреждена, чтобы «оттисков никому не давали». «Я уже делился своими волнениями со всеми, — сообщал Модзалевский Онегину о своем расследовании, — м<жду> пр<очим> и с Морозовым, кот<орый> мне сказал, что несколько времени тому назад Лерн<ер> говорил ему, что „скоро распечатает все Онегинское собрание“. Морозов тогда же подивился, но узнать, конечно, не мог, как<им> обр<азом> Лерн<ер> может это сделать. <...> Я человек относительно спокойный, но едва могу себя сдерживать от приступов негодования и возмущения. Это в полном смысле мародер и хулиган. Это тем более обидно, что Л<ернер>, несомненно, лучший знаток П<ушкина> и, будь он честен, это был бы клад, а не человек. А теперь всякому порядочному человеку приходится его сторониться и стараться не иметь с ним никакого дела. Число обиженных им велико, и дух негодования против его поступков (поступок с «Нивой» — один из многих подобных⁴⁴) все рас-

---

⁴¹ См.: Нива. 1912. 4 февр. № 5. Стб. 93.

⁴² РО ИРЛИ, № 29005, л. 43 (письмо Б. Л. Модзалевского к А. Ф. Онегину от 2 нояб. 1911 г.).

⁴³ См. письмо А. Ф. Онегина к Б. Л. Модзалевскому от 11 нояб. 1911 г. (Там же, ф. 184).

⁴⁴ Так, за два года до этого жертвой Лернера-«корсара» оказался упомянутый в письме Модзалевского П. О. Морозов. В собрании Л. Н. Майкова, которое его вдова передала Библиотеке АН, хранился автограф пушкинской эпиграммы на Н. И. Гнедича («Крив был Гнедич поэт, преложитель слепова Гомера...»), текст которой был тщательно зачеркнут самим Пушкиным. Морозову, редактору одного из томов академического издания Собрания сочинений Пушкина, совместно с Модзалевским удалось прочитать

тет».⁴⁵ Не было пределов и негодованию Онегина. С Лернером у него были давние счеты, и он в течение нескольких лет в частной переписке называл его не иначе, как «Азефом» и «Николаем Азефовичем», «опытным лгуном», «клеветником», «вором» и тому подобными прозвищами.⁴⁶ Но Онегин не мог понять того беспечного отношения к присланным в Академию рукописям, которое, по его мнению, допустили Модзалевский и Котляревский (последний был председателем Комиссии по изданию «Академической Библиотеки русских писателей»). Онегин не мог простить им того, что пушкинские подлинники «фотографировали, не обставив это дело гарантиями»: «Разве здесь или в Веймаре — в Лондоне или Берлине — рукописи выдаются из музеев и библиотек на дом? <...> И разве дают т<a>к, т. е. оставляют фотографировать? Нет, или при себе, à la minute,⁴⁷ или ежедневно к вечеру уносят к себе оригиналы».⁴⁸ Н. А. Котляревский вслед за Модзалевским также пытался погасить возмущение Онегина: «Я понимаю, что Вам очень обидно читать в „Ниве“ статьи, в которых публикуются матерьялы... Ваши. И мне очень обидно — но что я могу сделать? Рукописи Пушкина хранятся в стенах Академии, и никто, кроме меня и Модзалевского, их в руках не имел. Но с них пришлось снимать фотографии. И я подозреваю, что Лернер украл копию из типографии. Проверить этого нельзя, обличить Лернера также нельзя, и приходится терпеть и быть осторожнее. Лернер откровенно заявил, что он человек аморальный, на моем языке — жулик: каковым его и все наше Отделение (русского языка и словесности. — Т. К.) считает. Какие он употребил ходы, чтобы выманить рукописи — я не знаю; знаю только одно — что никакого официального <?> обвинения предъявить к нему

этот текст, и он сообщил его в заседании академической Пушкинской комиссии. «Ее сейчас же все затвердили, — рассказывал сам Морозов в письме к Онегину, — и она пошла по городу, дошла до Азефа и вышла через него в свет (Лернер напечатал эпиграмма Пушкина в газете «Речь» (1910. 25 янв. № 24). — Т. К.). Он прекрасно знал, что эпиграмма будет в сборнике „Пушкин“ (т. е. в академическом издании «Пушкин и его современники» (СПб., 1910. Вып. 13). — Т. К.), но именно поэтому-то и поспешил ее напечатать раньше... Я просил Венгерова, при свидании, передать от моего имени, что это зовется свинством, — но, конечно, ему до этого дела мало» (РО ИРЛИ, № 29009, л. 3 об.—4; письмо от 18 апр. 1910 г.).

⁴⁵ Там же, № 29005, л. 45—45 об. (письмо от 12 февр. 1912 г.).

⁴⁶ Свое отношение к «воровству» Лернера Онегин зафиксировал и в нескольких записях на архивных конверте и папке, в которых хранился у него оригинал отрывка из Кишиневского дневника — «archi-драгоценность», по его собственной классификации (см.: «Тень Пушкина меня усыновила...». С. 29).

⁴⁷ немедленно (*франц.*).

⁴⁸ Письмо А. Ф. Онегина к Б. Л. Модзалевскому от 1 марта 1912 г. (РО ИРЛИ, ф. 184).

не могу. Он может сказать, что он на рынке в старых тетрадях нашел эти строки, и никто не может потребовать от него доказательств его слов. Рукописи постараемся выслать Вам в скорейшем времени. А пока приношу Вам извинения в той неприятности, которая случилась, но в которой я совсем не виновен».⁴⁹ Инцидент между Академией наук и Лернером в 1912 г. не попал, таким образом, на страницы печати и закончился для Лернера только репутационными потерями в ученом обществе, но это его, кажется, не смущало.

Давняя ссора вспыхнула с новой силой ровно через 10 лет, после выхода сборника «Неизданный Пушкин». Отрывок из Кишиневского дневника подготовил в этом издании Б. Л. Модзалевский. Твердо убежденный в своей правоте, он указал в комментарии, что пушкинский текст был опубликован в свое время Лернером «по цинкографическому снимку с подлинной рукописи Пушкина, изготовленному по заказу Академии Наук в типографии Голике—Вильборга и полученному там г. Лернером».⁵⁰ Лернер отреагировал мгновенно: 10 апр. 1922 г. он обратился в Союз писателей с заявлением, требующим привлечь Б. Л. Модзалевского к суду чести именно за эту фразу, в которой усмотрел «ложь» и «клевету», и направил копию своего заявления в газету «Жизнь искусства».⁵¹ Модзалевский, видимо, не хотел подвергать эту ситуацию публичному обсуждению и решил не доводить дело до третейского суда. Он направил в редакцию «Литературных записок» письмо, которое было напечатано 23 июня 1922 г. В нем Модзалевский предпочел согласиться с тем, что Лернер напечатал пушкинскую рукопись, как и утверждал, «со старинной копии», а не с фотографии, составлявшей собственность Академии, и «выразил сожаление о допущенной <...> ошибке».⁵² Казалось, что инцидент можно было считать исчерпанным, но через несколько месяцев Лернер предпринял новый «поход» на Модзалевского. 30 янв. 1923 г. в «Жизни искусства» он напечатал заметку «Мошенничество во имя Пушкина», в которой не только обрушился на Б. И. Коплана за его статью о пушкинском «Пророке», но и снова напомнил о событиях семимесячной давности: «Давно ли Б. Л. Модзалевскому, печатно уличенному в лжи и клевете

⁴⁹ Там же, № 28953, л. 1.

⁵⁰ Неизданный Пушкин: Собрание А. Ф. Онегина. Пб., 1922. С. 226.

⁵¹ Жизнь искусства. 1922. 3 мая. № 17. С. 7.

⁵² Литературные записки. 1922. 23 июня. № 2. С. 20. О несостоявшемся третейском суде над Модзалевским см. также во фрагменте воспоминаний М. Д. Беляева, опубликованном Н. А. Прозоровой, в кн.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998—1999 год. СПб., 2003. С. 338. Примирение Модзалевского и Лернера все-таки состоялось; это произошло, по воспоминаниям Н. В. Измайлова, зимой 1926/27 г. (см.: Там же. С. 313—314).

(в сборнике «Неизданный Пушкин») и привлеченному к судебной ответственности, пришлось, чтобы избежать кары, униженно просить прощения?».⁵³ Как свидетельствуют записи в рабочем дневнике Б. Л. Модзалевского, его коллеги, прежде всего Б. В. Томашевский, Л. К. Ильинский, А. С. Поляков, советовали «притянуть» к суду издателя и автора, а Томашевский, встретившись с Лернером в Госиздате, открыто не подал ему руки.

Таким образом, «новая пакость Лернера» совпала по времени с полученным от Гофмана известием, что берлинский «Неизданный Пушкин» выйдет «с фразой, на кот<орую> обиделся Лернер».⁵⁴ 12 февр. 1923 г. Гофману была отправлена телеграмма, а 13 февр. — письмо, подписанные непременно секретарем Академии наук.⁵⁵ Гофман, ничего не знавший ни о декрете Совнаркома, ни — тем более — о новом повороте в скандале с Лернером, искренне недоумевал, получив почти ультимативные требования академического руководства о приостановке переиздания книги. Тем не менее он выполнил все требования и в кратчайшие сроки разрешил ситуацию, ставшую опасной для Пушкинского Дома и самого Модзалевского. Уже 20 февр. Гофман телеграфировал Борису Львовичу о ликвидации «криминальной страницы», а 28 апреля сообщил из Берлина, что «книга выкуплена».⁵⁶ Причины столь резкого изменения ситуации и, главным образом, степень собственной «вины» так и остались не вполне понятыми Гофманом, даже когда он вспоминал об этом в конце своей жизни и когда ушли на периферию памяти детали всей этой истории:

Что делать? Конечно, я мог бы не обратить внимания на телеграмму и ответить, что я не могу остановить печатание уже отпечатанной книги, но я понял, что так зря мне не станут посылать такую телеграмму и что выход книги повлечет за собой тяжелые репрессии со стороны советской власти (так оно, конечно, и было бы). Но что же делать? Я вступил в переписку с Гессеном и попросил его не выпускать книгу, а продать весь тираж мне (единственная возможность не пустить книгу в продажу и не ставить под удар Академию). Хорошо, Гессен оказался не торгашом, а прекрасным человеком (недаром он мне так понравился) и предложил мне прекраснейшие условия. Книга была отпечатана в двух тысячах экземпляров⁵⁷ и должна была продаваться по 100 франков, если мне не

---

⁵³ Жизнь искусства. 1923. 30 янв. № 4. С. 8.

⁵⁴ См.: *Модзалевский Б. Л.* Из записных книжек 1920—1928 гг. / Публ. Т. И. Краснобородько и Л. К. Хитрово // Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905—2005. СПб., 2005. С. 24—25 (записи 31 янв., 2, 5—8, 12—14 февр., 1, 3, 6, 13, 17 марта 1923 г.). Далее все ссылки на эту публ.: *Модзалевский Б. Л.* Из записных книжек 1920—1928 гг., с указанием страниц.

⁵⁵ Текст телеграммы см. в письме 45, текст письма — в примеч. 2 к письму 48.

⁵⁶ См. телеграммы 47 и 53, а также письма 54 и 55.

⁵⁷ В письмах от 29 апр., 5 и 15 мая 1923 г. Гофман называет другую цифру — 5000 экземпляров.

изменяет память (и, значит, он имел юридическое право стянуть с меня 200 тысяч — то, что было бы для меня не по средствам), а он предложил мне выкупить по себестоимости — по 1 франку за экземпляр (в этом мне память не изменяет, ругаюсь за это), т. е. всего за 2000 франков! <...> Не помню, заплатили мне из Академии эти две тысячи или мне пришлось платить из своего кармана — во всяком случае, это было мне не трудно, и все уладилось, и я отослал все 2000 экземпляров в Россию.⁵⁸

Таким образом тираж второго издания «Неизданного Пушкина» оказался в России, и книга вышла в свет, но уже под маркой советского издательства. Выходные данные на титульном листе были обозначены следующим образом: «Государственное издательство, Москва / Петроград, 1923».

Другая история — с «неизданным дневником» Пушкина — началась для М. Л. Гофмана тоже в январе 1923 г. и тоже принесла ему небольшие неприятности, но, в отличие от истории с «Неизданным Пушкиным», не отпускала Гофмана до последних его дней.

Исходная информация о «неизвестном» прежде дневнике Пушкина, которая взбудоражила Гофмана в январе 1923 г. и не перестает волновать пушкинистов до последнего времени,⁵⁹ исчерпывается содержанием публикуемых писем Гофмана о его поездке в Константинополь к внучке Пушкина Елене Александровне Розенмайер. Он отправился к ней в марте 1923 г. в твердой уверенности, что вернется в Париж с пушкинскими реликвиями и рукописями, о которых Розенмайер сообщала в письмах и к тому же торопила Гофмана с поездкой. Супруги Розенмайеры показали Гофману — как посланцу А. Ф. Онегина и представителю Академии наук — семейные реликвии: фамильную печать Пушкиных, акварельный портрет Н. Н. Пушкиной и ее ввер. Но при первой же встрече о возможности продажи или передачи в чужие руки

---

⁵⁸ Из воспоминаний М. Л. Гофмана.

⁵⁹ См.: *Козмин Н.* 1) Зарубежные автографы Пушкина // Литературная газета. 1936. 15 сент.; 2) О неизвестном дневнике Пушкина и его переписке с женой // Книжные новости. 1937. № 2. С. 35—37; *Попов П.* Существует ли неизданный дневник Пушкина? // Литературная газета. 1936. 20 сент.; *Фейнберг И.* Пропавший дневник // *Фейнберг И.* Читая тетради Пушкина. М., 1981. С. 334—342; *Левкович Я. Л.* «Посмертный обыск» и дневник Пушкина // *Левкович Я. Л.* Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л., 1988. С. 223—233; *Фридкин В. М.* 1) Пропавший дневник Пушкина: Рассказы о поисках в зарубежных архивах. 2-е изд., доп. М., 1991. С. 200—217; 2) Тайна пушкинской рукописи // *Фридкин В. М.* Чемодан Клода Дантеса. М., 1997. С. 80—99; *Цявловский М., Цявловская Т.* Вокруг Пушкина / Изд. подготовили К. П. Богаевская и С. И. Панов. М., 2000. С. 79—82, 97—101, 103, 107, 143—145, 243—247, 253—254, 257, 278; *Русаков В. М.* Неразгаданная тайна // *Русаков В. М.* «Мое семейство умножается, растет...»: Дети и внуки А. С. Пушкина. Пушкинские Горы; Псков, 2006. С. 168—176 (Михайловская пушкиниана. Вып. 40); *Филин М. Д.* О «неизвестном дневнике» Пушкина // Московский пушкинист: Ежегодный сборник. М., 2001. Вып. 9. С. 255—263.

пушкинского дневника высказались как о «недоразумении» и настаивали на «неверном понимании» Гофманом и Онегиным предложения, изложенного в письмах.⁶⁰ Пространные письма-отчеты Гофмана к Модзалевскому со всею очевидностью свидетельствуют о том, что он так и не увидел в Константинополе обещанного дневника и рукописей Пушкина, и всегда говорил о них только со слов Розенмайеров. Тогда почему же, несмотря на их весьма странное и непоследовательное поведение, он так легко поверил Елене Александровне и сразу же отправил запрос в Академию наук о средствах на покупку документов, одновременно начав активные поиски денег в Париже и Берлине? Поведению Гофмана, как представляется, можно найти объяснение. Мог ли он, получив письмо от Е. А. Розенмайер и зная об аналогичных письмах М. И. Скобелеву и А. Ф. Онегину, заподозрить внучку Пушкина в мистификации? В том, что она находилась в бедственном положении, Гофман убедился сам, приехав в Константинополь, и намерение Е. А. Розенмайер продать «бесценные реликвии», чтобы избавиться от нищеты, вряд ли могло вызывать серьезные подозрения. Мог ли Гофман, в предвкушении сенсационной находки — новых пушкинских текстов, предположить, что внучка Пушкина и в письмах, и при встрече, скорее всего, рассказывала ему об известном дневнике Пушкина 1833—1835 гг., который до революции хранился в семье ее отца?⁶¹ Е. А. Розенмайер и не подозревала о том, что в июле 1919 г. Ю. Н. Пушкина, жена ее брата Григория, передала этот документ в Румянцевский музей, а в 1923 г. он уже был напечатан двумя отдельными изданиями — в Петрограде, где его подготовил Б. Л. Модзалевский,⁶² и в Москве, под редакцией В. Ф. Саводника и М. Н. Сперанского. Во всяком случае, в конце 1925 г. Гофман еще не утратил прежнего энтузиазма и верил в существование «неизданного дневника» Пушкина «в 1100 страниц»,⁶³ который будет опубликован не ранее, чем через 100 лет после смерти Пушкина. В эмигрантском сборнике «На чужой стороне» он не

---

⁶⁰ Подробнее см. в письме 56.

⁶¹ У старшего сына Пушкина хранился только этот дневник, на котором во время посмертного «досмотра» бумаг поэта был проставлен Л. В. Дубельтом «№ 2» (см. письмо А. А. Пушкина, опубликованное Н. С. Нечаевой, в кн.: *Временник Пушкинской комиссии*. 1980. Л., 1983. С. 148). Один дневник («журнал») Пушкина значится и в протоколе посмертного «досмотра» бумаг Пушкина (см.: *Цявловский М. А. «Посмертный обыск» у Пушкина // Цявловский М. А. Статьи о Пушкине*. М., 1962. С. 284, 295, 334), и в описи «разных манускриптов», которые В. А. Жуковский оставлял в Петербурге, уезжая за границу (см.: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 18, № 142, л. 6).

⁶² Об этом издании см. в письмах 56 и 64, а также в примеч. 2 к письму 51.

⁶³ В письмах 1923 г. Гофман называл «1011 страниц» (цифру «1100 страниц», которая в 1925 г. появилась в печати и была повторена в 1955 г., скорее всего, можно объяснить либо ошибкой памяти, либо незамеченной опечаткой).

только впервые предал гласности информацию об этом документе, но и сообщал о содержании дневника, который «прольет большой свет на историю дуэли и драму жизни Пушкина, подготовившую эту дуэль», и «еще больше реабилитирует честь его жены, чем все те материалы, которые до сих пор были в распоряжении пушкиноведов». ⁶⁴ Сейчас трудно сказать, излагал ли Гофман слова Е. А. Розенмайер или «фантазировал» в этом направлении сам, интригуя русскую эмиграцию (к этому времени он уже был уволен из Пушкинского Дома и формально был свободен от каких-либо обязательств перед Академией наук). В любом случае, в «константинопольской истории» Гофман в полной мере подтвердил свою репутацию не только страстного, азартного и легко увлекающегося человека, но и человека, способного «загипнотизировать» своим энтузиазмом других людей. ⁶⁵ Так, хорошо знавший Гофмана заведующий Музеем Пушкинского Дома М. Д. Беляев, который в 1929 г. вместе с сотрудниками Генерального консульства СССР тщетно разыскивал в Константинополе Е. А. Розенмайер, несколько лет спустя сам «увлек» в этом направлении В. Д. Бонч-Бруевича с его «широкими связями в правительственных кругах», ссылаясь при этом на своего бывшего коллегу: «Со слов М. Л. Гофмана, человека увлекающегося, конечно, надо сделать некоторую скидку, но, несомненно, что рукописи все же имеют громадный интерес и было бы жалко дать им затеряться во всех превратностях судеб нашей эмиграции или попасть в чужеземное хранилище». ⁶⁶ И в течение 1934—1935 гг. директор Государственного Литературного музея вел переписку с советским полпредством в Париже, рассчитывая на содействие его сотрудников в поисках внучки Пушкина, которая к этому времени уже обосновалась во Франции, и установлению знакомства с ней.

Когда «константинопольская история» ушла в более или менее отдаленное прошлое, Гофман, кажется, и сам вынужден был признать, что никаких неизданных рукописей у Е. А. Розенмайер не было. В 1930-е гг. он говорил об этом в частных разговорах. В этом его мог убедить и Н. А. Пушкин, брат Елены Александровны, с которым Гофман близко общался с начала 1930-х гг. и который уверенно заявлял Гофману: «Я знаю наверное, что дневника у нее (т. е. Е. А. Розенмайер. — Т. К.) нет; где находится этот дневник, я не знаю, но помню, что в детстве ви-

---

⁶⁴ Гофман М. Еще о смерти Пушкина // На чужой стороне. Берлин; Прага, 1925. № 11. С. 48.

⁶⁵ См. об этом во вступ. статье к 1-й части публ. (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. С. 184—185).

⁶⁶ Новое литературное обозрение. 2000. № 41. С. 169 (письмо М. Д. Беляева к В. Д. Бонч-Бруевичу от 3 окт. 1933 г.; публ. С. В. Шумихина).

дел его у отца».⁶⁷ Да и сама Е. А. Розенмайер не настаивала больше на том, что хранит «неизданный дневник» своего деда; во всяком случае, она больше никому не предлагала его купить. В июле 1931 г. на вопрос встретившейся с ней в Медоне Марины Цветаевой: «У Вас есть какой-нб. листок Пушкина?», — внучка Пушкина «с удовлетворенной и даже горделивой улыбкой» отвечала: «Ни-че-го. Папа́ все отдал в Академию наук».⁶⁸ В 1934 г. И. С. Лукаш побывал у Е. А. Розенмайер «в парижской мансарде», которую она снимала. Рассказ об этой встрече Лукаш тогда же напечатал в нескольких номерах газеты «Возрождение».⁶⁹ «С особым волнением и горечью» вспоминала внучка Пушкина дневник своего деда: и то, как в детстве перелистывала эту книгу в «темно-красном, слегка потертом» переплете, и то, что в этом дневнике были «пустые, слегка пожелтевшие страницы».⁷⁰ На вопрос Лукаша о местонахождении реликвии она ответила: «Дневник пропал».⁷¹ Но в то же самое время Розенмайер снова, как когда-то Гофмана, заставила С. Лифаря поверить в существование «неизданного дневника» (хотя и производила на него впечатление «женщины неуравновешенной») и направила его в поисках этого документа по «константинопольско-гельсингфорсскому» следу, который, как и следовало ожидать, оказался ложным; сама же предложила Лифарю «новые» пушкинские реликвии: «халат, чернильницу, гусиное перо».⁷²

В «неудавшейся, нечестной истории» с продажей дневника Пушкина пыталась разобраться и Н. С. Шепелева (урожд. Мезенцова; 1904—1999) — правнучка Пушкина, которая в третьем поколении пушкинских потомков ушла из жизни последней. Она помнила Елену Александров-

---

⁶⁷ Гофман М. Л. Существует ли неизданный дневник Пушкина? // Новый журнал (Нью-Йорк). 1955. Кн. 43. С. 260.

⁶⁸ Цветаева М. Встреча с внучкой Пушкина // Цветаева М. Неизданное. Сводные тетради / Подгот. текста, предисл. и примеч. Е. Б. Коркиной и И. Д. Шевеленко. М., 1997. С. 447.

⁶⁹ См.: Лукаш И. С. Внуки Пушкина в изгнании // Центральный Пушкинский Комитет в Париже (1935—1937). М., 2000. Т. 2. С. 77—85. На эту публикацию, затерявшуюся в эмигрантской печати и находившуюся долгое время вне поля зрения отечественных пушкинистов, впервые обратил внимание М. Д. Филин (см.: Филин М. Д. О «неизвестном дневнике» Пушкина. С. 258—262).

⁷⁰ Это описание соответствует тому, как выглядит известная тетрадь, которая в 1833—1835 гг. служила Пушкину для дневниковых записей (в наст. время: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 843), и красноречиво свидетельствует о том, что никакого другого дневника деда, кроме того, что хранился у ее отца, Е. А. Пушкина-Розенмайер никогда не видела.

⁷¹ Лукаш И. С. Внуки Пушкина в изгнании. С. 82.

⁷² См.: Лифарь С. Моя зарубежная Пушкиниана: Пушкинские выставки и издания. Париж, 1966. С. 177—178.

ну в ее молодые годы, расспрашивала о ней свою тетку А. А. Пушкину, которая жила в Москве, и своего брюссельского дядю Н. А. Пушкина и его жену. Все они историю с «неизданным дневником» Пушкина называли «непорядочным поступком» и «авантюрой» Е. А. Розенмайер.⁷³

Почему же в 1955 г., незадолго до смерти, Гофман решил написать, что у него «есть все основания думать» о существовании «громадного неизданного дневника Пушкина более чем в тысячу страниц»?⁷⁴ Может быть, в эти годы для него куда важнее было напомнить о себе, чем привлечь внимание к загадочной пушкинской рукописи? Как бы то ни было, в одной из последних своих статей Модест Гофман в очередной раз запутал давнюю историю, легкомысленно спровоцировав новый виток споров вокруг «неизвестного» пушкинского дневника и новые попытки его разыскать.

Константинопольская поездка и последовавшее за ней письмо Е. А. Розенмайер к Онегину⁷⁵ имели для Гофмана не только отдаленные последствия. Они обозначили резкое изменение его отношений с Онегиным, которые закончились полным разрывом. Гофман писал об этом Борису Львовичу, вспоминал и позднее в своих мемуарных письмах к А. Горской:

С тех пор прошел 31 год, а я все не могу забыть и не могу понять, что же произошло? <...> Гораздо важнее ее (Е. А. Розенмайер. — Т. К.) поведения то, какое действие это письмо произвело на Онегина: фраза, что он «стоит одной ногой в гробу», не выходила у него из головы и свела его с ума: первое время у него бывали проблиски, и он бывал милым со мной, и когда мы (я с моей семьей) поехали на юг (в Оrio), он еще послал моим детям посылку с шоколадом, но когда я вернулся с юга, он был уже совсем другой, и его душевная болезнь прогрессировала: кто бы к нему ни пришел, он всем говорил: «А Вы знаете, что профессор Гофман говорит, что я стою одной ногой в гробу»; когда я пробовал к нему приходить, он так волновался, и у него так дрожали руки, что я для того, чтобы его не волновать, в конце концов, перестал ходить; интерес ко мне у него все время был исключительно большой: что бы он ни услышал обо мне, он все записывал в свой дневник (у него были помечены все перемены моих адресов: «Гофман переехал туда-то»...); <...> перед смертью опять очень хорошо говорил обо мне и очень хотел меня видеть, но мне не успели сообщить.⁷⁶

1923 год был отмечен еще одним эпизодом в парижском пребывании Гофмана, но, по понятным причинам, он не рассказывал об этом в письмах, отправляемых в Петроград:

---

⁷³ Мезенцова Н. С. «В них обретает сердце пищу...»: Из записок правнучки А. С. Пушкина. М., 1999. С. 30—34.

⁷⁴ Гофман М. Л. Существует ли неизданный дневник Пушкина? С. 256.

⁷⁵ См. примеч. 13 к письму 56.

⁷⁶ Из воспоминаний М. Л. Гофмана. Этот фрагмент, отредактированный Гофманом для печати, см.: Гофман М. Л. Существует ли неизданный дневник Пушкина? С. 261—262.

Весною 1923 года Скобелев мне вдруг прекратил платить жалованье, и когда я его спрашивал о причине этого, то он ответил мне, что Академия наук задерживается и ничего не посылает для меня (но Академия и никогда ничего не посылала, зная, что я получил деньги на всю командировку, и даже не подозревая, что мне кто-нибудь платит какое-нибудь жалованье. <...> И хотя у меня оставался еще порядочный запас, и первоначальные 500 рублей золотом были собственно еще не тронуты, и я позволял себе <...> роскошества, <...> то стал думать о поступлении на какую-нибудь службу. Пожаловался на свое положение А. Ф. Онегину (в это время мы были еще очень дружны) и просил его помочь мне хоть чем-нибудь. К Онегину часто приходил граф В. Н. Коковцов; я с ним был знаком, он ко мне очень хорошо относился, и мы с ним часто гуляли по Champs Elyseés и беседовали (отсюда и донос Лукомского⁷⁷ <...>). Как-то Коковцов пришел к Онегину, Онегин и говорит ему: «Вот, граф, какие негодяи большевики: перестали платить жалованье профессору Гофману». Коковцов ответил: «Я всегда знал, что большевики негодяи, и очень рад, что получил лишнее подтверждение моему мнению о них. <...> Не беспокойтесь, я Вас устрою куда-нибудь». Но, несмотря на его громаднейшие связи, найти что-нибудь для меня Коковцову оказалось не трудно, а невозможно. <...> Он так и не мог найти для меня <место>, но т<ак> к<ак> обещал мне устроить меня, то изменил своему правилу не брать по протекции и взял меня к себе на службу в банк (на rue Laffitte). <...> Поэтому там меня приняли не хорошо, а слишком хорошо, как фаворита de «Monsieur le Comte» — так хорошо, что я через два месяца подал прошение об отставке. Меня боялись утруждать работой, и весь первый месяц я отчаянно скучал от ничегонеделья: я приходил в банк регулярно к 9 часам утра <...> (и сидел до шести вечера, смотря все время на часы и изнывая от скуки); изредка мне давали делать какие-то газетные вырезки; на второй месяц я тоже ничего не делал.⁷⁸

Получив при этом жалованье за два месяца, оплаченный отпуск для поездки на юг Франции и отпуск по болезни, Гофман, как он писал, «усоветившись», в ноябре 1923 г. подал прошение об увольнении, расстроив тем самым и отношения с Коковцовым.

С весны 1923 г. Гофман стал получать из Петрограда все более настоятельные требования о возвращении. 18 июня 1923 г. Правление РАН приняло постановление «незамедлительно сообщать в Правление о всех служащих, не возвратившихся своевременно из командировок, <...> для соответствующих распоряжений о прекращении выдачи означенным лицам содержания и отчисления их от занимаемой должности».⁷⁹ Об этом Гофман был лично уведомлен С. Ф. Ольденбургом во время приезда последнего в Париж. Отвечая на эти требования, Гофман в своих письмах Модзалевскому, с одной стороны, излагал более или менее объективную картину «онегинского дела» после заключения договора, с другой же стороны, в его объяснениях нельзя не заметить элементов обдуманного шантажа с угрозами «бросить на произвол судьбы музей» и выехать в Петроград, перечеркнув тем самым

⁷⁷ См. об этом в письме 55.

⁷⁸ Из воспоминаний М. Л. Гофмана.

⁷⁹ ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1922), № 1, л. 18.

всю проделанную работу.⁸⁰ Скорее всего, к осени 1923 г. у Гофмана, на которого к тому же обрушились разного рода неприятности (разрыв с Онегиным, охлаждение отношений с его душеприказчиками В. Н. Ковцовым и В. А. Маклаковым, материальные затруднения, семейные неурядицы), уже созрело решение не возвращаться в Россию,⁸¹ хотя еще почти целый год он добивался продления своих академических полномочий.

26 мая 1924 г. Правление РАН постановило прекратить выплату содержания Гофману «как неявившемуся к 24 мая с. г. из заграничной командировки» и просило неперменного секретаря «внести на обсуждение Отделения русского языка и словесности вопрос о дальнейшей службе М. Л. Гофмана».⁸² 29 мая 1924 г. Ольденбург просил В. М. Истрина от имени Президиума АН уведомить Гофмана, что он будет освобожден от занимаемой должности, если не возвратится в течение июня. Истрин, вероятнее всего, по просьбе Модзалевского, вновь просил оставить Гофмана на службе до 1 окт., «хотя и без содержания», чтобы «дать ему возможность ликвидировать свои парижские дела» и чтобы «не лишиться такого полезного сотрудника, каким он является для Пушкинского Дома и, в частности, для работ по Пушкину».⁸³ Но все усилия Пушкинского Дома в этом направлении оказались тщетными. Они не были поддержаны встречными усилиями Гофмана, хотя в конце мая 1924 г. ему объективно препятствовали в этом серьезная болезнь и проблемы с оформлением документов⁸⁴ (вспомним, однако, как активно действовал Гофман летом 1922 г., когда столкнулся с подобными проблемами по пути в Париж). 1 июля 1924 г. он был отчислен со службы в Академии наук.⁸⁵

Несмотря на это, Модзалевский, веря в искренность заверений Гофмана и искренне сочувствуя ему, стремился исправить ситуацию. 16 июля он писал Н. А. Котляревскому из Луги, куда уехал на время отпуска: «А что Вы думаете о Моде Гофмане?».⁸⁶ Видимо, результатом обсуждения того положения, в котором оказался Гофман, стало письмо директора Пушкинского Дома, направленное 30 авг. в Президиум АН, с просьбой «отложить на некоторое время — хотя бы до конца текущего года — отчисление» Гофмана, прежде всего в интересах Пушкинско-

⁸⁰ См., например, письма 57, 58, 61, 62 и комментарии к ним.

⁸¹ Он откровенно признался в этом Виктору Рышкову (см. примеч. 1 к письму 60).

⁸² ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1921), № 9, л. 213; ф. 2, оп. 1 (1919), № 3, л. 242.

⁸³ Там же, ф. 2, оп. 1 (1919), № 3, л. 244, 250.

⁸⁴ См. ниже его письма Б. Л. Модзалевскому (от 28 июля 1924 г.) и С. Ф. Ольденбургу (от 7 сент. 1924 г.).

⁸⁵ См.: ПФА РАН, ф. 2, оп. 1 (1919), № 3, л. 249.

⁸⁶ РО ИРЛИ, ф. 135, № 481, л. 29 об.

го Дома: «Пушкинский Дом желал бы сохранить этого энергичного сотрудника, имеющего в прошлом большие заслуги перед Пушкинским Домом и могущего быть очень полезным в работе тех Комиссий, в состав которых он входит как один из ревностных их членов».⁸⁷ 9 сент. на это прошение последовал отказ. Исчерпав все возможности в академических инстанциях, Котляревский писал Гофману 4 нояб. 1924 г.: «Вы сами должны были бы теперь же предпринять определенные и решительные шаги к реабилитации себя, чтобы не попасть в ряды добровольных эмигрантов».⁸⁸ Модест Гофман выбрал судьбу добровольного эмигранта, к чему он внутренне был давно готов.

«Онегинское дело» при этом не было доведено до конца: Пушкинский музей все еще оставался в Париже. 25 марта 1925 г. из Полпредства СССР во Франции за подписью Красина была отправлена телеграмма о кончине А. Ф. Онегина.⁸⁹ Сообщил об этом Модзалевскому и Гофман в письме от 3 апр., предупредив своих бывших коллег о юридических аспектах передачи Музея. 16 апр. Академия наук предложила Л. Б. Красину «затребовать» от Гофмана полную опись музея, которая была составлена им во время служебной командировки. 11 мая Красин просил Ольденбурга выслать формальное заявление со стороны РАН о принятии наследства и «направить для фактической приемки имущества уполномоченного представителя АН».⁹⁰ Так как Академия не могла немедленно командировать своего представителя, а в Париже возникла серьезная юридическая проблема с определением договорной и завещанной части Онегинского наследства, Ольденбург предложил Красину пригласить Модеста Гофмана в качестве эксперта.⁹¹ Принятое решение, единственно возможное в сложившейся ситуации, было, видимо, спасением и для самого Гофмана, который, по свидетельству В. Ходасевича, в середине 1925 г. «хворал и бедствовал».⁹² Примечателен тот факт, что одним из тех, кто уговаривал Гофмана принять участие в передаче Онегинского музея, был адвокат М. А. Михайлов, в 1922 г. помогавший хранителю Музея установить отношения с новой властью в России.⁹³

Не они меня уговорили, — писал Гофман, — а я сам в глубине души решил принять участие, потому что большевики одно и временное, а Академия Наук и наука непрехо-

---

⁸⁷ ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1920), № 5, л. 118.

⁸⁸ Там же, оп. 1 (1921), № 9, л. 243. Полный текст этого письма приведен в примеч. 2 к письму 68.

⁸⁹ ПФА РАН, ф. 2, оп. 1 (1919), № 3, л. 437.

⁹⁰ Там же, л. 458, 479—484, 487.

⁹¹ Подробнее см. в примеч. 7 к письму 69.

⁹² Ходасевич В. Ф. Письма к М. А. Цявловскому / Публ. Р. Хьюза // Русская литература. 1999. № 2. С. 223.

⁹³ Гофман М. Л. Существует ли неизданный дневник Пушкина? С. 262—263.

дяди, и мой долг не вставлять палки в колеса, а наоборот... <...> За очень хорошее вознаграждение (мне платили, кажется, 200 франков в час, а занимался я два часа в день <...>) я согласился делать описание музея и распределение его на две части: по договору и по завещанию. К завещанию я отнес только всякий хлам — стулья, носильное белье, костюмы и проч. — то, что собственно надо было сжечь, все остальное — к договору, т. е. Академия Наук не заплатила ни одного су пошлины. Работа происходила так: приходил я, приходил какой-нибудь Михайлов, очень часто — Paul Boyer (administrateur de Ecole nationale des langues orientales,⁹⁴ куда должны были перейти дубликаты библиотеки Онегина), приходил обязательно greffier,⁹⁵ и работа происходила так: я все пересматривал и диктовал greffier, что составляет собственность Академии по договору и что составляет имущество Онегина, которое он завещал.⁹⁶

За работу по восстановлению описи Онегинского музея Гофман получил 24 000 франков от Комиссии при Полпредстве СССР в Париже, и это «вознаграждение» стало для него серьезным подспорьем на несколько ближайших лет. Однако в марте 1926 г. Гофман был отстранен от работы в Комиссии по приемке Онегинского музея — за нарушение прав литературной собственности Академии наук. В эмигрантском сборнике «На чужой стороне» Гофман опубликовал письмо С. А. Соболевского к П. А. Плетневу от 13 февр. 1837 г. о семейных делах Пушкина после смерти поэта.⁹⁷ Академия наук в письме на имя советского посла во Франции Х. Г. Раковского заявила протест по поводу этой публикации. Гофман в свою очередь заявил первому секретарю посольства Н. С. Тихменеву, который возглавлял Комиссию по приемке Онегинского музея, что «не считает себя связанным никакими обязательствами перед Академией наук и вправе <...> публиковать и впредь ее материалы».⁹⁸ В 1926 г. Гофман еще раз нарушил права литературной собственности Академии наук, напечатав во Франции — под грифом «Bibliothèque de l'Institut Français de Léningrad» — свою книгу «Пушкинский музей А. Ф. Онегина в Париже. Общий обзор, описание и извлечения из рукописного собрания».⁹⁹

С этого времени полностью прекратились отношения Гофмана с Пушкинским Домом и его общение с советскими коллегами-пушкинистами. В первые годы Гофман занимался частными уроками в русских семьях, чтобы обеспечить жизнь в Париже и обучение сына. С 1924 г.

---

⁹⁴ администратор Школы восточных языков (*франц.*). О Поле Буае см. примеч. 7 к письму 46.

⁹⁵ секретарь суда (*франц.*).

⁹⁶ Из воспоминаний М. Л. Гофмана.

⁹⁷ Гофман М. Еще о смерти Пушкина. С. 5—48. О публикации пушкинских автографов из собрания К. Р., осуществленной Гофманом в 1924 г. (также без санкции Пушкинского Дома) и вызвавшей протест Академии, см. в письмах 48, 51 и 55.

⁹⁸ ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1927), № 16, л. 1.

⁹⁹ Подробные объяснения Гофмана в связи с выходом этой книги см. в его письме к С. Ф. Ольденбургу (письмо 71).

по 1939 г. по приглашению А. Мазона Гофман преподавал в Institut des Études Slaves. Основным же источником дохода на первых порах стало постоянное сотрудничество Гофмана с периодическими изданиями: он еженедельно помещал литературные фельетоны в парижских «Последних новостях», «Звене», «Возрождении» и «Иллюстрированной России», в берлинском «Руле» и в рижской газете «Сегодня».¹⁰⁰ В 1928 г. в парижском издательстве Я. Поволоцкого вышла книга М. Гофмана «Пушкин: Психология творчества». В соавторстве с Г. Л. Лозинским и К. В. Мочульским он выпустил «Историю русской литературы», а монография «Жизнь Толстого», написанная им вместе с А. Пьером,¹⁰¹ была отмечена премией Французской Академии.

С 1934 г., как считал Гофман, в его жизни «началась совершенно новая эпоха». Он начал работать «почти исключительно на Лифаря и с Лифарем». Это до такой степени поглощало все его время, что, по убеждению Гофмана, он (за очень редкими исключениями) стал «анонимом и перестал быть самостоятельным писателем».¹⁰² В середине 1930-х гг. Гофман подготовил целый ряд пушкинских изданий, которые были осуществлены на средства С. Лифаря. Они были оформлены в традиции книжной графики пушкинского времени и отличались высоким полиграфическим уровнем — в особенности книги с факсимильными воспроизведениями пушкинских автографов, которые к тому времени уже принадлежали знаменитому танцовщику и хореографу.¹⁰³ В 1935 г. Гофман вошел в парижский Центральный Пушкинский Комитет по подготовке празднования 100-летия со дня гибели Пушкина, где ему была поручена подготовка однотомного Собрания сочинений Пушкина, для которого Гофман написал статью «Пушкин и Россия» и составил комментарий.¹⁰⁴

---

¹⁰⁰ Библиографию работ М. Л. Гофмана о Пушкине, изданных в эмиграции, см.: Центральный Пушкинский Комитет в Париже (1935—1937). М., 2000. Т. 1. С. 455—457.

¹⁰¹ Hofmann M., Pierre A. Vie de Tolstoy. Paris, 1934.

¹⁰² Из воспоминаний М. Л. Гофмана.

¹⁰³ Пушкин. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года / Под ред. и с примеч. проф. М. Л. Гофмана и со вступ. статьей Сергея Лифаря. [Париж,] 1934; 2-е изд. [Париж,] 1935; Гофман М. Л. Пушкин — Дон-Жуан. Париж, 1935; Гофман М. Л. Египетские ночи с полным текстом импровизации Итальянца, с новой, четвертой главой — Пушкина и с Приложением (заключительная пятая глава). Париж, 1935; Гофман М. Л., Лифарь С. Письма Пушкина к Н. Н. Гончаровой: Юбилейное издание. 1837—1937. [Париж, 1936]; Гофман М. Л. История создания «Евгения Онегина» // Евгений Онегин, роман в стихах. Соч. Александра Пушкина / С коммент. М. Л. Гофмана, С. М. Лифаря и Г. Л. Лозинского; Под ред. М. Л. Гофмана. Юбилейное издание. Париж, 1937. С. 213—292; Гофман М. Л. Новый автограф Пушкина: Евгений Онегин. Париж, 1937.

¹⁰⁴ См.: Сочинения Александра Пушкина. 1837—1937: Юбилейное издание Пушкинского Комитета. Париж, 1937. О работе над изданием см. в кн.: Лифарь С. Моя зарубежная Пушкиниана: Пушкинские выставки и издания. Париж, 1966. С. 33, 36, 40—42.

В 1940-е гг. вместе с сыном Ростиславом Гофман издал книги «Пушкин и Россия» и «Драма Пушкина», а также два тома художественной прозы Пушкина.¹⁰⁵

Замечательная подробность: в числе именных экземпляров тиражей этих книг всегда был «Экземпляр Пушкинского Дома Академии наук СССР», неизменно пересылаемый в Пушкинский Дом. Модест Гофман не переставал числить себя среди «его давних сотрудников, преданных ему всею душою, всеми мыслями, интересами и работой», как сформулировал это в 1922 г. в надписи на «Первой главе науки о Пушкине», подаренной библиотеке Пушкинского Дома. До последних своих дней Гофман был «предан Пушкинскому Дому и признателен ему».

В апреле 1959 г. Н. В. Измайлов получил из Парижа письмо Андре Мазона: «С грустью сообщаю Вам о смерти Вашего знаменитого коллеги в области пушкиноведения Модеста Гофмана, приехавшего к нам во Францию в 1922 г. по поручению Академии наук СССР для классификации и инвентаризации документов и библиотеки Онегина. События, случившиеся из-за непредвиденных обстоятельств, не позволили ему вернуться в Россию, но мы с удовольствием продолжали сотрудничать с ним и поддерживали самые дружеские отношения. Он часто говорил со мной о своих ленинградских друзьях и обо всех, кто был связан с Пушкинским Домом. Считаю своим долгом попросить Вас передать эту печальную новость Вашим коллегам».¹⁰⁶ В конце 1950-х гг. Николай Васильевич Измайлов оставался единственным человеком в Пушкинском Доме, кто начинал свою профессиональную деятельность под началом Б. Л. Модзалевского и М. Л. Гофмана и хранил в памяти все перипетии «Онегинского дела», которое для его младших коллег было почти неизвестной страницей пушкинодомского прошлого. Андре Мазон приложил к письму и газетную вырезку с некрологом, в котором почтил память своего коллеги. Его заключительные слова звучат торжественной эпитафией одному из первых пушкинодомцев: «На протяжении своего изгнания он удивительным образом служил русской филологии, вместе с тем он оказывал содействие французским русистам, и это сотрудничество оказывало им честь. Его страстная и милая восприимчивость, тонкость его суждений, его артистический пыл за-

---

¹⁰⁵ Hofmann M. Pouchkine et la Russie. Paris, 1947; Hofmann Modeste et Rostislav. Le Drame de Pouchkine. Paris, 1948; Pouchkine. Romans et nouvelles. Doubrovsky. La Dame de pique. Les Nuits égyptiennes. Avec des introductions de M. Hofmann. Traduction de Rostislav Hofmann. Paris, 1947; Pouchkine. Romans et nouvelles. Les Récits de Belkine. Le Nègre de Pierre le Grand. Avec des introductions de M. Hofmann. Traduction de Rostislav Hofmann. Paris, 1947.

¹⁰⁶ РО ИРЛИ, р. I, оп. 41, № 75, л. 3 (перевод; подлинник на франц. яз.).

воевали ему дружбу многих людей. Во Франции, как и в России, его не забудут, и история русской литературы сохранит его имя».¹⁰⁷

Во вторую часть публикации вошли письма М. Л. Гофмана к Б. Л. Модзалевскому за 1922—1926 гг. (ответные письма Модзалевского не сохранились). Письма Гофмана (кроме писем 42, 53, 61) публикуются по автографам, хранящимся в архиве Модзалевских (РО ИРЛИ, ф. 184; фонд в наст. время проходит научно-техническую обработку); письмо 41, адресованное О. Н. Гофман, было передано ею Б. Л. Модзалевскому и осталось в его архиве, среди писем самого Гофмана; письма 42, 53, 61 находятся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН в составе делопроизводственных документов Пушкинского Дома (их архивные шифры указаны после текста писем). Кроме того, в корпус писем Гофмана, отправленных им из Парижа в Петроград—Ленинград, включено несколько писем, адресованных С. Ф. Ольденбургу (письма 48, 62, 66, 71) и Н. А. Котляревскому (письма 66 и 68). Все они касаются исключительно тех вопросов и проблем, которые Гофман обсуждал в переписке с Б. Л. Модзалевским, и составляют, таким образом, единый эпистолярный комплекс (эти письма находятся в ПФА РАН; шифры хранения указаны после текста писем).

Тексты писем печатаются в соответствии с современными орфографическими и пунктуационными нормами.

За возможность ознакомиться с некоторыми материалами из семейного архива М. Л. Гофмана и использовать их в настоящей публикации выражаю искреннюю признательность внукам М. Л. Гофмана — Владимиру и Андрею Гофманам, живущим в Париже. Приношу также свою глубокую благодарность Л. К. Хитрово, которая осуществляет в настоящее время научно-техническую обработку фонда Модзалевских, и Н. Л. Дмитриевой, подготовившей переводы французских текстов.

32

16 августа 1922 г. Ревель

Reval.

16. VIII. 1922.¹

Дорогой Борис Львович, целую Вас и ручки Варвары Николаевны.² Вы не представляете себе, какая мука пробираться за границей,

---

¹⁰⁷ Там же, л. 2 (перевод; подлинник на франц. яз.: *Mazon A. Un historien de la poésie russe Modeste Hofmann // Le Monde. 1959. 18 mars*).

имея командировку (все шарахаются в сторону).³ Сегодня еду в Берлин.

Мод<ест> Гофман.

Адрес: Russland.

Pétrograd.

Борису Львовичу Модзалевскому.

Пушк<инский> Дом при Рос<сийской> Ак<адемии> Наук.

В<асильевский> Остр<ов>. Унив<ерситетская> наб., д. 3.

Петроград.

¹ Написано на открытке с гравированным видом Ревеля. Получено в Петрограде 22 авг. (дата почтового штемпеля).

² В. Н. Модзалевская (о ней см. примеч. 2 к письму 9) (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. С. 206).

³ О затруднениях с получением визы, возникших у Гофмана в Эстонии и Финляндии, сообщал Модзалевскому и Н. В. Измайлов: «Модест Людв<игович> написал мне и Ольге Ник<олаевне> (Гофман. — Т. К.) письма из Гельсингфорса, от 14-го и 15-го августа. <...> Во французской визе ему отказали — и он очень был этим взволнован. Сам он чувствует себя плохо — нервничает, не спит, денег осталось мало, болела рука, и он два письма писал левой рукой (были фурункулы) (см. примеч. 5 к письму 35. — Т. К.). Но каким-то чудом получил в Гельсингфорсе немецкую визу и собирается 16-го выехать в Ревель, а оттуда через Штеттин в Берлин, и уже в Берлине добиваться вновь французской визы. Когда же доедет он до Парижа?» (РО ИРЛИ, ф. 184, письмо Н. В. Измайлова к Б. Л. Модзалевскому от 2-й половины авг. 1922 г.). Подробнее об истории получения Гофманом французской визы см. во вступ. статье.

33

23 августа 1922 г. Берлин

Berlin.

23. VIII. 1922.¹

Боюсь еще писать, но, кажется, мне сегодня удастся в один день получить французскую визу. Вообще своим пребыванием в Берлине я очень доволен и даже доволен тем, что меня разрывают на части. Думаю, что и для Пушкинского Дома будет не бесполезно мое пребывание в Берлине. Что Пушкинский Дом, что Ваш дом и что мой дом? Целую и приветствую Вас.

Мод<ест> Гофман.

Я не ожидал, что в Берлине будет так хорошо.

Адрес: Russland.

Petersburg.

Николаю Васильевичу Измайлову.²

Пушкинский Дом при Рос<сийской> Ак<адемии> Наук.
Универс<итетская> наб., д. 3.
Вас<ильевский> Остр<ов>.
Петроград.

¹ Написано на открытке с видом цейхгауза в Берлине. Получено в Петрограде 2 сент. (дата почтового штемпеля).

² Зная, что Б. Л. Модзалевский еще находился в отпуске и отсутствовал в Петрограде, Гофман адресовал открытку *Николаю Васильевичу Измайлову* (1893—1981) — историку литературы, пушкинисту, текстологу. В 1918 г. он окончил историко-филологический факультет Петроградского университета, где участвовал в Пушкинском семинарии С. А. Венгерова. В сентябре 1920 г. Измайлов поступил на службу в Пушкинский Дом, в апреле 1921 г. был назначен на должность ученого хранителя рукописей, а с октября 1924 г. (после увольнения Гофмана) стал заведующим Рукописным отделением. Подробно о Н. В. Измайлове см. во вступ. статье Н. А. Прозоровой к публ. его «Воспоминаний о Пушкинском Доме. 1918—1928 гг.» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998—1999 год. СПб., 2003. С. 272—284).

34

29 августа 1922 г. Берлин

Berlin.
29. VIII. 1922.¹

Дорогой Борис Львович, вчера был у Гржебина² и узнал у него следующее: сегодня едет в Петербург И. П. Ладыжников,³ и если Вы с ним (или просто по почте через Академию Наук) пошлете Вашего «Пушкина»,⁴ то он будет набираться таким усиленным темпом, что я смогу здесь продержать корректуру (а это очень важно, ибо они очень путают, и в Боратынском, напр<имер>, есть ужасные ошибки⁵). «Неизданного Пушкина» продал,⁶ но денег еще не получил и в Париж не повезу (да и совершенно бессмысленно при обесценении марки. Приличная в Германии сумма превращается — при переводе на франки — в неприличную во Франции). Сердечный привет всем, а в особенности Варв<аре> Ник<олаевне>.

Модест.

Адрес: Russland.

Petersburg.

Борису Львовичу Модзалевскому.

Пушкинский Дом при Рос<сийской> Ак<адемии> Наук.

Вас<ильевский> Остр<ов>. Универс<итетская> наб., 3.

Петроград.

¹ Написано на открытке с видом Национальной галереи и моста Фридриха в Берлине. Получено в Петрограде 7 сент. (дата почтового штемпеля).

² *Гржебин Зиновий Исаевич* (1877, по другим данным 1869—1929) — издатель, художник-график; основатель «Издательства З. И. Гржебина» (1919—1923), редакционный совет которого возглавлял М. Горький. В октябре 1921 г. Гржебин выехал в Германию в качестве представителя книгоиздательского акционерного общества «Книга» и открыл в Берлине филиал своего издательства (в 1922—1923 гг. под его маркой вышло 225 книг). Разорился в конце 1923 г.; с 1924 г. жил в Париже. Подробно о З. И. Гржебине см.: *Хлебников Л. М.* Из истории Горьковских издательств: «Всемирная литература» и «Издательство З. И. Гржебина» // Литературное наследство. М., 1971. Т. 80. С. 668—703; *Гржебина Елена.* З. И. Гржебин — издатель (По документам и воспоминаниям его дочери) / Коммент. Г. Ковалевой // Опыты: Журнал эссеистики, публикаций, хроники. Пб.; Париж, 1994. № 1. С. 177—206; *Динерштейн Е. А.* К истории отъезда М. Горького из советской России (М. Горький и «Издательство З. И. Гржебина») // Новое литературное обозрение. 1997. № 26. С. 377—386.

³ *Ладыжников Иван Павлович* (1874—1945) — издательский деятель, многолетний друг и помощник М. Горького по издательским делам. В 1905 г. по поручению РСДРП основал за границей партийные издательства: сначала в Женеве («Demos»), затем — в Берлине (как частное издательство под своим именем). В 1913 г. «Издательство И. П. Ладыжникова» было приобретено Б. Н. Рубинштейном, но сохранило прежнее название. Возвратившись в Россию в 1914 г., Ладыжников сотрудничал в издательствах и периодических изданиях, возглавляемых Горьким. В 1921—1923 гг. работал заведующим издательским отделом торгового представительства РСФСР в Берлине и директором-распорядителем акционерного общества «Книга» (с 1923 г. — «Международная книга»). В 1923 г. был избран членом правления акционерного общества «Международная книга» и переехал в Москву. С 1937 г. работал в Институте мировой литературы им. М. Горького, где занимался описанием рукописей и архива М. Горького. Подробнее см.: *Антропов В. И.* И. П. Ладыжников: Биографический очерк. Челябинск, 1972.

⁴ Речь идет об одном из двух изданий Пушкина, над которыми Модзалевский работал с 1920 г. по заказу «Издательства З. И. Гржебина». 14 апр. 1920 г. он заключил договор о редактировании собрания избранных сочинений Пушкина в 4 томах (с краткой биографией и примечаниями); а 23 окт. 1920 г. был заключен договор об издании пушкинских писем в 2 томах (со вступительной статьей и примечаниями). Оба издания не состоялись. Подробнее об этом см.: *Модзалевский Б. Л.* Из записных книжек 1920—1928 гг. С. 12, 16, 17, 107 (примеч. 25), 114 (примеч. 75), 117 (примеч. 101).

⁵ Имеется в виду подготовленное Гофманом однотомное издание поэта: *Боратынский Е. А.* Избранные сочинения. Берлин; Пб.; М., 1922. Об «опечатках, убийственных во всех берлинских изданиях», писал и В. Ф. Ходасевич М. А. Цявловскому 11 сент. 1923 г. (см.: *В. Ф. Ходасевич.* Письма к М. А. Цявловскому / Публ. Роберта Хьюза // Русская литература. 1999. № 2. С. 220).

⁶ Речь идет о книге «Неизданный Пушкин: Собрание А. Ф. Онегина» (Пб.: Атений, 1922; Труды Пушкинского Дома при Российской Академии Наук). Гофман «устроил» ее в издательство «Слово», которым руководил И. В. Гессен (см. примеч. 7 к письму 51). О судьбе берлинского «Неизданного Пушкина» см. во вступ. статье и далее в письмах 38, 42—45, 47, 48, 52, 54—56.

10 сентября 1922 г. Париж

10. IX. 1922.
Paris VI-e.
14, rue Stanislas.

Дорогой Борис Львович,

Вы ждете от меня, конечно, обстоятельного письма из Парижа, а я не в состоянии исполнить этого, потому что нет времени для писания писем и еще более потому, что очень трудно, а частью и совершенно невозможно написать и необходимо говорить. Подождите уж моего возвращения в Петербург и будьте спокойны за наше общее дело. Из области курьезов: я уже неделю в Париже, а вчера французское Министерство иностранных дел телеграфировало консулам в Ревель, Ригу и Берлин о разрешении въезда во Францию М. Л. Гофману¹ и Н. А. Котляревскому (пишу об этом на тот случай, если Нестор Александрович еще не выехал из Петербурга²).

Благословляю судьбу, что поехал в Париж, и что вовремя попал, и что могу сообщить Вам только приятные вести. Мое положение очень сложное и трудное, но, кажется, я с честью и счастливо создаю его и твердо уверен в совершенном успехе. Часто выдаюсь с В. И. Вернадским³ и обо всем советуюсь с ним.

Перед моим приездом в Париж много писали (и в русских, и во французских газетах) об Онегинском музее и об Пушкинском Доме — и могли очень сильно повредить заведомой неправдой и чепухой.⁴ Приходится распутывать, восстанавливать истину и восстанавливать права России и Российской Академии Наук. Моему делу очень много способствует очень радушная и радостная (я бы сказал) встреча меня в Париже со стороны всех и особенно тех, кто запутан в Онегинское дело (а в него запутано очень много лиц) — все облегченно вздыхают, что приехал «законный наследник».

Очень много ношусь по Парижу (и по его окрестностям, ибо многие живут еще в Banlieu*) — хорошо, что не бесплодно, и это дает мне силы и энергию, подбитую гельсингфорсской болезнью.⁵ Постараюсь вкратце по пунктам изложить важнейшее, чего мне удалось добиться и выяснить:

1) Ни в какую Америку и ни при каких условиях Онегинский музей не будет продан;

* пригороде (франц.).

2) Франция бесспорно признает неотъемлемое право Российской Академии Наук на Онегинский музей (одно время был вопрос о возможном секвестре);

3) Онегин оставляет завещание, по которому все его имущество, как значащееся в договоре, так и не значащееся, в том числе и капитал его свыше 150 000 франков,⁶ переходит в собственность Пушкинского Дома при Российской Академии Наук;

4) Онегинский музей увеличился в 3—4 раза с момента заключения договора;

5) Онегин хочет — и это совершенно необходимо — возобновить договор с Академией Наук и иначе редактировать некоторые пункты;

6) Возможен переезд Музея в другое помещение;

7) Необходима подробная охранный опись всего Онегинского музея, без чего могут произойти очень крупные неприятности и осложнения;

8) Здоровье Онегина очень плохо (ухудшило еще его здоровье нетерпеливое ожидание моего приезда в Париж и его личные хлопоты о моей визе в министерстве⁷), он может с минуты на минуту умереть (он очень боялся, что «издохнет» до моего приезда), и в это время мне почти абсолютно необходимо быть в Париже. Эта необходимость настолько очевидна, что все меня убеждают остаться в Париже, но я не могу в этом убедиться по той простой причине, что не в состоянии долго быть без детей — без Ростика⁸ и Наташи.⁹ Другое дело, если им позволят приехать (пускай без Оли¹⁰);

9) Если понадобится при возобновлении и укреплении договора с Онегиным уплатить ему известную сумму за истекшие годы (примерно 72 000 франков), я имею твердую надежду изыскать для этого средства.

Хочу думать, что пункты мои Вас успокоят, дорогой Борис Львович, и что Вы не пожалеете о моей поездке — действительно крайне необходимой — в Париж. Конечно, было бы очень хорошо, если бы Вы поехали сюда и, может быть, ввиду определившейся важности вопроса, Вы возбудили бы вопрос о разрешении Вам ехать в сопровождении Варвары Николаевны?¹¹ Напишите.

Ни к каким другим делам, кроме Онегинского, я еще не приступал, ибо всецело поглощен этим первостепенным для нас делом.

В Берлине на меня набросились издатели, но там платят гроши — 3000 марок (=30 франков) с листа, здесь условия гораздо лучше (200 франков с листа), но — принимают с большим почетом, лестными словами, признанием и уважением и не в состоянии ничего издать. Кажется, моя первая глава науки о Пушкине будет переведена на французский язык и издана отдельно,¹² но вряд ли я за это что-нибудь получу.

Я Вам писал из Берлина, что Гржебин с очень большим нетерпением ждет Вашего «Пушкина»¹³ и уверяет, что если Вы тотчас же пошлете, то я успею в Берлине продержать корректуру (а это очень важно в путаном Гржебинском издательстве). Как-то поживает Пушкинский Дом и как обстоит дело с роковым вопросом помещения? Какое бы счастье было, если бы мое письмо к Вам принесли с Университетской набережной на Тифлисскую улицу! Неужели еще целый год предстоит нам вариться в Шахматовской квартире?¹⁴ Заклинаю Вас Пушкиным, не допускайте никого к моей работе — все равно ничего не поймут и напутают, а мне помешают в исполнении хорошо мною задуманной, постоянно обдумываемой и завлекательной для меня работе.¹⁵ Что вообще делается в Академии?

Перебрасываюсь: русская эмиграция за границей в своем общем на меня произвела удручающее впечатление (особенно берлинская — самая многочисленная) — безнадежной оторванностью и непониманием России и русской жизни. Жаль людей, но они для России навсегда погибли. Как сердце, глаза и вообще здоровье Варвары Николаевны? Как Вы себя чувствуете? Если Вы очень устали, я потороплюсь закончить свои дела в Париже и поеду сменить Вас. Что Щеголевы¹⁶ и Козмины¹⁷? Что милая братия Пушкинского Дома?

Ваш любящий Вас Мод<ест> Гофман.

¹⁴ 24 июля 1922 г. Гофман из Финляндии написал Онегину о своих «тшетных» усилиях получить французскую визу, «разрешение на которую может дать только Париж», и просил его о содействии в этом деле (РО ИРЛИ, № 28865, л. 1; см. также вступ. статью и примеч. 3 к письму 32). Получив открытку Гофмана, Онегин сразу обратился в Министерство иностранных дел с ходатайством о разрешении въезда во Францию представителям Пушкинского Дома (см.: РО ИРЛИ, № 28865, л. 15—17). Только 7 сент. Министерство телеграфировало своему послу в Берлине и представителям в Гельсингфорсе, Риге и Ревеле о выдаче французских виз М. Гофману и Н. Котляревскому. Официальное уведомление из министерства Онегин получил по почте 8 сент., в этот же день у него появился и Гофман (см.: Там же, л. 2—3, 18—19).

² О Н. А. Котляревском см. примеч. 4 к письму 31 (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. С. 238). Вопрос о командировании директора Пушкинского Дома в Париж «по вопросу о пушкинских рукописях собрания Онегина» был решен еще в июне 1922 г. (см.: РО ИРЛИ, ф. 135, № 101, л. 1, 7—8), но по вине сотрудников академической Канцелярии письмо об этом не было своевременно отправлено в Наркомпрос. 11 нояб. Академия наук выдала Котляревскому удостоверение о командировании в Болгарию, Югославию и Чехословакию «для переговоров о возобновлении издания» «Энциклопедии славянской филологии» (Там же, л. 2—3; ПФА РАН, ф. 2, оп. 17, № 117, л. 31, 34—35). Котляревский выехал из Петрограда только 15 нояб. 1922 г. Он плыл до Штеттина на немецком пароходе «Пруссия» («философском пароходе», пассажирами которого также были высланные из советской России известные философы Л. П. Карсавин, И. И. Лапшин, Н. О. Лосский и др.). Из Штеттина Котляревский через Берлин отправился в Софию (подробнее об этом см. в кн.: Пушкинский Дом: Материа-

ды к истории. 1905—2005. СПб., 2005. С. 22, 127—128 и др.). См. также примеч. 3 к письму 41.

³ *Вернадский Владимир Иванович* (1863—1945) — историк науки, геолог, минералог, кристаллограф, основатель геохимии, биогеохимии, радигеологии, основоположник учения о ноосфере; академик (1912). В июне 1922 г. Вернадский был командирован в Париж по приглашению Парижского университета Сорбонны, профессором которого был избран в декабре 1921 г. В 1923—1924 гг. он читал в Сорбонне лекции по геохимии и работал в лаборатории Музея естественной истории (Muséum d'histoire naturelle). По окончании срока командировки в июле 1924 г. Вернадский не считал возможным прерывать начатые им научные работы, которые финансировал «Фонд Розенталя», и, отправив в Академию наук соответствующее заявление, остался в Париже. В 1925 г. за несвоевременное возвращение он был исключен из РАН (восстановлен в 1926 г., тогда же вернулся в СССР).

⁴ Один из таких откликов — статья «Пушкинский музей в Париже», напечатанная 24 июля в парижской еженедельной газете «Слово». Ее появление спровоцировала вышедшая в Петрограде книга «Неизданный Пушкин» (об этом издании см. во вступ. статье). Автор заметки, скрывшийся под псевдонимом «Пушкинист» и хорошо осведомленный о современном положении Онегинского собрания, энергично выступил в защиту Онегина и в крайне резких выражениях обвинял Академию наук в «полном незнании того, что делается с музеем»: «Можно поражаться энергии А. Ф. Онегина, который не только собрал свою замечательную коллекцию, но сумел сохранить ее в эти тяжкие годы, когда Музей был заброшен Академией Наук. Составители статьи в „Неизданном Пушкине“ справедливо жалуются на российскую власть, которая не выпустила за границу никого из Пушкинского Дома за все 5 лет своего владычества. <...> С октября 1917 г., около пяти лет, ни Академия Наук, ни органы власти не прислали г. Онегину ни копейки, задолжавши „бывшему“ владельцу Музея около 30 000 руб. золотом. С великими личными жертвами престарелый поклонник Пушкина хранит и приумножает Пушкинский музей в Париже. А члены Совета Пушкинского Дома позволяют себе печатно упрекать его в „расхищении“ им же собранного сокровища, ставя ему в вину напечатание отрывка в „Грядущей России“. <...> Таким образом, при нынешних российских порядках Академия Наук в Петрограде не в состоянии исполнять принятые на себя обязательства и содержать Пушкинский Музей в Париже. Но пусть же она и винит в этом нынешних господ России, а не тех, кто, подобно забытому часовому, умирает на своем посту, — хранителя сокровищницы русской литературы» (Слово. 1922. 24 июля. № 5). Вскоре по приезде Гофман напечатал пространный ответ автору этой статьи, в котором указал на все «фактические неточности о взаимоотношениях Пушкинского Музея А. Ф. Онегина <...> и Пушкинского Дома, <...> набрасывающие тень на Российскую Академию Наук» (*Гофман М. Л.* Пушкинский дом в Петербурге и в Париже // Слово. 1922. 18 сент. № 13). Газетную вырезку со своим ответом «Пушкинисту» Гофман сразу же отправил в Пушкинский Дом.

⁵ В ожидании въездной визы во Францию Гофман около месяца провел в санатории недалеко от Гельсингфорса. «Прежде чем ехать в санаторий, я имел глупость сделать маленькое путешествие по Финляндии и поехал в Або: ничего интересного там не оказалось, а это путешествие чуть не стоило мне жизни: в поезде меня укусила какая-то поганая муха, рука моя стала пухнуть, началось очень серьезное заражение крови, которое в санатории несколько раз возобновлялось (очевидно, из-за неудачных операций); ликвидировал я окончательно только в Берлине, где врач мне сделал очень удачную операцию» (Из воспоминаний М. Л. Гофмана). См. также примеч. 3 к письму 32.

⁶ Капитал Онегина на день его смерти (23 марта 1925 г.) составил более 500 000 франков (см.: *Гофман М. Л.* А. Ф. Онегин и его музей // Последние новости (Париж). 1925. 13 мая. № 1549). Н. В. Измайлов называет другую цифру — свыше

600 000 франков (см.: *Измайлов Н. В.* Воспоминания о Пушкинском Доме. 1918—1928 гг. // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998—1999 год. СПб., 2003. С. 317).

⁷ См. примеч. 1 к наст. письму.

⁸ Р. М. Гофман. О нем см. примеч. 5 к письму 27 (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. С. 227).

⁹ *Гофман (в замуж. Ремитян) Наталья Модестовна* (1918—?) — дочь М. Л. и О. Н. Гофманов. Осталась с матерью в Советском Союзе; умерла во время блокады Ленинграда.

¹⁰ О. Н. Гофман. О ней см. примеч. 4 к письму 25 (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. С. 224).

¹¹ В. Н. Модзалевская.

¹² Имеется в виду книга М. Л. Гофмана «Пушкин: Первая глава науки о Пушкине» (Пб., 1922; 2-е изд., доп. Пб., 1922). Ее французское издание не состоялось. Позднее, в 1928 г., в парижском издательстве Я. Поволоцкого вышла другая книга М. Гофмана — «Пушкин: Психология творчества», которую сам автор определял как «вторую главу науки о Пушкине».

¹³ См. примеч. 4 к письму 34.

¹⁴ С момента своего основания Пушкинский Дом располагался в главном здании Академии наук на Университетской набережной. В феврале 1919 г. Дому было передано здание бывшего Таможенного архива (Тифлисская ул., д. 1), нуждавшееся в капитальном ремонте, который из-за проблем с финансированием и отсутствием необходимых строительных материалов растянулся на несколько лет. В 1919 г. Академия наук предоставила Пушкинскому Дому для временного размещения коллекций свой большой Конференц-зал, пространство которого разделили шкафами и стеллажами на «закуты» для сотрудников и «хранилища» для обширных рукописных, книжных и музейных собраний. Поздней осенью и зимой 1920/21 г. и 1921/22 г., когда температура в этом большом неотапливаемом помещении приближалась к 0°, сотрудники перебирались в две комнаты квартиры скончавшегося в августе 1920 г. академика А. А. Шахматова, где продолжали работу по описанию рукописных собраний. Тяжелые условия, в которых протекала научная работа сотрудников, Гофман особо отметил в одной из информационных записок о деятельности Пушкинского Дома (см.: *Наука и ее работники. 1921. № 2. Январь. С. 25*). Переезд Пушкинского Дома в собственное здание на Тифлисской улице состоялся 29 сент.—5 окт. 1922 г. Подробнее об этом см. в воспоминаниях Н. В. Измайлова (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998—1999 год. СПб., 2003. С. 293), Н. В. Яковлева (*Звезда. 1969. № 8. С. 170—171*) и записных книжках Б. Л. Модзалевского (Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905—2005. СПб., 2005; записи 28 окт. 1920 г., 16 и 23 мая 1921 г.). См. также примеч. 15 к письму 38.

¹⁵ Вероятно, здесь идет речь о работе по описанию всех рукописей Пушкина, задуманной Гофманом в конце 1920 г. (см. об этом во вступ. статье к 1-й части публ.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. СПб., 2004. С. 197).

¹⁶ *Щеголевы: Павел Елисеевич* (1877—1931) — историк литературы и русского освободительного движения, пушкинист, автор фундаментальных исследований «Из жизни и творчества Пушкина», «Дуэль и смерть Пушкина» и др.; *Валентина Андреевна, урожд. Богуславская* (1878—1931) — его жена, драматическая актриса; *Павел Павлович* (1903—1936) — их сын, студент исторического отделения факультета общественных наук Петроградского университета, в будущем — специалист по истории позднего средневековья и новой истории, преподаватель Ленинградского университета (1924—1930, 1934—1935).

¹⁷ Имеется в виду семья Н. К. Козмина. О Козмине см. примеч. 14 к письму 29 (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. С. 235).

19 октября 1922 г. Париж

Paris.
19. X. 1922.¹

Дорогой Борис Львович, не жалейте, что я застрял в Париже: чем дольше я пробуду в Париже, тем будет лучше для Пушкинского Дома. Вы же не теряйте времени в Петербурге и воздвигайте памятник мне в П<ушкинском> Д<оме>. Вчера, м<ежду> п<рочим> (не у Онегина), нашел неизданное письмо Пушкина на 6 б<ольших> страницах: вчера же его переписал и начал ухаживание за ним — с тем, чтобы его пожертвовали в Пушкинский Дом.² Нападаю на следы очень интересных вещей. С Онегиным обстоит все прекрасно, и описание его музея подвигается успешно — сижу у него весь день, т<ак> ч<то> устаю. Всего доброго Вам и Варваре Николаевне.

Ваш Модест.

Адрес: Russie.

Pétrograd.

M-eur B. Modzalevsky.

Борису Львовичу Модзалевскому.

Пушкинский Дом при Рос<сийской> Акад<емии> Наук.

Вас<ильевский> Остр<ов>. Универс<итетская> наб., 3.

Петроград.

¹ Написано на открытке с видом бывшего охотничьего домика герцога Орлеанского Филиппа II (Регента) в Париже. Получено в Петрограде 30 окт. 1922 г. (дата почтового штемпеля).

² См. примеч. 2 и 3 к письму 38.

21 октября 1922 г. Париж

Paris.¹
21. X. 1922.

Дорогой Борис Львович, вчера А. Ф. Онегин выразил согласие на перевоз его Музея теперь же, при его жизни, в Пушкинский Дом и поручил мне об этом написать в Академию Наук. Если он и не откажется от своих слов, не знаю, как это выполнить. Хлопот всякого рода (и очень сложных) я не боюсь, но боюсь громадных, неизмеримых рас-

ходов. Телеграфируйте мне — телеграммы доходят на другой день — и пошлите, пожалуйста, для Онегина (мне или ему — безразлично) XXXIII—XXXV в <ыпуск> «П<ушкина> и его совр<еменников>»,² каталог выставки³ и «Пушкин и Россия».⁴ Целую Вас.

Модест.

Адрес: Russie.

Pétrograd.

M-eur B. Modzalevsky.

Борису Львовичу Модзалевскому.

Пушкинский Дом при Рос<сийской> Ак<адемии> Наук.

Вас<ильевский> Остр<ов>. Унив<ерситетская> наб., д. 3.

Петроград.

¹ Написано на открытке с видом Пантеона.

² 33—35-й выпуск академического издания «Пушкин и его современники» вышел в июне 1922 г. Содержание этого тома составили две работы М. Л. Гофмана: «Пропущенные строфы „Евгения Онегина“» (с. 1—344) и «Посмертные стихотворения Пушкина 1833—1836» (с. 345—411). См. также примеч. 9 к письму 27 (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. С. 228).

³ С 8 июня по 1 окт. 1922 г. в Пушкинском Доме была развернута выставка «Пушкин и его современники». Она размещалась в 8 залах бывшего дома князей Абамелек-Лазаревых на улице Халтурина (Миллионной). К открытию выставки был издан краткий путеводитель, составленный М. Д. Беляевым: «Пушкин и его современники: Указатель Первой отчетной выставки Пушкинского Дома при Российской Академии Наук» (Пб., [1922]). Рукописи Пушкина из собрания Онегина были представлены на выставке фотографическими снимками. В аннотации к черновому автографу «Египетских ночей», в частности, сообщалось о том, что «в ближайшее время» в Париж командированы представители Пушкинского Дома, и выражалась надежда «на очередной выставке представить и подлинные автографы этого богатейшего собрания» (с. 9).

⁴ Имеется в виду издание «Пушкин и Россия. Речь, сказанная в Доме Литераторов на торжественном заседании 11-го февраля (29-го января) 1922 г. председателем Комитета Дома Нестором Котляревским» (Пб., 1922). Изданная в миниатюрном формате, эта книжечка продавалась на Первой отчетной выставке в числе других изданий Пушкинского Дома. Доход от ее продажи поступал «в фонд на приобретение коллекций для Пушкинского Дома». Сохранились гранки и корректурный экземпляр брошюры с правкой Н. А. Котляревского и Б. Л. Модзалевского (см.: РО ИРЛИ, № 22569; ф. 135, № 39).

4 ноября 1922 г. Париж

Le 4 novembre 1922.¹

Дорогой, очень дорогой Борис Львович,
большое спасибо Вам за письмо. Зная, как трудно собраться Вам написать и как Вы устаете, я еще больше ценю письмо, доставившее мне

большую радость. Прежде всего обращаюсь к Вам с просьбой: немедленно же, в день получения этого письма, садитесь за письменный стол и пишите два письма — мне и А. Ф. Онегину и — если возможно — отправьте их по воздушной почте. Не только желанием поскорее иметь от Вас вести продиктована эта моя просьба, но и настоятельной необходимостью, ибо часто один день имеет большое значение. В моих отношениях с А. Ф. Онегиным я не имею очень важной помощи — подкрепления с Вашей стороны, и он часто продолжает повторять, что Академия Наук не желает его знать, что могли бы написать и проч. и проч. Но дело не столько в этом, сколько в том, что некоторые «и» требуют точек, дабы на следующий день нельзя было отказаться. Моему приезду А. Ф. Онегин очень рад и все время говорит, что лучшего выбора Академия не могла бы сделать, что он восхищается моими работами и знаниями и проч., но частенько вздыхает о Вас (я ему, конечно, твержу о том, что Вы очень тепло и с глубоким уважением относитесь к нему, сказал, что Вы написали ему большое письмо по получении моего первого письма из Парижа). Его совершенное распадение налицо, и с ним очень трудно иметь дело, п<отому> ч<то> каждый день у него являются новые проекты, и он с невероятной легкостью отказывается от того, что говорил накануне. Я у него сижу весь день и работаю, а он рядом лежит в кресле и часами говорит — $\frac{3}{4}$ стараюсь не слушать, ибо знаю, что это очередное. До вчерашнего дня все шло, как по маслу, а вчерашний день был очень тяжелый, и я боялся, что он будет последним; его обозлили 2 факта: 1) тот, что я снял у Катенева² копию с неизданного письма Пушкина к Баранту — письма, копия которого имеется у Онегина, а также разрешение на опубликование его,³ 2) — гораздо сильнее — маленькая заметка в «Последних новостях»⁴ (сегодня проверю источник) — составленная, конечно, не только без моего участия, но и без моего ведома, — о том, что «советское правительство ассигновало 15 000 р<ублей> золотом на покупку музея Онегина» и что «хранителем музея назначен Онегин»; подчеркиваю те 3 пункта, которые привели Онегина в ярость: 1) как мне советское правительство, которое должно за 5 лет 30 000 р<ублей> золотом, хочет уплатить 15 000 (он не знает — а я об этом, понятно, молчу и вывертываюсь — что 15 000 фактическим золотом = тем 100 тыс<ячам> франков, которые для него являются пределом достижения, за которые он отказывается впредь от всяких получек и признает весь музей неотъемлемою собственностью П<ушкинского> Д<ома>, и которые я обещал ему выхлопотать), 2) они думают, что я им продам весь музей, а спросили ли меня... и проч.; да я лучше сожгу все или продам в Америку и проч. и проч.; да я, м<ожет> б<ыть>, и Вам запрещаю печатать то, копии с чего Вы сняли и над чем работали (впрочем, не бойтесь — этого

я, д<олжно> б<ыть>, не сделаю) и проч. и проч.; 3) как и кто меня мог и смел «назначить», меня, который никогда не служил, когда я выговорил себе право быть пожизненным хранителем и проч. и проч. и проч. — очень долго писать. Кроме того, есть и другая подоплека: он по своим политическим убеждениям крайне левый, но у него здесь есть правые друзья, и он боится, что они разорвут с ним после этого... Придется эти дни усиленнее ухаживать за ним, а Вы ему об этом не пишете, чтобы не разойтись со мной в объяснениях.

Но не в этом дело. Всего, что он говорит, я Вам писать не буду (и не нужно и не стоит), но выживаю 2 разговора, которые мне хочется оформить (один день у него был проект — и он мне велел написать в Академию, а на другой день с яростью отказался — перевести сейчас же весь свой капитал на имя П<ушкинского> Д<ома>) — так, чтобы он не мог пойти назад.

1) Мы с ним пришли к соглашению, что 100 тыс<яч> франков будут даны ему в окончательный расчет и что с выплатой этих 100 тыс<яч> прекращаются всякие обязательства Академии Наук и России. Он позволил мне официально написать в Академию, что передает теперь же эти 100 000 в Пушкинский Дом (с тем, чтобы ему платили проценты). Следовательно: надо написать от имени Академии (по-больше важных подписей!), от имени П<ушкинского> Д<ома> и Вашего лично о том, что Вы получили это уведомление, приносите ему благодарность и проч. и проч. Следовательно: если 100 000 фр<анков> (=15 000 золотом) не переведены еще в Париж, их можно перевести в А<кадемию> Н<аук>, следовательно, если эти 100 000 не будут ассигнованы (хотя мне это и обещано), можно — в крайнем случае — представить их как полученные А<кадемией> Н<аук>, т. е. выплаченными Онегину, т. е. с ним произведен окончательный расчет. Боюсь, что Вы не понимаете меня, особенно из-за скобок и «проч.», но трудно написать, да еще кратко.

2) Он в конце концов согласился на вывоз теперь же — при его жизни — музея (завтра может отказаться — и не раз уже так и было); я здесь все сделаю для того, чтобы реализовать этот перевоз — или хотя бы — рукописной части, а Вы должны помочь мне поставить точку над «и»: напишите Онегину, что Вы получили от меня письмо, в котором я сообщаю о его желании немедленной перевозки в Академию его собрания, доложили об этом Президенту, Непр<еменному> Секр<етарю>, Директору и проч.

Сейчас мне звонили по телефону и назначили очень важное свидание на понедельник* — после этого свидания буду писать Вам и тогда

---

* Т. е. на 6 ноября.

уже буду просить об официальных письмах за всеми подписями, а сейчас резюмирую то, что прошу Вас сделать немедленно. Напишите А. Ф. Онегину (по моему адресу), что 1) получаете от меня постоянные сообщения из Парижа, 2) рассыптесь в лестных словах по адресу А<лександра> Ф<едоровича>, 3) то же по моему (и такой-то я ученый, и такой-то я хороший человек), 4) принесите ему благодарность за его хорошее отношение ко мне и к П<ушкинскому> Д<ому> и за 100 000 фр<анков>, 5) что Вы говорили обо всем с Президентом, Непременным Секретарем, Директором и пр. и что вся Академия благодарна и согласна на немедленный вывоз (который можно осуществить по частям) музея, что и поручает мне исполнить при его содействии и проч. Я Вас очень прошу, дорогой Борис Львович, адресовать письмо Онегину на мое имя — и как можно скорее — по двум причинам: 1) я передам в ту минуту, в какую оно может произвести наилучшее действие, 2) — ради Бога, не сердитесь — я хотел бы сначала посмотреть — процenzировать письмо — еще раз говорю: ради Бога, не сердитесь, но ведь Вы не можете сейчас знать всего парижско-онегинского положения и вдруг напишете то, что портит мою дипломатию (ведь надо знать, в каком состоянии находится сейчас прикованный к своему креслу старик!).⁵

Мои работы по описанию рукописей и снятию копий с некоторых подвигаются очень успешно: начал уже третью толстую тетрадь (2 недели — первые — я только разговаривал с ним и все боялся, что не удастся приступить к описанию, к которому он относился сперва враждебно); жаль, что нет под руками пособий, и я часто не могу определить, что напечатано и что нет. От души желаю Пушкинскому Дому, чтобы кто-нибудь в нем так усердно работал и так энергично сидел за описанием. Вечера — мои, и я провожу их в театрах, у знакомых и проч., но весь день — с 10 утра до 6 ½ ч<асов> в<ечера> — посвящены П<ушкинскому> Д<ому>.

Чтобы не затягивать, а главное — не задерживать письма, отвечаю кратко на все другие пункты.

Много интересных материалов нашел я у В. П. Катенева: помимо письма Пушкина, за которое он безумно просит 10 000 фр<анков> (а значит....) и с которого я снял копию, у него много писем Тургенева, Жуковского и проч.; человек очень скупой, и от него ничего не вытянешь, но надеюсь со всего снять копии.⁶

А что Вы скажете о Рубакинской библиотеке (42 000 томов)? Она находится под Лозанной, он крайне нуждается, и я уверен, что, если ему оказать помощь, он передаст Академии свою библиотеку.⁷ Напишите мне, и я тогда съезжу в Лозанну. Возвращаюсь к Катеневу — хотя он человек и скупой и сейчас ничего не отдаст даром, он составит заве-

щение, по которому все его собрание перейдет в собственность Пушкинского Дома после его смерти.

Отца Пирлинга, его иезуитов и библиотеки давно нет в Париже — они все перекочевали в Брюссель, а сам Пирлинг давно умер.⁸ Сейчас завязываю отношения с его преемником⁹ (нашел общих знакомых) и, если что выйдет, — напишу.

Был у Вл<адислава> Мицкевича (сына Адама)¹⁰ и снял точные копии с двух записей Пушкина и еще кое-что.¹¹ Сейчас устраиваю очень ценный дар Пушкинскому Дому: разные художественные издания и в том числе «Царя Салтана» с подлинными рисунками Гончаровой¹² — издание, стоящее (sic!) более 2 миллиардов наших рублей.

«Неизданного Пушкина» переиздаю в Берлине¹³ (все не могу собраться написать новое предисловие) и получил же гонорар 15 000 марок = 40 франкам = 1 дню жизни в Париже.

Спасибо большое за сообщение о моем доме: меня в моем доме не желают знать и даже не написали мне о получении двух ар (только от Вас и узнал, что они получили). Кстати, относительно АРА: не могу исполнить Вашей просьбы (и очень доволен) и послать Вам ару, потому что сделал это уже, по собственной инициативе, 3 дня тому назад, как раз перед получением Вашего письма. Если будет какая-нибудь возможность (сейчас ары из-за высокого курса доллара страшно дороги), пришлю Вам еще ару, а если удастся что-нибудь выгодно продать, то pošлю на Ваше имя и еще ару — для моих друзей в Пушкинском Доме.¹⁴

Радовался, читая Ваше письмо, переезду П<ушкинского> Д<ома>¹⁵ и его — вернее, Вашим — победам.

Да здравствует Пушкинский Дом!

Целую ручки Варвары Николаевны, Ваши уста и всем шлю привет. Здоровьем не могу похвалиться: значительно прибавил в весе, но что-то не ладится с сердцем, головой и глазами (слепну). На настроение же и жизнь в Париже не имею права жаловаться.

Любящий Вас Мод<ест> Гофман.

¹ Написано на почтовой бумаге с типографским штампом «Pension Jeanne / 14, rue Stanislas / Paris VI-е».

² Катенев Вячеслав Павлович (1864—1937) — искусствовед, библиофил, коллекционер; потомственный почетный гражданин Петербурга. С 1890-х гг. жил в Париже, регулярно приезжая в Россию; после революции 1917 г., лишившись принадлежавшего ему крупного состояния, стал эмигрантом. Катенев познакомился с Онегиным не позднее 1911 г.; 15 июля 1918 г. он оставил запись в памятной книге посетителей Онегинского музея: «От души желаю, чтобы Россия снова возродилась к культурной жизни, чтобы интересы искусства и литературы заняли почетное место, в нашем отечестве А. Ф. Онегин всегда будет вспоминаться с признательностью всеми русскими, которым дороги эти идеи» (РО ИРЛИ, № 29337, л. 197). С 1922 г. Катенев был председателем Тургенев-

ского общества в Париже, с 1926 г. состоял в Обществе друзей русской книги и входил в его правление. Знаток Парижа и его окрестностей, он «организовал при содействии Народного университета (речь идет о Народном университете, созданном в Париже для образования русской эмигрантской молодежи. — Т. К.) экскурсии по Парижу, <...> имевшие большой успех у русской эмиграции» (Временник Общества друзей русской книги. Париж, 1938. Кн. 4. С. 288). О парижской коллекции Катенева см. примеч. 6 к наст. письму.

³ Имеется в виду письмо от 16 дек. 1836 г., адресованное барону А.-Г.-П. де Баранту — историку, публицисту и дипломату, послу Франции в России (1835—1841). В этом письме Пушкин по просьбе Баранта сообщал сведения «о правилах, определяющих литературную собственность в России». По свидетельству одного из близко знакомых Онегину людей, хранитель пушкинского музея «слег от огорчения», когда «узнал, что В. П. Катенев приобрел у одного парижского антиквара интересное и длинное письмо Пушкина, которого он не заметил в каталоге» (*Апостол П. Н. А. Ф. Онегин (Жрец пушкинского культа)* // Центральный Пушкинский Комитет в Париже (1935—1937). М., 2000. Т. 1. С. 265). Катенев стал собственником этого письма во время первой мировой войны (см.: *Лозинский Г.* Письмо Пушкина об авторском праве // Временник Общества друзей русской книги. Париж, 1928. Кн. 2. С. 85). Однако через несколько лет Онегину удалось уговорить своего более удачливого коллегу предоставить ему право публикации пушкинского подлинника. 21 апр. 1921 г. Катенев писал хранителю Пушкинского музея: «Когда у Вас будут готовы примечания к автографу Пушкина, то не сообщите ли мне их, а также было бы, может быть, полезно сверить текст. Во всяком случае, когда будет помещено, то Вы мне пришлите экземпляр № журнала и также непременно упомяните, что автограф принадлежит мне. Это будет маленькая реклама для моего собрания на случай продажи» (РО ИРЛИ, № 28933, л. 3). Предположенная Онегиным публикация не состоялась. В России пушкинское письмо впервые было напечатано Гофманом — с разрешения Катенева (см.: Недра. М., 1924. Кн. 3. С. 171—174; перепечатано М. А. Цявловским в кн.: Письма Пушкина и к Пушкину, не вошедшие в изданную Российской Академией наук «Переписку Пушкина». М., 1925. С. 36—39). Осенью 1926 г. В. Д. Комарова, командированная в Париж на торжество по случаю 50-летия смерти Жорж Санд, посетила Катенева (по рекомендации одного из своих парижских знакомых) и сообщила в Пушкинский Дом о согласии владельца продать подлинник Пушкина, начав с Катеневым переговоры о возможной цене (см.: Отчет о деятельности Академии наук Союза Советских Социалистических Республик за 1926 год. Л., 1927. Ч. 2. С. 42; *Иванова Т. Г.* Рукописный отдел Пушкинского Дома: Исторический очерк. СПб., 2006. С. 168). У Академии наук не оказалось необходимых средств: на запрос Президиума АН от 20 нояб. 1926 г. Правление АН отвечало, что «на приобретение автографа Пушкина, представляющего по своему содержанию большое значение и находящегося в настоящее время в Париже, может быть предоставлено до 50 руб.» (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1926), № 7, л. 163). Попытки получить средства из кредита «в 100 000 руб., предназначенного для приобретения коллекций и приборов за границей», также не увенчались успехом (Там же, л. 174, 182). Покупка не состоялась. В октябре 1928 г. подлинник пушкинского письма еще находился в коллекции Катенева; с его разрешения оно было напечатано Г. Л. Лозинским (см.: *Лозинский Г.* Письмо Пушкина об авторском праве. С. 85—94; с приложением полной, но уменьшенной репродукции автографа). На парижской Пушкинской выставке 1937 г. письмо не экспонировалось, но так как имя Катенева значится в списке лиц, которые предоставили С. Лифарю принадлежащие им реликвии, можно предположить, что к этому времени пушкинский подлинник сменил владельца (см.: *Centenaire de Pouchkine. 1837—1937. Exposition «Pouchkine et son époque».* Paris, [1937]. P. 56). По сообщению Лифаря, в 1930 г. он передал Б. Е. Кохно (секретарю С. П. Дягилева в 1921—1929 гг.) два пушкинских документа: автограф стихотворения «К морю» (см. примеч. 8 к

письму 44) и некое «письмо» (см.: *Лифарь С. Дягилев — библиофил // Временник Общества друзей русской книги. Париж, 1938. Кн. 4. С. 194*). Нельзя исключить, что это могло быть пушкинское письмо, принадлежавшее Катеневу и проданное им Дягилеву после 1928 г. Местонахождение оригинала в настоящее время неизвестно. См. также письмо 43 и примеч. 7 к письму 62.

⁴«Последние новости» — русская ежедневная газета, основанная в Париже в апреле 1920 г.; с 1 марта 1921 г. выходила под редакцией П. Н. Милукова. Приехав в Париж, Гофман прежде всего отправился в редакцию «Последних новостей» — «посоветоваться, где <...> поселиться». «Мне указали на очень хороший пансион Pension Jeanne на Montparnasse (14, rue Stanislas) — я туда поехал и взял небольшую (потом переменял на большую), но очень милую комнату (пансион мне вообще понравился) и был поражен дешевизной» (Из воспоминаний М. Л. Гофмана).

⁵Модзалевский написал письмо Онегину 21 нояб. 1922 г., выполнив в нем все пожелания Гофмана (о содержании письма и реакции на него Онегина см. в примеч. 2 к письму 39 и в письме 42).

⁶Собрание В. П. Катенева не исчерпывалось автографами русских писателей (помимо подлинников Тургенева и Жуковского в него входили рукописи Гоголя, Герцена, И. Аксакова, Чехова, Полонского и др.). Катенев обладал также коллекцией автографов русских композиторов, собранием портретов, гравюр, рисунков и книг с автографами русских и иностранных писателей. Принадлежавшее ему письмо М. Тальони от 10/22 марта 1842 г., в котором прославленная танцовщица делилась впечатлениями о своих петербургских гастролях, Катенев опубликовал еще в 1912 г. (см.: *Русский библиофил. 1912. Т. 3. С. 59—61*). Были у него и миниатюрные портреты родителей Н. Н. Пушкиной, о которых Гофман не упоминает: либо их еще не было в собрании Катенева (они появились у него не позднее осени 1926 г.), либо они не заинтересовали Гофмана в такой степени, как оригинал пушкинского письма. В 1926—1928 гг. Пушкинский Дом предпринимал попытки приобрести хотя бы часть принадлежавших Катеневу раритетов (общую стоимость коллекции владелец оценивал в «30—25 тыс. франков»; см.: ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1928), № 7, л. 109). 1 авг. 1928 г. директор Пушкинского Дома С. Ф. Платонов, находившийся в научной командировке во Франции, посетил Катенева и ознакомился с его коллекцией; именно рукой Платонова написан документ, опубликованный Т. Г. Ивановой как «недатированная записка <...> неустановленного лица» (*Иванова Т. Г. Рукописный отдел Пушкинского Дома: Исторический очерк. СПб., 2006. С. 168—169*). Судьба катеневской коллекции неизвестна. Какая-то ее часть оказалась у С. Лифаря. Это прежде всего миниатюрные портреты родителей Н. Н. Пушкиной — Н. А. и Н. И. Гончаровых работы Вуальтье (E. Voiltier), впервые, без указания имени прежнего владельца, воспроизведенные в кн.: *Гофман М. Л., Лифарь С. Письма Пушкина к Н. Н. Гончаровой: Юбилейное издание. 1837—1937. [Париж, 1936.] С. 28*. В настоящее время миниатюры находятся в частном собрании за рубежом (см.: *Парижские находки: К 100-летию со дня рождения И. С. Зильберштейна. М., 2005. С. 44—54, 61—62; Бонами З. «...Твой образ милый»: Послесловие к выставке // Русское искусство. 2006. Вып. 4. С. 38—43; Жуйкова Р. «Миниатюры Гончаровых очень хороши...» // Там же. 2007. Вып. 4. С. 124—131*). Кроме того, Лифарь приобрел, вероятно, также у Катенева и часть автографов русских писателей и композиторов. Известно, что в катеневской коллекции были рукописи Державина, Некрасова, Чайковского, а также автограф одного из романсов Глинки на стихи Пушкина (см.: ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1928), № 7, л. 109). Возможно, именно о них идет речь в одной из книг известного танцовщика, хореографа и коллекционера (Лифарь, за редким исключением, не раскрывал имен прежних владельцев). Рассказывая о жемчужинах своего собрания, он, в частности, писал: «В мою Пушкиниану входят автографы Державина, Вяземского, Некрасова, а также манускрипты Глинки. Один из них на шести страницах особенно интересен тем, что

он имеет прямое отношение к Пушкиниане. На первой странице музыкальной партитуры рукой композитора написано:

„МЕРИ“

Песня из драматической сцены А. С. Пушкина.

Пир во время чумы

Посвящена М. С. К.

Варшава, 23 декабря 1849 г.

(Лифарь С. Моя зарубежная Пушкиниана: Пушкинские выставки и издания. Париж, 1966. С. 139). Судьба этого «манускрипта» неизвестна. Возможно, к катеневской коллекции восходит и письмо П. И. Чайковского к В. Н. Тенишеву о «Щелкунчике», подаренное Лифарем московской Консерватории в 1961 г. (см.: Там же. С. 169).

⁷ *Рубакин Николай Александрович* (1862—1946) — книговед, библиограф, публицист, беллетрист, писатель-просветитель, теоретик народного самообразования, один из основателей Международного института библиопсихологии. В 1907 г. по политическим мотивам Рубакин эмигрировал в Швейцарию (до 1909 г. он состоял в партии эсеров). Сначала он поселился в Кларане, а в 1922 г. переехал в Лозанну. В письме Гофмана речь идет о второй библиотеке Рубакина, собранной им за границей (первую он безвозмездно передал петербургской «Лиге образования» перед отъездом из России). После революции 1917 г. Рубакин, с энтузиазмом поддержавший социальный переворот в России, оказался в изоляции и, лишенный литературного заработка в европейских издательствах и периодической печати, остался без средств к существованию. Швейцарское книжное собрание Рубакина к 1920 г. насчитывало до 48 000 томов. Рубакин получал в это время выгодные предложения о покупке его библиотеки (в том числе от библиотеки Конгресса США, швейцарской Национальной библиотеки в Берне, библиотеки Базельского университета, Палестинской национальной библиотеки в Иерусалиме). С начала 1922 г. он несколько раз обращался к М. Горькому с просьбой содействовать изданию своих книг в России. В частности, он писал ему 10 февр. 1922 г.: «Я вовсе не желаю продавать моей библиотеки, а просил только о материальной поддержке: я просил Вас поддержать меня работой, чтобы библиотеку не продали за долги, так как она должна быть сохранена для России» (цит. по кн.: *Рубакин А.* Рубакин. (Лецман книжного моря). 2-е изд., доп. М., 1979. С. 141—142). Судя по всему, Гофман не получил от Академии наук никаких полномочий для переговоров с Рубакиным. В 1930 г. советское правительство назначило Рубакину персональную пенсию в 250 золотых рублей. Он завещал свою библиотеку СССР; после его смерти она была перевезена в Москву и составляет ныне отдельный фонд (около 80 000 томов) в Российской государственной библиотеке.

⁸ *Пирлинг (Pierling) Павел Осипович (Иосифович)* (1840—1922) — историк, иезуит, автор монографий по истории дипломатических отношений между Москвой и Римом: «Россия и Восток. Царское бракосочетание в Ватикане» (СПб., 1892), «Papes et tzars» (Paris, 1890), «La Russie et le Saint-Siège» (Paris, 1896—1912. Vol. 1—5). Ряд исследований о Пирлинге в переводе на русский язык был напечатан в «Русской старине». Пирлинг родился в России, в семье купца 1-й гильдии И. А. Пирлинга (главы фирмы «Пирлинг и компания», которая вела торговые дела с заграницей); обучался во 2-й петербургской гимназии. В 1856 г. вступил в Общество Иисуса (иезуитов) и покинул Россию. Жил в Италии, Бельгии и Франции. С 1877 г. он возглавлял Славянскую библиотеку (Bibliothèque Slave), основанную в Париже известным русским иезуитом кн. И. С. Гагариным в 1855 г. Перу о Пирлинге принадлежит статья об И. С. Гагарине в «Русском биографическом словаре» (М., 1914. Т. «Гааг—Гербель». С. 69—74) и книга о нем, изданная посмертно (*Pierling P. Le prince Gagarin et ses amis: 1814—1882 / Préf. Fr. Rouleau. Paris, 1996*). В конце 1907—начале 1908 г. о Пирлинге перевез Славянскую библиотеку в Брюссель, о чем сообщал своим русским корреспондентам Е. А. Боброву (см.: РО ИРЛИ, ф. 677, № 192) и Э. Л. Радлову (см.: Там же, ф. 252, оп. 2, № 1204, л. 8 об.). Последнему

он, в частности, писал: «Я намерен устроить здесь очаг русской культуры и дать возможность ученым знакомиться с Россией. Первое условие — это отборная русская библиотека. Я занимаюсь теперь ее составлением, что мне дает немало хлопот. Когда все будет устроено, можно будет приступить к документальным изданиям о России» (Там же, л. 14 об.—15). О. Пирлинг входил в круг парижских знакомых А. Ф. Онегина, в альбоме которого на странице, соответствующей дню своего рождения (20 мая), он оставил следующую запись: «Изучение исторических судеб страны духовно связывает с нею изучающего. Даже долгая разлука не может прервать этой связи — до того она сильна и отраднa» (РО ИРЛИ, № 29337, л. 114). Скорее всего, именно от Онегина узнал Гофман о давнем переезде Славянской библиотеки в Брюссель и о недавней кончине о. Пирлинга, которая последовала 25 февр. 1922 г. (Онегин отметил эту дату в своей адресной книге; см.: Там же, № 29313, л. 51 об.). После смерти о. Пирлинга Славянская библиотека по решению Ватикана была снова возвращена в Париж. Об общении в Париже с о. Пирлингом, «чарующим собеседником» и «образованным европейцем», см. в воспоминаниях М. Л. Вишницера «Как я занимался русской историей» (Новый журнал (Нью-Йорк). 1958. Кн. 53. С. 161—163). См. также письма 42, 44 и 61.

⁹ Скорее всего, речь идет об аббате М. Ж. Руэ де Журнеле, директоре Славянской библиотеки и авторе исторического очерка о ней (см.: *Rouët de Journal M. J. L'Œuvre des ss. Cyrille et Méthode et la Bibliothèque Slave // Revue des études slaves. Paris, 1923. Т. 3. Р. 90—104*). О Славянской библиотеке также см.: *Полонский Як. Книгохранилище русских иезуитов // Временник Общества друзей русской книги. Париж, 1928. Кн. 2. С. 65—72; Л. Ш. [Шур Л.] Из истории Славянской библиотеки // Символ (Париж). 1985. № 14. С. 247—253; Цимбаева Е. Н. Архив Славянской библиотеки в Париже: опыт описания // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1995. № 6. С. 86—94.*

¹⁰ *Мицкевич Владислав* (1838—1926) — старший сын Адама Мицкевича (1798—1855) и Целины Шимановской (1812—1855); издатель собрания сочинений А. Мицкевича, его первый библиограф и хранитель архива, который, наряду с книгами, картинами и мебелью отца, передал в 1903 г. в парижскую Польскую библиотеку и тем самым положил основание Музею Адама Мицкевича. Не позднее 1903 г. состоялось знакомство В. Мицкевича с Онегиным, в архиве которого сохранились его письма, а также отношения Музея Мицкевича с благодарностью за переданные в дар Музею книги, альманахи, портреты (см.: РО ИРЛИ, № 29002, 29003).

¹¹ Скорее всего, речь идет о двух пушкинских автографах, восходящих к собранию польской пианистки и композитора М. Шимановской (1789—1831). Один из них — адресованная Шимановской записка (датируется июлем—авг. 1828 г. или концом янв.—февр. 1829 г.). Копию с нее снял для себя А. Ф. Онегин (см.: РО ИРЛИ, № 29250, л. 1; ф. 244, оп. 1, № 168; также: *Цявловский М., Цявловская Т. Вокруг Пушкина / Изд. подготовили К. П. Богаевская и С. И. Панов. М., 2000. С. 83—84, 87*). Однако этот пушкинский текст оставался неизвестным отечественным исследователям вплоть до 1929 г., когда был опубликован П. Д. Эттингером (см.: *Красная нива. 1929. 9 июня. № 24. С. 12*). Другой автограф — альбомная запись 1 марта 1828 г. («Из наслаждений жизни / Одной любви музыка уступает, / Но и любовь мелодия...»). В 1905 г. его впервые напечатал Н. О. Лернер по копии, присланной ему А. Ф. Онегиным (подробнее об этой записи см.: *Кац Б. Любовь — мелодия или гармония? Несколько соображений об афористических строках из пушкинского «Каменного гостя» // Эткиндовские чтения: Сб. статей по материалам Чтений памяти Е. Г. Эткинды. СПб., 2006. [Сб.] 2—3. С. 43—60*). Возможно, Гофман скопировал и другие автографы русских писателей из альбома польской пианистки, который был широко известен с 1820-х гг. (см., например, посвященную ему статью П. А. Вяземского в кн.: *Московский телеграф. 1827. Ч. 18, № 23. С. 110—121*). Внимание Гофмана также могли привлечь списки пушкинского стихотворения «Он между нами жил...», посвященного А. Мицкевичу. Кроме того, в составе архива А. Мицке-

вича, переданного его сыном в Польскую библиотеку, был еще один пушкинский автограф — письмо С. С. Хлюстину от 25 мая 1835 (?) г. Этот документ происходил из семейного собрания Хлюстиных—Сиркур, близких семье польского поэта. Впервые, с неточностями, он был напечатан по копии, полученной П. Е. Рейнботом от В. Мицкевича, в академическом издании «Переписки Пушкина» под редакцией В. И. Саитова (СПб., 1911. Т. 3. С. 319) (см.: Переписка Б. Л. Модзалевского с П. Е. Рейнботом / Публ. Н. А. Прозоровой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год. СПб., 2001. С. 230). В 1929 г. информация об автографах Пушкина, хранящихся в Музее Адама Мицкевича, появилась в путеводителе по Музею (см.: *Monkiewicz V. Musée Adam Mickiewicz à Paris: notice explicative à l'usage des visiteurs.* Paris, 1929. P. 23), и вскоре парижская Польская библиотека (Bibliothèque polonaise) по просьбе Пушкинского Дома прислала в Ленинград фотографии с пушкинских оригиналов (см. письмо хранителя Библиотеки С.-П. Кочоровского к С. Ф. Платонову от 23 апр. 1929 г.: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, Прилож. № 45). В 1934 г. фотографии этих рукописей получил и Государственный Литературный музей (см.: Летописи Государственного Литературного музея. Пушкин. М., 1936. Кн. 1. С. 327—332, 336—337; *Черныш В. А. В. Д. Бонч-Бруевич и получение из-за границы рукописных материалов по истории русской культуры // Археографический ежегодник за 1973 год.* М., 1974. С. 142; *Shur L. Пушкинские материалы Польской библиотеки в Париже // Revue des études slaves.* Paris, 1987. Т. 59. Fasc. 1—2. P. 367—374).

¹² *Гончарова Наталия Сергеевна* (1881—1962) — художник, график, сценограф; двоюродная правнучка Н. Н. Пушкиной (по линии отца), жена художника М. Ф. Ларионова. С 1913 г. сотрудничала с С. П. Дягилевым, была автором эскизов декораций и костюмов для семи оперных и балетных спектаклей его «Русских сезонов», в том числе и для балета Н. А. Римского-Корсакова «Золотой петушок» на сюжет сказки Пушкина. В мае 1921 г. Гончарова закончила работу над иллюстрациями к пушкинской «Сказке о царе Салтане» в прозаическом переводе Клода Анета — для французского библиофильского издания (*Conte de Tzar Saltan et de son fils le glorieux et puissant prince Gvidon Saltanovitch et de sa belle princesse Cygne.* Paris, 1921). Помимо сюжетных иллюстраций ею были выполнены форзацы, шмуцтитутлы, буквицы, орнаментное обрамление печатного текста, концовки (литографии, раскрашенные вручную в технике акварели). Тираж книги составил 599 экз.: 70 было отпечатано на японской императорской бумаге, остальные — на веленовой (см.: А. С. Пушкин в русской и советской иллюстрации: Каталог-справочник / Сост. И. Н. Врубель, В. Ф. Муленкова. М., 1987. Т. 1. С. 73). Экземпляр Пушкинского Дома (№ 222) надписан художницей: «Пушкинскому дому Российской Академии Наук Н. Гончарова. Париж. 16 д<екабря> 1922 г.», «Этот экземпляр, предназначенный для Пушкинского дома при Российской Академии Наук, просмотрен автором иллюстраций. Н. Гончарова. 16 декабря. 1922 года. Париж» (подробное описание экземпляра см.: *Белоброва О. А. Об иллюстрациях Н. С. Гончаровой к немецкому переводу «Слова о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы.* СПб., 1993. Т. 47. С. 373—374, 396). Вместе с этой книгой Гончарова передала для Пушкинского Дома и другие издания, иллюстрированные ею и М. Ф. Ларионовым: *Рубакин А. Город: Стихи / Обл., ил. и виньетки по рис. Н. Гончаровой.* Париж, 1920; *Блок А. Двенадцать.* Скифы / С 14 ил. Н. Гончаровой и М. Ларионова. Париж, [1920]; *Blok A. Les Douze / Traduit du russe par Serge Romoff; Avec 7 ill. d'après les dessins de M. Larionow.* Paris, [1920]; *Парнах В. Самум / С 3 рис. Н. Гончаровой.* Париж, 1919; *Gontcharova [N.], Larionov [M.] L'art décoratif théâtral moderne.* Paris, 1919 (см.: ПФА РАН, ф. 2, оп. 1 (1919), № 3, л. 83; ф. 150, оп. 1 (1924), № 1, л. 1). Все они снабжены дарительными надписями художников и поныне (кроме последнего альбома) сохраняются в Библиотеке Пушкинского Дома. В 1932 г. по эскизам Н. Гончаровой была оформлена постановка оперы Н. А. Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане» в Ковенском театре. См. также письма 42 и 43.

¹³ Об этом см. во вступ. статье.

¹⁴ Международная благотворительная организация АРА (American relief administration) была создана в 1919 г. для оказания помощи странам Европы, пострадавшим в первой мировой войне. Ее возглавлял Г. Гувер (будущий президент США). В 1921 г., когда разразился голод в Поволжье, деятельность АРА разрешили в России; с лета 1922 г. «главные усилия» АРА были направлены «к спасению городского населения — в частности, интеллигенции — от голодного вымирания» (Слово (Париж). 1922. 24 июля. № 5). С открытием «Отдела продовольственных посылок» появилась возможность отправлять из-за границы индивидуальные посылки для живущих в России родственников и знакомых. Вес такой посылки, в которую входил стандартный набор продуктов, составлял 3 пуда (около 22 кг муки, 11 кг риса, 7 кг сахара, 5 кг сала, 450 г чая и 20 банок молока); стоила она 10 американских долларов. АРА прекратила свою деятельность с 1 июня 1923 г. (о деятельности АРА в советской России см.: Литературные записки. 1922. 23 июня. № 2. С. 22; Слово (Париж). 1922. 10 июля. № 3; *Макеев Н.* Америка — русскому народу (К годовщине работы АРА в России) // Современные записки. 1922. № 11. С. 286—292; *Соболев В. С.* Для будущего России: Деятельность Академии наук по сохранению национального культурного и научного наследия. 1890—1930 гг. СПб., 1999. С. 68—69). Об «арах», посланных Гофманом из Парижа, см. также в письмах 39, 40, 42, 43 и 45.

¹⁵ Письмо о переезде Пушкинского Дома, адресованное Гофману, не сохранилось, но об этом событии, чрезвычайно важном для всех пушкинодомцев, Модзалевский общал и Онегину 21 нояб.: «Пушкинский Дом не мечта, а факт: с 8-го ноября, когда мы отпраздновали пирогом наше новоселье (переезд закончен был 5 октября), — мы живем в своем здании, хоть еще и не довершенном, но близком к довершению; у нас 20 человек сотрудников, работа налажена во всех трех отделениях, — рукописном, книжном и музейном» (РО ИРЛИ, № 29005, л. 62). См. также примеч. 14 к письму 35.

39

20 ноября 1922 г. Париж

Paris.

20. XI. 1922.¹

Дорогой Борис Львович, ничего не пишу Вам, п<отому> ч<то> каждый день пришлось бы писать разное и противоположное. На той неделе добился таких головокружительно-блестящих успехов, что ликовал и захлебывался, и один неосторожный разговор с Онегиным того лица, за советом к которому Вы меня послали в телеграмме,² сразу все погубил. Сейчас положение сложнее и тяжелее, чем когда-либо. Приложу все усилия к тому, чтобы поправить его. Вообще же А<лександр> Ф<едорович> меня замучил — иногда боюсь, что не хватит духа кротости. Целую и люблю Вас. Получили ли ару?³

Ваш Мод<ест> Гоф<ман>.

Адрес: Russie.

Pétrograd.

Борису Львовичу Модзалевскому.

Вас<ильевский> Остр<ов>, 7 линия, 2.

Петроград.

¹ Написано на открытке с панорамным видом площади Согласия и реки Сены. Получено в Петрограде 2 дек. (дата почтового штампа).

² Речь идет о телеграмме, посланной Модзалевским Гофману 13 нояб. 1922 г.: «Académie consent transport Musée Onéguine<,> télégraphiez somme nécessaire<,> poids approximatif<,> consultez Skobeleff»* (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1922), № 3, л. 21). Она была дана вскоре по получении письма Гофмана от 21 окт. и отношения из Главнауки от 4 нояб. (см.: Там же, л. 29). Об этих совпавших по времени радостных событиях Модзалевский писал Онегину 21 нояб.: «Я получаю от милого Гофманчика уведомление, что Вы решаете <...> вопрос о соединении музеев и о перевозке Ваших богатств сюда! (см. письмо 37. — Т. К.). Я протираю глаза, не веря им, бегу к Президенту (А. П. Карпинскому. — Т. К.) и Вице-Президенту (В. А. Стеклову. — Т. К.) (они живут в том же академическом доме, где и я), к Непременному Секретарю (С. Ф. Ольденбургу. — Т. К.), наконец — к Котляревскому, показываю письмо: все поздравляют, радуются, что дело так хорошо складывается, славословят Вас и перевозносят Ваше решение, одним словом — общий восторг. А тут приезжает из Москвы один из наших хранителей Ник<олай> Вас<ильевич> Измайлов и привозит официальную бумагу из Комиссариата Просвещения о том, что постановлением такого-то числа решено выплатить Вам 15 000 р. (постановление Президиума Коллегии Наркомпроса «О Пушкинском музее в Париже» было принято 23 окт. 1922 г. — Т. К.), которые-де и отправлены уже в Париж со Скобелевым. Я — на седьмом небе и телеграфирую Гофману запрос, по поручению Президента и прочих начальствующих, о весе подлежащего перевозу имущества и приблизительной стоимости перевоза, чтобы, получив эти сведения, послать в Москву нашего сотрудника для раздобывания денег на перевозку сокровищ. <...> Как бы то ни было, сижу и жду ответа на телеграмму, стоившую 33 миллиона. Ответа все нет, не догадываюсь, почему, а тут получаю сегодня новое письмо Гофмана, с извещением о новом Вашем добром для нас решении — о пожертвовании нам 100 000 франков! (см. письмо 38. — Т. К.) <...> В Пушкинском Доме — общее ликование, строят планы о том, как заживет Дом в ближайшее время, Ваше имя не сходит с языка всех наших, приходящие к нам узнают о новой радости и радуются со всеми пушкинодомцами. Подобные радости в нашей теперешней жизни — еще ярче, чем Вы можете себе представить: столько у нас тревог, забот, столько черной работы после переезда в новое здание наше, столько осложнений, что ужас» (РО ИРЛИ, № 29005, л. 59 об.—60). В телеграмме от 13 нояб. Модзалевский предлагал Гофману консультироваться с Матвеем Ивановичем Скобелевым (1885—1938) — советским торгпредом в Париже и Брюсселе, в октябре 1922 г. получившим от Наркомпроса официальные полномочия в деле о закреплении Онегинского музея за Академией наук (см.: ПФА РАН, ф. 1, оп. 1 а (1922), № 170, л. 73 об.). Скобелев был знаком с Онегиным и принимал участие в решении судьбы его Музея с января 1922 г. (см. об этом во вступ. статье, а также: РО ИРЛИ, № 29270, л. 66, 67, 71, 72; «Тень Пушкина меня усыновила...». С. 56). В первый же день по прибытии в Париж навестил Скобелева (как единственного полномочного представителя России во Франции) и сам Гофман — «чтобы точнее узнать свои ресурсы». Позднее он вспоминал: «Торговались-торговались (мне стыдно было брать много — а он хотел дать больше) и, в конце концов, выторговались так: он мне дает 3 тысячи на костюм и три тысячи в месяц жалованья (по тем временам — в 1922 году — это была большая сумма, и я жил в пансионе гораздо лучше, чем жившие там французы миллионеры-рантье)» (Из воспоминаний М. Л. Гофмана).

³ См. примеч. 14 к письму 38.

* «Академия согласна на перевозку Музея Онегина<,> телеграфируйте необходимые расходы<,> примерный вес груза<,> советуйтесь со Скобелевым» (франц.).

27 ноября 1922 г. Париж

Paris.¹

27. XI. 1922.

Дорогой Борис Львович, сегодня послал от имени А. Ф. Онегина через АРА Вам посылку² и письмо Ольге Николаевне, в котором довольно подробно написал о текущем моменте (в том, что касается Онегинского музея).³ В двух словах: все идет хорошо, и только одного боюсь — преждевременности моего возвращения в Петербург. Пушкинский Дом не балует меня письмами, а мое сердце живет Пушкинским Домом и нетерпеливо ждет вестей. Сердечный привет Варваре Николаевне. Целую Вас.

Мод<ест> Гоф<ман>.

Адрес: Russie.

Pétrograd.

Борису Львовичу Модзалевскому.

7 линия, д. 2, кв. 15.

Вас<ильевский> Остр<ов>.

Петроград.

¹ Написано на открытке с видом Триумфальной арки. Получено в Петрограде 6 дек.

² В архиве Онегина сохранились квитанции об отправлении 27—28 нояб. 1922 г. через европейскую миссию АРА (об этой организации см. примеч. 14 к письму 38) двух продуктовых посылок: Б. Л. Модзалевскому и сыну Гофмана — Ростиславу (см.: РО ИРЛИ, № 29351, л. 46—48; № 28866, л. 1; *Краснобродько Т. И.* Хранитель // «Тень Пушкина меня усыновила...». С. 16—17). Модзалевский получил свою посылку 26 дек. (см.: РО ИРЛИ, № 29351, л. 44). Что значили подобные посылки для бедствующих петроградцев, свидетельствует, в частности, письмо Модзалевского Онегину от 12 янв. 1923 г.: «Спасибо, спасибо и тысячу раз спасибо Вам, дорогой и добрый Александр Федорович, за присылку АРА: Вы подкормили и меня, и семью мою, которая вместе со мною ела вкусный белый (белый!!) пирог с рисом в день Рождества, а теперь каждый день наслаждается белым (белым!!) хлебом за утренним и вечерним чаем. Если бы Вы были на нашем месте, Вы бы поняли наш восторг и чувства нашей Вам признательности» (РО ИРЛИ, № 29005, л. 63). См. также письма 42, 43, 45.

³ Письмо Гофмана, отправленное жене 27 нояб. 1922 г., не сохранилось, но, видимо, следующее письмо аналогичного содержания О. Н. Гофман передала Модзалевскому; оно осталось в его архиве (см. письмо 41).

О. Н. Гофман
3 декабря 1922 г. Париж

Paris.
3. XII. 1922.

Дорогая Оля, вчера вечером получил твое письмецо (нельзя же называть письмом две маленькие странички по 15 строк) и потому сегодня же пишу тебе. Лучше бы, пожалуй, подождать с ответом, ибо скис от массы хлопот, неприятностей, огорчений etc.; лучше бы написать, когда станет на небе светлее и определеннее, да боюсь откладывать: сейчас есть свободное время, а когда оно еще будет?

Вся эта неделя прошла под знаком тяжелой депрессии (о чем я уже тебе писал), и хоть неделя кончилась — сегодня воскресенье, — депрессия и поводы для нее не прошли еще. Затрудняюсь ответить, каких фунтов я больше истратил за эту неделю: бумажных ли — английских, или собственной плоти, крови, нервов, сердца. Нужно иметь мою преданность науке и славе Пушкинского Дома, чтобы переносить все то, что я переношу. Сидеть весь день у человека с невозможнейшим характером, слушать все и сдерживаться, быть весь день в страшном напряжении и каждую минуту отводить грозу или предупреждать ее — сил человеческих нет терпеть, и порою мучительно-несдерживаемо хочется бросить все на произвол судьбы и бежать, бежать — все равно куда, только бы не слышать воркотни, сцен, выражений злобы и проч. и проч. Если бы не Белоцветовы¹ — кажется, не выдержал бы, несмотря на все свое ангельство.

Если бы в Пушкинском Доме знали, в каком невероятном напряжении приходится мне иногда жить, с каким напряжением всех мозговых и нервных сил приходится преодолевать тяжелые и мучительные, мучающие препятствия, — думаю, что не стали бы завидовать мне и, несмотря на все парижские соблазны, не захотели бы быть на моем месте. Самое тяжелое — это ни на минуту не ослабевающее напряжение (нельзя ослабить, потому что малейшая неосторожность может все испортить).

Что же произошло, что явилось причиной депрессии? — спросишь ты. — Всех причин тебе пока не открою; покажу только кусочек — Онегинского дела. Дело дошло до передачи 100 000 франков и значит — до оформления всего дела, до нотариусов, до юрисконсультов, до.... Пока речь идет о словах — все хорошо, но как только Онегину надо подписывать какую-нибудь бумажку и брать на себя письменные обязательства, которые одни только и гарантируют права и интересы

Академии Наук, так Онегин сперва настораживается, потом приходит в злобное состояние, боится, что его ограбят, хочет сжечь музей («чтоб никому не доставалось»), переделать духовное завещание и проч. и проч. и проч. Малейшее неосторожное слово здешнего торгового агента² — и все летит к черту, и мне нужно снова воздвигать все с трудом построенное здание и доводить его до доброго состояния, в котором с ним можно разговаривать. А тут еще выступает на сцену алчность: уже месяц, как деньги привезены, он считает, что их нужно передать без всяких оформлений и что он уже потерял 600 франков процентов, каждый день спрашивает меня, принес ли я ему деньги (ты можешь себе представить, в какое состояние его приводит мой отрицательный ответ? — а можешь себе представить мое состояние, в каком я нахожусь, я, принужденный после этого сидеть еще 5 часов и работать — работу, к которой он и без того относится вообще недоброжелательно, — по описанию его музея). Надо было видеть его ярость, когда в пятницу ему принесли (торговый агент и юрисконсульт) проект условий, при подписании которых он получает 100 000 фр<анков>; я их поддержал, а ведь на другой день мне надо было у него сидеть 5 часов и работать. Вчера он мне объявил, что тех условий подписать не может, а предлагает свой проект — для нас неприемлемый. Как видишь, дело еще не кончилось. Его проекты нельзя и показывать — бессмысленно, торговый агент все равно не согласится на него, и вот сегодня я занялся составлением своего проекта — такого, который за выражениями, близкими к Онегинским, содержит в себе существо первого проекта. Если обе стороны согласятся — дело выиграно (с пролитием моей крови), и я могу торжествовать победу, если нет — новые осложнения, новые неприятности и новые хлопоты (и ведь как досадно: Н. Котляревский третью неделю сидит в Берлине, не пишет мне ни звука и не торопится в Париж, да и будет ли он сюда?).³ Так как я очень прошу тебя передавать Б. Л. Модзалевскому все, что я пишу тебе о деле, то и сообщаю тебе мой проект (еще одно слово: все было бы значительно проще, если бы 1) договор 1909 года был бы зарегистрирован⁴ — была допущена громадная ошибка, 2) если бы мы не были так жадны и не старались обеспечить уже теперь весь музей, а не ту часть, которая перешла к нам по договору 1909 года — опись Б<ориса> Л<ьвовича>).⁵

Если даже все окончится благополучно с подписанием, предстоит еще возня с регистрацией, свидетельствованием, признанием моих полномочий. Суди сама, могу ли я приехать раньше Рождества — тем более, что я хочу по возможности закончить опись, да и надо две недели побыть в Берлине, окончить там мои лично-издательские дела, отдохнуть от О<негина>, походить на Вагнера. Трудно еще точно

фиксировать день отъезда из Парижа, но хочу, чтобы это было 21 декабря — тогда я поеду в Берлин вместе с Белоцветовыми. Я уже устал писать — нанизывать бисер, о многом расскажу при личном свидании, а теперь наскоро допишу письмо. Что нас выселяют — правильно: мы сами отказались от нашей (теперь Кубасовской) квартиры,⁶ и нам не на кого пенять, кроме как на самих себя. Вещевую ару я хотел тебе послать, но в Париже еще не принимают вещевых посылок. Если можно будет — пошлю. Точно так же, если можно будет — но не полностью — исполню твои поручения в Берлине. Мне самому очень хочется хоть что-нибудь привезти, но удастся ли? У Сахарова денег не бери — ведь я свинья перед ним. Очень рад, что Ростиславка⁷ ходит во французскую школу, и еще более тому, что он доволен. Мне некогда скучать, а все-таки нет-нет, да с грустью и вспомню о доме. Глупо сделал, что не взял с собой Ростика. Шансонеток привезу (у меня уже есть вся «Dédé» — без ф-п<?>), могу привезти и живых. М<жду> п<рочим>, одна француженка, у которой я похитил сердце, просится со мною ехать (blague à part!).* Брать? Модный журнал мне, конечно, нетрудно привезти — но какой? А знаешь, какой у меня самый большой груз? — громадный и тяжеленнейший пакет с рукописями и книгами для тетки З. Трауготт.⁸ Рву и мечу, но что же делать? Целую всех крепко.

Мод<ест>.

¹ Речь идет о давних петербургских знакомых Гофмана. Николай Алексеевич Белоцветов до 1917 г. был директором Правления страхового товарищества «Саламандра», членом Совета съезда представителей промышленности и торговли и членом Русско-английской торговой палаты. Его дочери: Екатерина, Елена и Любовь — были ученицами Гофмана, когда он преподавал в гимназии Э. П. Шаффе. Семья Белоцветовых эмигрировала из России вскоре после октября 1917 г., жила в Берлине и Париже. Гофман поддерживал с ними дружеские отношения вплоть до их отъезда в Америку.

² Речь идет о М. И. Скобелеве (см. примеч. 2 к письму 39).

³ Н. А. Котляревский во Францию так и не приехал. Как свидетельствует частная переписка Котляревского, директор Пушкинского Дома изначально не планировал ехать в Париж. «Гофману не писал, — сообщал он Модзалевскому 10 дек. 1922 г., по прибытии в Софию, — т<ак> к<ак> все равно берегов Сены не увижу» (РО ИРЛИ, ф. 184). В начале февраля 1923 г. Котляревский в свойственной ему ироничной манере убеждал неперменного секретаря Академии С. Ф. Ольденбурга в том, что и без него «Гофман все устроит, т. е. придушит Онегина и завладеет его имуществом» (ПФА РАН, ф. 2, оп. 17, № 117, л. 41). В официальном же отчете, который Котляревский отправил в академический Президиум 28 нояб. 1923 г., он объяснял свой отказ от поездки в Париж тем, что, встретившись с Гофманом в Софии (см. письмо 50), узнал о благополучном завершении «онегинского дела» и принял решение остаться в Софии (фрагмент отчета

* шутки в сторону! (франц.).

опубл. Н. А. Прозоровой в кн.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998—1999 год. СПб., 2003. С. 333). Тем не менее до Онегина доходили какие-то ложные слухи о появлении директора Пушкинского Дома в Париже. В начале сент. 1923 г. драматург Виктор Рышков (о нем см. примеч. 1 к письму 58), сообщая своему брату Владимиру Александровичу, служившему в Академии наук и стоявшему у истоков Пушкинского Дома, о своем посещении Онегина, в частности, писал: «С удивлением и легким презрением <Онегин> упомянул о том, что Котляревский, будучи в Париже, не заехал к нему. Так же говорит и о всех тех русских, которые у него не были» (РО ИРЛИ, ф. 184, письмо Виктора А. Рышкова к Вл. А. Рышкову от 4 сент. 1923 г.). См. также примеч. 2 к письму 35.

⁴ Речь идет о нотариальной регистрации договора, заключенного 30 апр. 1909 г. между «проживающим в Париже русским подданным» А. Ф. Онегиным и Императорской Академией наук (ее интересы представлял чрезвычайный и полномочный посол России при французском правительстве А. И. Нелидов).

⁵ Далее следует проекта договора на французском языке. Так как его отличие от текста окончательного договора, подписанного 7 дек. и сообщенного Гофманом Б. Л. Модзалевскому в письме от 10 дек. 1922 г., заключается в незначительных формулировках, то он здесь опущен.

⁶ Имеется в виду просторная квартира в бывшем доме кн. С. С. Абамелек-Лазарева (наб. реки Мойки, 21), с весны 1920 г. перешедшем в ведение Академии наук и Пушкинского Дома (об этом см. во вступ. статье к 1-й части публ.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. С. 193—194).

⁷ Р. М. Гофман.

⁸ Возможно, речь идет о *Лауре Георгиевне Трауготт* — свободной художнице (по сведениям справочника «Весь Петроград» на 1917 г.).

42

10 декабря 1922 г. Париж

Paris. 10. XII. 1922.

Дорогой Борис Львович, очень дорогой — и в особенности потому дорогой, что прислали мне письмо. Прочел Ваше письмо к Онегину и пять минут колебался, передавать ли его, потому что в нем находится предательская фраза о 15 000 рублей.¹ Между тем письмо так прекрасно написано, что жаль было не дать радости Онегину и уничтожить то время и те силы, которые Вы потратили на письмо. Через пять минут решил передать, прокомментировав фразу о 15 000 р<ублях>, как о первом решении, которое было изменено вторым — о 100 000 фр<анках>. Конечно, жалеть не пришлось о передаче Вашего письма: он все время читает его себе и всем приходящим, приписывает получению Вашего письма хороший сон третьего дня ночью и очень доволен, хоть и ворчит, что я все перепутал и что он вовсе не поручал мне писать о его согласии на немедленный вывоз музея и на перевод его денег. Приезд Гринберга,² подписание соглашения³ и Ваше письмо были мне боль-

шой и необходимой моральной поддержкой: необходимой, ибо за последние 4 недели я так замучился с Онегинским делом и с Онегиным (в письме не расскажешь той волокиты и трепки нервов, которая предшествовала подписанию соглашения, но я думал, что не выдержу и не выживу), что ревел, а во вторник* у меня был весьма серьезный припадок (не говорите об этом моим). Впрочем, буду писать по порядку: сперва отвечу на вопросы Вашего письма, потом расскажу о современном положении дел, а затем — о моих предположениях.

Вы упрекаете меня в том, что мои письма «противоречивы и неустойчивы», но иными они и не могли быть; хорошо еще, что некоторое время я воздерживался от писания — иначе Вы получали бы сплошной сумбур с огромным количеством собственных имен. Теперь я вышел победителем, меня поздравляют, а у меня уже нет сил радоваться — так подорвался за эти 4 недели страшнейшего нервного напряжения и напряжения всех сил. Слава Богу, что справился и что все хорошо окончилось или почти окончилось — а уже висело на волоске.

Я знаю, что Вы что-то предпринимали с письмами Жуковского,⁴ а потому имейте в виду, что у меня имеется бесконечное множество писем Жуковского. Архив Виардо находится в Национальной Библиотеке; в этом архиве масса интересного (вплоть до неизданных произведений Тургенева), но на всем запрет, который будет снят, если не ошибаюсь, через 10 лет.⁵ Русская библиотека и архив о. Пирлинга (с Тютчевскими бумагами) находится в Брюсселе.⁶ Если я останусь в Париже, то обязательно вступлю с ними в сношения и буду просить о передаче нам архива — но только на каких основаниях? Посоветуйте. Теперь относительно ар. Вы должны получить 3 ары, и 1 — Ив<ан> Андр<еевич> Кубасов. Первую ару я послал Вам от имени М. Винблад⁷ и лично для Вас и, конечно, ни теперь, ни по возвращении не имею абсолютно никакого желания говорить о какой бы то ни было расплате и вообще об этом, вторая ара послана только на Ваше имя — для распределения в Пушкинском Доме,⁸ на третью ару — опять-таки лично для Вас — я подбил Онегина (он долго колебался, но в конце концов не выдержал и выложил деньги), четвертая ара послана им же Ивану Андреевичу — вчера (по-видимому, на радостях, что получил 100 000 франков).⁹ Никаких галок¹⁰ не видел, писем от них не получал (я так и думал, что он скроет от меня свое пребывание за границей, чтобы я не поднял неприятных для него вопросов и вообще не встречался с его *principes***) и не напал на следы его *принчипессы*,¹¹ хоть и пробо-

* Т. е. 5 декабря.

** Правильно: *principessa* — княгиня (*итал.*).

вал этим делом заняться (но и в банках не знают ее местопребывания). Скоро будет готово второе (берлинское) издание «Неизданного Пушкина», а я до сих пор не могу приступить к этому вопросу с А<лександром> Ф<едоровичем>, ибо с первым изданием у него связано очень много неприятного (хоть он и отдает должное прекрасному исполнению), и я обхожу это. Теперь дошел до дела. В высокаторжественный день 7 декабря на rue de Marignan было подписано следующее соглашение, стоившее мне много нервов и крови:

Entre les soussignés

Mr Alexandre Onèguine, conservateur du Musée Pouchkine, officier de la légion d'Honneur, demeurant à Paris, 25 rue de Marignan

d'une part

et Mr le Professeur Modeste Hoffman, agissant comme représentant qualifié de l'Académie des Sciences de Russie, au nom et pour le compte de cette dernière, demeurant à Paris, 14, rue Stanislas

d'autre part

Il a été exposé et convenu ce qui suit.

Par une convention en date du 30 avril 1909, Mr Onèguine a cédé à l'Académie des Sciences de Russie le droit de propriété sur tous les manuscrits, livres, brochures, exemplaires des journaux et revues, en langue russe ainsi qu'en langues étrangères, contenant les oeuvres de A. S. Pouchkine, et d'autres écrivains russes, aperçus critiques de ces oeuvres, biographies, descriptions de différents événements survenus dans la vie de ces écrivains, tous les portraits d'écrivains russes, tableaux, dessins, oeuvres musicales sur les paroles de ces écrivains, le tout lui appartenant.

En outre, Mr Onèguine a cédé à la même Académie sa bibliothèque qui appartenait antérieurement à V. A. Joukovsky, au nombre de 400 volumes environ, en langues russe et étrangères, ainsi que tous les manuscrits et dessins qui appartenaient antérieurement au même Joukovsky et qui sont devenus propriété de Mr Onèguine.

Une description d'une partie de ces manuscrits et objets a été faite par les soins de Mr Modzalevsky, Secrétaire de la Conférence de l'Académie des Sciences de Russie, et publiée à S'Pétersbourg, en 1909, dans la revue «Pouchkine et ses contemporains», vol. XII.

La jouissance de cette collection a été laissée à Mr Onèguine, durant sa vie, et qui en est resté conservateur perpétuel, et par les soins duquel la collection se complétait depuis, moyennant des nouvelles acquisitions.

Ceci exposé, il a été convenu.

1. Mr Onèguine reconnaît formellement de l'Académie des Sciences de Russie comme seul propriétaire de tous les objets sans exception se trouvant actuellement dans son appartement 25 rue Marignan, Paris, et faisant partie de ladite collection, ainsi que de tous ceux qui seraient acquis ultérieure-

ment pour compléter cette collection. Un inventaire en sera fait par les soins de l'Académie des Sciences de Russie.

2. L'Académie des Sciences de Russie confié en dépôt à Mr Onèguine qui accepte les objets et la collection susmentionnés, ainsi que tous ceux qui seront acquis pour compléter la collection, comme il est dit à l'article précédent.

3. Les objets déposés devront être restitués à l'ordre de Mr le Professeur Modeste Hofmann ou un autre représentant qualifié de l'Académie des Sciences de Russie. En cas de décès de Mr Onèguine, Mr Modeste Hofmann ou une personne déléguée par lui ou par l'Académie des Sciences de Russie entrera sans aucune formalité en possession de la totalité des choses déposées.

4. En remboursement des dépenses faites et à faire pendant toute la durée du dépôt ainsi que pour la conservation et l'enrichissement de la collection, l'Académie des Sciences de Russie, par son représentant Mr Modeste Hofmann, verse à la signature des présentes à Mr Alexandre Onèguine la somme forfaitaire de cent mille francs dont quittance.

Fait à Paris, le 7 décembre 1922 en double exemplaire.

Lu et approuvé et cent mille francs reçus A. Onèguine.

Lu et approuvé agissant comme le représentant de l'Académie des Sciences de Russie, Conservateur Savant de la Maison Pouchkine de l'Académie des Sciences de Russie Professeur Mod. Hofmann.*

---

* Мы, нижеподписавшиеся,
господин Александр Онегин, хранитель музея Пушкина, офицер ордена Почетного легиона, проживающий в Париже, улица де Мариньян, 25,
с одной стороны,
и господин профессор Модест Гофман, полномочный представитель Российской Академии наук, действующий от имени и по поручению последней, проживающий в Париже, улица Станислас, 14,
с другой стороны,
согласились и подписали следующее.

По договору от 30 апреля 1909 г. господин Онегин уступил Российской Академии наук право собственности на все принадлежащие ему рукописи, книги, брошюры, номера газет и журналов на русском и иностранных языках, содержащие произведения А. С. Пушкина и других русских писателей, критические отзывы об этих произведениях, биографии, описания различных событий из жизни этих писателей, все портреты русских писателей, картины, рисунки, музыкальные произведения на слова этих писателей.

Кроме того, господин Онегин уступил той же Академии свою библиотеку, принадлежавшую ранее В. А. Жуковскому, в количестве приблизительно 400 томов, на русском и иностранных языках, а также все рукописи и рисунки, которые принадлежали ранее тому же Жуковскому и которые стали собственностью господина Онегина.

Описание части этих рукописей и предметов было составлено господином Модзалевским, письмоводителем канцелярии Конференции Российской Академии наук и напечатано в С.-Петербурге в 1909 г. в сборнике «Пушкин и его современники», выпуск XII.

В то же самое <время> я выдал следующее обязательство Онегину:
Je soussigné, Professeur Modeste Hofmann, agissant comme représentant qualifié de l'Académie des Sciences de Russie, en complément de la convention signée ce jour et relative au Musée Pouchkine, installé provisoirement 25 rue de Marignan, à Paris, dont Mr Alexandre Onèguine est le conservateur, donne à ce dernier, au nom de ladite Académie l'engagement suivant.

L' Académie s'oblige à ne pas retirer à Mr Onèguine, de son vivant, les manuscrits, livres, tableaux etc etc en un mot tout dont se compose le musée Pouchkine déposé chez lui en vertu de l'article 2 de la Convention mentionnée.

D'autre part, Mr Onèguine à le droit de renoncer à tout moment à la garde du musée à lui confié; et dans ce cas après un préavis de deux mois, le musée doit être enlevé par les soins de l'Académie.

(Ma signature).*

Пожизненное пользование этим собранием было оставлено господину Онегину, который оставался его постоянным хранителем и приобретениями которого пополнялась с тех пор его коллекция.

На основании изложенного заключен следующий договор.

1. Господин Онегин формально признает Российскую Академию наук в качестве единственного собственника всех без исключения предметов, находящихся в настоящее время в его квартире в Париже, улица Мариньян, 25, и составляющих названную коллекцию, а также всех тех, которые впоследствии будут приобретены для пополнения этой коллекции. Составление описи входит в обязанность Российской Академии наук.

2. Российская Академия наук вверяет на хранение господину Онегину, который их принимает, предметы и вышеназванную коллекцию, а также и все то, что будет приобретено для пополнения коллекции, как об этом сказано в предыдущем параграфе.

3. Вверенные на хранение предметы должны быть переданы в распоряжение профессора Модеста Гофмана или другого полномочного представителя Российской Академии наук. В случае смерти господина Онегина господин Модест Гофман или лицо, уполномоченное им или Российской Академией наук, вступает без всяких формальностей во владение всеми предметами, оставленными на хранение.

4. В возмещение расходов, сделанных и имеющих быть сделанными в течение всего времени хранения и пополнения коллекции, Российская Академия наук через своего представителя господина Модеста Гофмана по подписании настоящего договора уплачивает господину Александру Онегину обязательную сумму в сто тысяч франков, в чем дает расписку.

Подписано в Париже 7 декабря 1922 г. в двух экземплярах.

Прочитано и согласился и сто тысяч франков получил. А. Онегин.

Прочитал и согласился, полномочный представитель Российской Академии наук ученый хранитель Пушкинского Дома Российской Академии наук профессор Мод. Гофман (франц.).

* Я, нижеподписавшийся, профессор Модест Гофман как полномочный представитель Российской Академии наук, в дополнение к соглашению, подписанному сегодня и касающемуся Музея Пушкина, временно находящегося в Париже, улица Мариньян, 25, хранителем которого является господин Александр Онегин, даю ему от имени Академии следующее обязательство.

Не помню, писал ли я Вам, в чем заключается главное обогащение музея, сравнительно с тем, что Вы видели в 1908 году? — в 1912 году умер Жуковский¹² и оставил А<лександр> Ф<едоровичу> весь архив своего отца, отчасти использованный Бартеневым.¹³

Каковы мои предположения? — Меня все: и Гринберг, и В. И. Вернадский (в особенности В<ладимир> И<ванович>) уговаривают остаться в Париже, чтобы довести дело до конца. Это действительно необходимо, принимая в особенности во внимание, что надо теперь же приступить (строго секретно) к печатанию описи всего музея (чтобы к моменту смерти А<лександра> Ф<едоровича> она была напечатана — во исполнение §1 — и чтобы не возникло споров, что именно заключает в себе собрание, принадлежащее Академии Наук), а для этого нужно довести до конца то описание, которое я еще не окончил, 2) совершенно необходимо, чтобы к моменту смерти Онегина (а он, м<ожет> б<ыть>, очень близок) я был в Париже, 3) нужно повлиять на него, чтобы он согласился перевезти музей теперь же, при жизни, 4) нужно сделать так, чтобы он теперь же перевел весь свой капитал на имя Академии (он очень склоняется к этому, но все не может решиться), 5) нужно постоянное наблюдение над Онегиным и его музеем и 6) другие дела, к которым сейчас и перейду, сделав маленькую паузу.

Через неделю я еду на 10 дней в Берлин с тем, чтобы из Берлина ехать в Петербург (на 1½ месяца) или в Париж — в зависимости от того ответа, который я получу из дому. Во всяком случае в Берлин я везу с собой много хороших вещей для Пушкинского Дома: 1) соглашение с Онегиным, 2) 5—6 пудов французской периодической печати за революционные годы — от Сватикова,¹⁴ 3) все издания Поволоцкого,¹⁵ которые я выключил бесплатно для Пушкинского Дома, 4) некоторые художественные издания, стоимостью до 1500 фр<анков>, экземпляры, раскрашенные и подписанные художниками,¹⁶ 5) книги, которые успею закупить на средства, выключенные мною от Гринберга для этой цели.

Академия обязуется не требовать у господина Онегина при его жизни рукописи, книги, картины и проч. и проч. — одним словом, все то, что составляет музей Пушкина, находящийся у него в соответствии с параграфом 2 настоящего договора.

Со своей стороны господин Онегин имеет право отказаться от обязанностей хранителя музея, когда ему будет угодно; в этом случае после предупреждения за два месяца музей должен быть вывезен на средства Академии.

(Моя подпись) (франц.).

О книгах для Отделения Русск<ого> Языка и Слов<есности> и для Пушк<инского> Дома у меня еще будет разговор с Гринбергом в Берлине — надеюсь, удастся многое купить (кажется, в librairie Hachette¹⁷ мне будут делать скидку до 50%) — пишите же о Ваших пожеланиях и о пожеланиях Отделения.

Говорил с Гринбергом и о других вещах — передаче в П<ушкинский> Дом из Публ<ичной> Библ<иотеки> рукописей Пушкина, условно переданных туда П. В. Жуковским,¹⁸ и об организации скупки литературных русских архивов, находящихся за границей, и по всем вопросам встретил полное сочувствие.

Жду теперь инструкций от и<сполняющего> о<бязанности> директора Пушкинского Дома,¹⁹ который, надеюсь, относится благосклонно к моей парижской деятельности.

Да! Борис Львович, дорогой! Нельзя ли устроить Онегина почетным академиком — вот бы все дела прочно устроились бы! Попробуйте!²⁰

У меня бронхит и лихорадка и потому больше писать не могу. По тому же самому вторая половина письма написана очень плохим почерком — устал и едва вожу пером по бумаге, а впереди — очень занятая делами неделя.

Прикладываюсь к ручкам Варвары Николаевны, к Вашим устам и крепко жму Ваши и всех иже в Пушкинском Доме руки.

Сердцем преданный Вам,
сердцем любящий Вас
Модест Гофман.

ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1922), № 3, л. 24—27.

¹ Речь идет о письме, о котором Гофман просил Модзалевского 4 нояб. (см. письмо 38) и которое было отправлено из Петрограда 21 нояб. (см.: РО ИРЛИ, № 29005, л. 59—62; о содержании письма см. примеч. 2 к письму 39).

² *Гринберг Захар Григорьевич* (1889—1949) — заместитель наркома просвещения, комиссар Петроградского учебного округа и заведующий Отделом народного образования при Петросовете (с 1918 г.), член Коллегии Наркомпроса (с 1920 г.). С 1922 г. по август 1924 г. Гринберг был представителем Госиздата в Берлине и председателем берлинской Комиссии по заграничным закупкам Наркомпроса (см.: ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1927), № 16, л. 11 об.). В дальнейшем работал заместителем заведующего Отделом по делам музеев Главнауки, заместителем директора Оружейной палаты Кремля, старшим научным сотрудником Института мировой литературы им. М. Горького. Репрессирован в 1947 г. по делу Еврейского антифашистского комитета; умер в лагере.

³ Имеется в виду договор между Онегиным и Российской Академией наук, который был подписан 7 дек. и текст которого Гофман приводит далее в этом письме.

⁴Модзалевский «начал подготовительную работу над письмами Жуковского» в августе 1920 г., но этот замысел остался неосуществленным. Подробнее см.: *Модзалевский Б. Л.* Из записных книжек 1920—1928 гг. С. 116—117 (примеч. 100).

⁵Та часть огромного архива И. С. Тургенева, которую унаследовала П. Виардо, в 1910 г., после ее смерти, была разделена между наследниками певицы; впоследствии произошло дальнейшее дробление архива. В конце 1910-х гг. доступ к бумагам писателя, которые хранились у внука Виардо, получил известный французский славист А. Мазон, с 1921 г. начавший их публикацию в «*Revue des études slaves*». В обзоре тургеневского архива, оставшегося во Франции, Мазон отмечал, что «русские ученые по справедливости могут позавидовать французским исследователям» творчества писателя, которым доступны черновые автографы большей части произведений Тургенева (*Мазон А.* Парижские рукописи И. С. Тургенева / Перевод с франц. Ю. Ган; Под ред. Б. Томашевского. М.; Л., 1931. С. 10—11). Этот фонд рукописей Тургенева Национальная библиотека в Париже приобрела, благодаря инициативе и хлопотам Мазона, во 2-й пол. 1940-х гг. О судьбе парижского архива Тургенева см.: *Алексеев М. П.* По следам рукописей И. С. Тургенева во Франции // *Русская литература.* 1963. № 2. С. 53—61, 66—85; *Литературное наследство.* Из парижского архива И. С. Тургенева. М., 1964. Т. 73, кн. 1. С. 6—9. См. также письмо 43.

⁶В Славянской библиотеке (см. примеч. 8 и 9 к письму 38) хранился архив ее основателя кн. И. С. Гагарина, в составе которого отложились письма, автографы и списки стихотворений Ф. И. Тютчева, с которым Гагарин близко общался на протяжении 1833—1842 гг. Значительную часть рукописей Тютчева Гагарин возвратил наследникам поэта в 1874 г., но в его архиве еще оставались документы, к началу 1920-х гг. неизвестные в печати (подробнее см.: *Полонский Я.* Литературный архив И. С. Гагарина: Неизданные письма Герцена, Шевырева, Дантеса // *Временник Общества друзей русской книги.* Париж, 1932. Кн. 3. С. 139—158; *Пигарев К.* Судьба литературного наследства Ф. И. Тютчева // *Литературное наследство.* М., 1935. Т. 19—21. С. 407—409, 413; И. С. Гагарин — издатель Ф. И. Тютчева и хранитель его литературного наследства / Публ. Л. Шура // *Символ (Париж).* 1984. № 11. С. 197—229; *Шур Л. А.* Неосуществленное издание стихотворений Ф. И. Тютчева 1836—1837 гг. (по материалам архива И. С. Гагарина) // *Oxford Slavonic papers. New series.* 1986. Vol. 19. P. 102—115; *Shur L.* Между Россией и Западом: жизнь и труды И. С. Гагарина. Итоги и перспективы исследований // *Revue des études slaves.* Paris, 1998. Т. 70, fasc. 2. P. 431—442; *Литературное наследство.* М., 1988. Т. 97, кн. 1. С. 501—516; М., 1989. Т. 97, кн. 2. С. 50—58, 503—527). О результатах своего «расследования» Гофман, видимо, сообщил и З. Г. Гринбергу, который по возвращении в Берлин дал интервью сотруднику газеты «Накануне» «о совершенно новых сведениях о судьбе архива Тютчева» и намерении берлинского отделения Наркомпроса принять «срочные меры по расследованию судьбы тютчевского музея с целью получить и эту культурную сокровищницу в собственность РСФСР» (Накануне (Берлин). 1922. № 219). В 1932 г. Славянская библиотека, которая к тому времени снова обосновалась в Париже, по просьбе В. Д. Бонч-Бруевича прислала в Государственный Литературный музей фотографии с тютчевских материалов, по преимуществу опубликованных в «Русском архиве» (1879. Кн. 2, № 5. С. 118—138) и «Русской старине» (1886. № 8. С. 355—356), а в 1936 г. — копии документов, связанных с дуэлью и смертью Пушкина (см.: *Черных В. А.* В. Д. Бонч-Бруевич и получение из-за границы рукописных материалов по истории русской культуры // *Археографический ежегодник за 1973 год.* М., 1974. С. 140—141; ныне хранятся в РГАЛИ). В 1937 г. Славянская библиотека предоставила на Пушкинскую выставку, организованную С. Лифарсом, подлинник письма Тютчева к

И. С. Гагарину (см.: Centenaire de Pouchkine. 1837—1937. Exposition «Pouchkine et son époque». Paris, [1937]. P. 35). См. также письма 44 и 61.

⁷ *Винблад Мария Юльевна* — петербургская знакомая Гофмана, дочь управляющего Василеостровским отделением банка «Лионский кредит» в Петербурге; эмигрировала из России вскоре после октября 1917 г.

⁸ В письме к Онегину от 12 янв. 1923 г. Модзалевский просил передать Гофману «поцелуй от всего Пушкинского дома за присылку АРА для всех сотрудников» и добавлял: «Радости было много...» (РО ИРЛИ, № 29005, л. 64).

⁹ Квитанция об отправке посылки Кубасову сохранилась в Онегинском архиве, как и уведомление о ее вручении — со словами благодарности, приписанными рукой давнего корреспондента Онегина: «Сердечное русское спасибо за добрую память. Подробно сообщая особым письмом (письмо либо не было написано, либо не сохранилось. — Т. К.). Искренне признательный Ив. Кубасов» (РО ИРЛИ, № 28961, л. 8; № 29351, л. 49). См. также примеч. 2 к письму 40.

¹⁰ Речь идет о *Федоре Матвеевиче Галке* — бывшем управляющем домами кн. Абамелек-Лазаревых в Петербурге. Когда эти дома (ул. Халтурина, 22—24 / наб. реки Мойки, 21—23) в 1920 г. были переданы Пушкинскому Дому для организации выставок и проведения научных собраний (об этом см. во вступ. статье к 1-й части публ.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. СПб., 2004. С. 193—194), Галка стал комендантом зданий. Как вспоминал Н. В. Измайлов, Галка — «пузатый человечек, хитрый „хохол“ и верный слуга „их сиятельств“ <...> ревностно наблюдал за домом, в глубине души уверенный в том, что когда-нибудь вернется его владельць» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998—1999 год. СПб., 2003. С. 294). В сентябре 1922 г., через 2 месяца после отъезда Гофмана, он уехал в отпуск за границу, по окончании которого не возвратился в Россию. См. также: *Модзалевский Б. Л.* Из записных книжек 1920—1928 гг. С. 135 (примеч. 200).

¹¹ Речь идет о княгине *Марии Павловне Абамелек-Лазаревой (урожд. Демидовой)* (1877—1955) — вдове кн. С. С. Абамелек-Лазарева (1857—1916), археолога, мецената, шталмейстера Императорского Двора. После смерти мужа, унаследовав огромное состояние в России и крупные счета в европейских банках, она постоянно жила в Италии — на вилле Демидовых в Пратолино (под Флоренцией) и на вилле С. С. Абамелек-Лазарева в Риме. В 1925 г. приняла итальянское подданство. Занималась благотворительностью, жертвовала значительные средства в пользу православных приходов в Риме и Флоренции, в 1935 г. в память о муже основала Национальный дом для тяжелобольных участников первой мировой войны.

¹² *Жуковский Павел Васильевич* (1845—1912) — художник и архитектор, сын В. А. Жуковского, ближайший друг А. Ф. Онегина со времени их обучения в 3-й Санкт-Петербургской гимназии. Подробно о П. В. Жуковском и его дружбе с Онегиным см.: «Тень Пушкина меня усыновила...» (по указателю); *Лебедева А. Павел Васильевич Жуковский, художник // Наше наследие.* 1997. № 41. С. 40—44; *Дневник Б. Л. Модзалевского 1908 г.* / Публ. Т. И. Краснородько // *Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.* М., 1999. Т. 9. С. 450—465.

¹³ Речь идет о публикациях материалов из архива В. А. Жуковского, предоставленных сыном писателя П. И. Бартенева (1829—1912) — издателю «Русского архива». П. В. Жуковский знал Бартенева со своих детских лет (в 1856 г., когда вдова В. А. Жуковского жила с детьми в Москве, Бартнев был приглашен давать им уроки).

¹⁴ *Святиков Сергей Григорьевич* (1880—1942) — историк и общественный деятель. В 1899—1904 гг., после изгнания из Петербургского университета за участие в антиправительственных выступлениях, находился в эмиграции в Германии, закончил Гейдельбергский университет. В начале XX в. был активным членом РСДРП. После Февраль-

ской революции занимал должность помощника начальника Главного управления по делам милиции, с мая по сентябрь 1917 г. — специального комиссара Временного правительства по ликвидации заграничной агентуры. В годы гражданской войны выступал в печати как непримиримый противник большевизма, входил в состав Южно-Русского правительства при генерале А. И. Деникине. В 1920 г. покинул Россию. Опубликовал в эмиграции ряд фундаментальных работ по истории русского казачества. В 1921—1939 гг. возглавлял Комитет помощи русским писателям и ученым во Франции; состоял членом Общества друзей русской книги, входил в правление Тургеневской общественной библиотеки в Париже.

¹⁵ *Поволоцкий Яков Евгеньевич* (1882—1945) — издатель, книготорговец, библиофил. Русское издательство и книжный магазин «Я. Поволоцкий и К^о» были основаны в 1910 г.; с началом первой мировой войны их работа была приостановлена. Поволоцкий переехал в Париж в 1918 г., а в 1919 г. возобновил деятельность издательства, чтобы «дать ясное представление французам о русской революции и событиях в России» (Издательства и издательские организации русской эмиграции 1917—2003 гг.: Энциклопедический справочник. СПб., 2005. С. 214). В 1925—1928 гг. Поволоцкий был товарищем председателя парижского Общества друзей русской книги.

Я. Поволоцкий передал через Гофмана в дар Пушкинскому Дому около 40 книг, изданных им в 1921—1922 гг. Среди них — 8 томов из серии «Миниатюрная библиотека» (в том числе «Бедность не порок» и «Гроза» А. Н. Островского, «Светлый час» К. Д. Бальмонта, «Птицы ночные» Б. А. Лазаревского); 8 книг из серии «Иллюстрированная библиотека французских писателей в русском переводе»; том произведений В. Г. Короленко, посвященный памяти писателя («La Gelée»,* «En mauvaise Société»,** «Le Rêve de Makar»***) — с предисловием Л. Коварской (помечено 25 янв. 1922 г.); сочинения М. Алданова («Lénine», «Sainte-Hélène, petite île»****), К. Каутского («Terrorisme et communisme»*****), Б. Мирского (3-е изд. книги «Les Juifs et la Révolution Russe»*****), Б. Соколова («На повороте: Рассказы и очерки из советской жизни»), Н. Пташкиной («Дневник. 1918—1920») и др. (см.: ПФА РАН, ф. 2, оп. 1 (1919), № 3, л. 83). В инвентарную книгу Библиотеки Пушкинского Дома эти издания были записаны как поступившие из Комиссии по заграничным закупкам Наркомпроса. При этом не все книги Я. Поволоцкого дошли до указанного адресата. На каком-то этапе из посылки были изъяты «Очерки русской смуты» А. И. Деникина, «Издалека» А. Ф. Керенского, «Современная эволюция русского большевизма» Загорского. Книги Алданова, Мирского, Соколова, Каутского и некоторые другие «исчезли» из Библиотеки Пушкинского Дома позднее — видимо, в «специальные хранилища». См. также письмо 43.

¹⁶ См. примеч. 12 к письму 38 и письмо 43.

¹⁷ Известная французская книгоиздательская фирма, основанная в 1826 г. Л.-К.-Ф. Ашеттом (1800—1864); с 1919 г. — акционерное общество «Librairie Hachette».

¹⁸ В 1884 г. П. В. Жуковский принес в дар Императорской Публичной библиотеке часть архива своего отца (произведения В. А. Жуковского, его переписку, письма и сочинения других авторов — всего 746 документов). В эту часть входили письмо Пушкина

* «Мороз» (франц.).

** «В дурном обществе» (франц.).

*** «Сон Макара» (франц.).

**** «Святая Елена, маленький остров» (франц.).

***** «Терроризм и коммунизм» (франц.).

***** «Евреи и русская революция» (франц.).

к П. Я. Чаадаеву (от 19 окт. 1836 г.) и том, составленный П. И. Бартевым и «заключающий в себе подлинные письма разных лиц». В него были вpletены среди прочих и пушкинские письма к Жуковскому, И. Ф. Мойеру, П. А. Плетневу, В. К. Кюхельбекеру. Кроме того, в 1884 г. Публичная библиотека «приобрела покупкою» у П. В. Жуковского часть пушкинских автографов, которые после смерти Пушкина оказались у В. А. Жуковского. Это чрезвычайно ценное собрание составили беловые автографы 1-й, 2-й, 3-й и 8-й глав «Евгения Онегина», «Бориса Годунова», «Анджело», а также несколько автографов на отдельных листах (см.: Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1884 год. СПб., 1887. С. 38—39, 41, 130—143, 170; Рукописи Пушкина в собрании Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде / Сост. Л. Б. Модзалевский. Л., 1929. С. 2, 5, 8—10, 13—14, 28—33, 35, 38, 41). Таким образом, Публичная библиотека была законным владельцем и хранителем этой части пушкинского архива. Мысль о ее передаче в Пушкинский Дом Гофман повторил и в следующем письме.

¹⁹ С ноября 1922 г., после отъезда Н. А. Котляревского в длительную заграничную командировку, обязанности директора Пушкинского Дома исполнял Б. Л. Модзалевский.

²⁰ В делопроизводственном архиве Пушкинского Дома и в архиве Модзалевского не удалось обнаружить каких-либо следов ходатайства об избрании А. Ф. Онегина почетным академиком.

43

3 января 1923 г. Париж

Paris.
3. I. 1923.¹

Дорогой Борис Львович, получил с большим опозданием Ваше маленькое, но милое (или наоборот) письмо, потому что ездил на две недели в Берлин — с опозданием же и отвечаю Вам. Сейчас вспомнил, что не ответил еще до сих пор и на многие вопросы Николая Вас<ильевича> Измайлова, а потому решаю сперва написать о всех делах, а потом уже, если останется время и место, напишу и лично о себе и своей жизни.

Напишите мне, надо ли Вам пересылать те письма П. В. Жуковского к Онегину (они у меня), которые доказывают наше право на владение пушкинскими рукописями, находящимися в Публичной библиотеке,² и нужно ли хлопотать через З. Г. Гринберга (который относится к этому очень сочувственно) о передаче их в Пушкинский Дом? Что касается до Тургеневского архива, находившегося у Виардо, то он давным-давно передан в Национальную библиотеку (и я об этом уже писал);³ что же касается до архива братьев Тургеневых, или, вернее, не вывезенной А. А. Фоминым⁴ части, то я нигде не мог найти никаких сведений, и кого ни спрашивал в Париже — получал ответ: «Должно

быть у А. А. Фомина». Очень прошу дать мне какие-нибудь нити, за которые я мог бы уцепиться и добраться до этого архива.⁵ Вообще на этот счет очень прошу самых обстоятельных и ясных инструкций — что именно я должен делать? Очень хорошо, что не состоялась поездка в Париж А. А. Фомина: он оставил после себя такую плохую память, что многие не пустили бы его к себе на порог (в том числе и наш А. Ф. Онегин⁶). Теперь о другом. Я увез из Парижа в Берлин (а оттуда их повез проф<ессор> Молодой) три сорта книг,⁷ на что следует благодарственно реагировать:

1) несколько переводов Denis Roche'a — Чехова и Тургенева.⁸ Он же (т. е. D. Roche) просил передать Вам привет и просил меня достать в Петербурге (он думал, что я еду в Петербург) и послать ему 2-ой, 3-ий и 4-ый (?) томы писем Чехова под редакцией Вл. Брендера,⁹ а также изданные под Вашей редакцией «Атенеум» письма Чехова.¹⁰ Адрес его: 99, Boulevard Raspail, Paris VI-e;

2) несколько художественных изданий, в том числе и «Царя Салтана», над раскраской которого Наталия Сергеевна Гончарова (Вы знаете, зачем я пишу ее имя и отчество) сидела больше двух недель. Очень хорошо было бы отблагодарить ее какими-нибудь нашими изданиями;¹¹

3) все издания Я. Поволоцкого (13, rue Bonaparte, Paris VI), которому я уже написал благодарственное письмо от имени Пушкинского Дома;¹² в этом письме (французском — почему, увидите дальше) я его благодарю за Пушкинский Дом, обещаю ему все наши издания и прошу его оказать нам содействие в бесплатной передаче нам книг во французских издательствах (это письмо он будет показывать французским издателям).

В Берлине я завертелся и не попал в издательство Гржебина, а потому и не знаю, послали ли Вы ему Пушкина¹³ (а Вы мне об этом ничего не писали — или не получили моего августовского письма из Берлина?). «Неизданный Пушкин» переиздается: вся книга отпечатана (фотографическим способом, так что мне, к большому моему сожалению, не пришлось вносить никаких исправлений), я подписал к печати, прочтя корректуру, предисловие ко второму изданию, а на днях ожидаю корректуры коротенького приложения (отрывки из Арзрума, кусочек «Стремиться к небу должен гений» и «Эй, слушай, говорю тебе»). Думаю, что через месяц Вы получите книгу в Петербурге.

Ах, если бы Вы побольше прислали книг с О<льгой> Н<иколаевной> и моих!¹⁴ С Гринбергом заключил договор на сборник статей о Пушкине,¹⁵ сговорился с ним о печатании описи Онегинского музея (я хочу сделать 3 части: 1) Жуковский — голая опись + приложение = некоторые материалы, для печатания которых мне недостает не неко-

торых, а многих справок, 2) Тургенев — голая опись + приложение = письма Тургенева — преимущественно к Онегину, 3) Разное — по тому же способу. Жду от Вас советов и указаний) и о фотографировании рукописей Онегинского музея. Для последнего он мне пришлет в Париж фотографа (ура! можно совершенно не стесняться в стоимости фотографирования: он мне сказал, что я могу не стесняться), что же касается до печатания описи, то это будет производиться самым спешным порядком в Берлине, ибо слишком важно, чтобы к моменту смерти Онегина вся опись музея была напечатана, и, следовательно, не возникло бы споров о том, что именно составляет собственность Пушкинского Дома.¹⁶ Как видите, дорогой Борис Львович, мне предстоит много работы и вне rue de Marignan.

В Берлине я видел «Литературную мысль» и с большим удивлением прочел статью Томашевского обо мне (а вовсе не новое о Пушкине).¹⁷ В ней, конечно, много справедливого, и, м<ожет> б<ыть>, самое справедливое в возмутительно несправедливом: он бьет меня очень вескими доводами, противопоставляя мне свое.... как бы не так, именно защищая против меня то, что я с такой пеной у рта защищаю (это касается, напр<имер>, «Пропущенных строк „Евг<ения> Онег<ина>“», где я доказываю, что вставка их изменяет композицию произведения, и многого другого). Умный человек, а многое перепутал! Очень хотелось бы ему ответить, ибо его статья серьезная и дельная, а потому обращаюсь к Вам с вопросом-просьбой: если бы я прислал Вам мой ответ, не могли бы Вы его где-нибудь поместить — и где?¹⁸ Вообще, я мог бы Вам в Петербург посылать кое-какие материалы для опубликования (напр<имер>, большое неизданное письмо Пушкина, которое я имею право печатать в России, но не за границей).¹⁹ Получили ли Вы, наконец, 3 посылки АРА — крайние для Вас, а среднюю — для Пушкинского Дома и как думаете ее распределить, чтобы пришлось не по четверти фунта муки и не по ложечке молока?²⁰

По возвращении из Берлина я еще не был у Онегина (все оттягиваю, п<отому> ч<то> перед отъездом он мне совсем испортил сердце — Вы не представляете себе, что делалось, и с каким полным основанием он называл себя сумасшедшим), завтра пойду, но у меня большой соблазн не показывать Вашего письма-записки обо мне (с просьбой помочь), ибо он увидит в этом посягательство на его карман, а я сейчас вполне обеспечен. Вот и не смог написать всего, что хотел. Так всегда. Целую крепко Вас, ручки — Варваре Николаевне.

Ваш Мод<ест> Гоф<ман>.

¹ Получено Модзалевским 12 янв. (см.: *Модзалевский Б. Л. Из записных книжек 1920—1928 гг.* С. 23).

²Гофман вновь повторяет свою мысль о том, что П. В. Жуковский «условно» передал в Публичную библиотеку часть пушкинских рукописей, унаследованных им от отца (см. примеч. 18 к письму 42). Гофман утверждал это и в печати, говоря, что «П. В. Жуковский выразил свое желание и надежду на то, что эта часть перейдет в Пушкинский Дом при Российской Академии наук, когда идея Пушкинского Дома — Пантеона новой русской литературы — будет осуществлена» (Окно: Литературный сборник. Париж, 1924. Кн. 3. С. 345). Пушкинодомский «патриотизм» Гофмана понятен, но его указание на письма П. В. Жуковского не вполне корректно. Когда в исходе 1907 г. решался вопрос о приобретении парижского Пушкинского музея и Николай II утвердил Всеподданнейший доклад министра финансов В. Н. Коковцова по этому вопросу, Жуковский в связи с этим писал Онегину об одном из своих предположений: «В четверг был у Царя, который тотчас же с видимым удовольствием рассказал мне все подробности <i>и</i> всю суть доклада (Коковцова. — Т. К.). Я попросил у него разрешение оставить как бы завещание, чтобы вложенные мною в Пуб<личную> Библиотеку альбомы и рисунки Отца перешли в твою коллекцию, которая музей и потому более доступна публике, но это уже будет после наших смертей. Он вполне согласился» (РО ИРЛИ, № 28904, л. 343; письмо от 14/27 дек. 1907 г.). Возможность такого отдаленного «завещательного» распоряжения Жуковский подтверждал и некоторое время спустя: «Не знаю, писал ли я тебе, что Государь согласен позволить взять из Им<ператорской> Публич<ой> Библиотеки мой последний вклад, т. е. альбомы отца и его рисунки, когда будет твой музей в Питере, и присоединить к нему» (Там же, л. 348; письмо от 9 февр. (нов. ст.) 1908 г.). Как видно, даже в этих, вполне осторожных предположениях, нет речи об автографах Пушкина. В них говорится о 14 альбомах с рисунками В. А. Жуковского, которые Павел Васильевич пожертвовал Библиотеке в 1902 г. (см.: Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1902 г. СПб., 1910. С. 38). Пушкинский Дом никогда не поднимал вопроса о передаче рукописей Пушкина из Публичной библиотеки в свое собрание. В 1937 г. они были изъяты Всесоюзным Пушкинским комитетом на московскую юбилейную выставку, а после ее закрытия переданы во вновь организованный Государственный музей А. С. Пушкина в Москве. С 1948 г. хранятся в Пушкинском Доме.

³См. примеч. 5 к письму 42.

⁴*Фомин Александр Александрович* (1868—1929) — педагог, историк русской литературы и театра. Окончил историко-филологический факультет Московского университета; служил директором женского Коммерческого училища в Варшаве, позднее — директором Коммерческого училища в Петербурге. Главной заслугой Фомина перед русской культурой стало возвращение на родину архива братьев Тургеневых, предпринятое по его инициативе и при ближайшем его участии; с 1907 г. он состоял членом Комиссии по разбору этого архива при Отделении русского языка и словесности Академии наук. В последние годы жизни Фомин заведовал отделом фарфора в Российском Историческом музее. Подробнее о нем см.: Писатели современной эпохи: Биобиблиографический словарь. М., 1995. Т. 2. С. 203—204.

⁵Обширный архив и значительная часть библиотеки братьев Тургеневых были подарены Императорской Академии наук скульптором и художником П. Н. Тургеневым (1853—1912) — сыном Н. И. Тургенева и последним представителем знаменитого рода — с условием публикации документов архива (в 1907 г. П. Н. Тургенев был удостоен звания почетного члена Императорской Академии наук). Основную часть огромного фамильного собрания в 1904—1913 гг. перевез из Парижа А. А. Фомин, который и впоследствии продолжал общение с наследником П. Н. Тургенева — его племянником Г. Виарисом (у последнего оставалась некоторая часть архива). Архив и библиотека братьев Тургеневых, доставленные в Россию, поступили на хранение в Библиотеку Академии

наук; предполагалось даже «создать особый тургеневский музей, где можно было бы собрать все, что связано с именами братьев Тургеневых» (Русский библиофил. 1912. № 3. С. 98—99). На протяжении 1911—1921 гг. было опубликовано 6 томов «Архива братьев Тургеневых»: дневники Н. И. Тургенева за 1806—1824 гг., дневники и письма А. И. Тургенева за 1802—1804 гг.; переписка А. И. Тургенева с П. А. Вяземским за 1814—1833 гг. и др. В 1931 г. архив братьев Тургеневых был передан в Пушкинский Дом. В 1935 г. к нему была присоединена небольшая часть, которая находилась в Париже у Н. К. Кульмана (видимо, получившего документы для своих научных занятий) и была приобретена через «Международную книгу». В 1965 г. Библиотека АН СССР купила у В. А. Обручевой (падчерицы Фомина) коллекцию книг, восходящую к тургеневскому книжному собранию. В настоящее время основная часть библиотеки братьев Тургеневых хранится в Пушкинском Доме и в Отделе рукописной и редкой книги Библиотеки РАН. Подробно об истории возвращения в Россию архива и библиотеки братьев Тургеневых см.: *Фомин А.* 1) Новый историко-литературный клад // Русская мысль. 1906. № 4. С. 1—15 (2-й пагинации); 2) Петр Николаевич Тургенев и его дар русской науке. СПб., 1913 (Отчет о деятельности Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности за 1912 год; отд. оттиск); *Дубровская Т. И.* Коллекция книг из библиотеки братьев Тургеневых // Сборник статей и материалов Библиотеки АН СССР по книговедению. Л., 1970. [Сб.] 2. С. 283—289; *Степанов А. Н.* У книг своя судьба... Л., 1974. С. 127—151.

⁶ Каких-либо следов личного знакомства А. А. Фомина с Онегиным в архиве последнего обнаружить не удалось. Но причины предвзятого мнения хранителя Пушкинского музея о Фомине и раздражения против него можно объяснить. В 1901 г. Фомин получил во временное пользование от П. В. Жуковского «несколько довольно больших пакетов с письмами семьи Тургеневых» (Русская мысль. 1906. № 4. С. 1 (2-й пагинации)) и часть из них опубликовал в «Русской старине» (1901. № 8—12). Этими материалами, «разобранными, переписанными и приведенными <...> в порядок пользовались <...> для своих работ» Александр Н. Веселовский, В. М. Истрин и др. (*Фомин А.* Петр Николаевич Тургенев и его дар русской науке. С. 29). В 1908 г., когда был решен вопрос о приобретении парижского Пушкинского музея для Академии наук, П. В. Жуковский начал постепенно пересылать Онегину историко-литературную часть архива своего отца. В одном из несохранившихся писем Онегин, видимо, интересовался у Жуковского документами братьев Тургеневых. «Заезжал ко мне Фомин после Парижа, — отвечал Жуковский 27 авг. (9 сент. нов. ст.) 1908 г. — Все мои тургеневские бумаги хранятся в Академии наук. Я ему сказал, что они должны поступить в Пушкинский музей. Но он ими занят еще. У него тяжелая и жалкая жизнь и обижать его не хочу, хотя, может быть, он не à la hauteur*» (РО ИРЛИ, № 28904, л. 381 об.—382). Фомин возвратил П. В. Жуковскому только письма прусского короля Фридриха Вильгельма IV к его отцу, опубликовав их в «Русском библиофиле» (1912. № 7—8), что вызвало досаду Онегина. Когда в августе 1912 г. до Модзалевского дошло известие о кончине П. В. Жуковского, он сразу же поинтересовался у Онегина судьбой тургеневских материалов: «Что будет с бумагами, — напр<имер>, теми, что зажил у него Фомин и по поводу кот<орых> он, Олимпиец, мне на Фом<ина> жаловался? Успели ли Вы от Олимп<ийца> получить если не все бумажное, то все ценное?» (РО ИРЛИ, № 29005, л. 49). Фомин не возвратил эти документы ни Жуковскому, ни Онегину, который не без основания считал себя их законным владельцем (позднее они были присоединены к архиву братьев Тургеневых). Кроме то-

* не на высоте, ведет себя недостойно (франц.).

го, в отчете о возвращении Тургеневского архива на родину А. А. Фомин прямо «задевал» А. Ф. Онегина в одном из примечаний. Говоря о судьбе архива П. В. Жуковского, скончавшегося в Веймаре, он писал: «Мне кажется, было бы крайне важно теперь же нашим русским хранилищам выяснить, куда могли деться в настоящее время все эти документы первоклассной исторической ценности, которые несколько лет тому назад были перевезены из Москвы в Веймар. <...> Считаю своим долгом отметить, что он (П. В. Жуковский. — Т. К.) сам неоднократно говорил мне, что его желанием было всегда, чтобы после его смерти все материалы, касающиеся его отца, сосредоточились бы в одном общественном хранилище» (см.: *Фомин А. Петр Николаевич Тургенев и его дар русской науке*. С. 28). Разумеется, Онегин, ближайший друг П. В. Жуковского, унаследовавший к этому времени значительную часть архива его отца, не мог простить Фомину этой «неосторожной» фразы.

⁷Посылка была отправлена из Берлина 29 дек. 1922 г.; 16 апр. 1923 г. хранитель книжных собраний Пушкинского Дома И. А. Кубасов получил эти книги в Академии наук (см.: ПФА РАН, ф. 2, оп. 1 (1919), № 3, л. 83).

⁸Д. Рош передал в Пушкинский Дом два тома парижского Собрания сочинений А. Чехова (в 20 т.), которое издавало «Librairie Plon» (переводы Д. Роша были единственными французскими переводами, авторизованными в свое время А. П. Чеховым). К концу 1922 г. вышло 2 тома (1-й и 14-й). Обе книги Д. Рош надписал для Академии наук: на 1-м томе («Salle 6») — «Homage du traducteur à l'Académie des Sciences de Pétrograd. Décembre 1922. D. Roche»; на 14-м томе («Théâtre I») — «Offert à l'Académie des Sciences de Pétrograd par le traducteur. D. Roche». Позднее в составе библиотеки А. Ф. Онегина в Пушкинский Дом поступили тома 3-й («Une banale histoire»), 6-й («Ma vie») и 14-й («Théâtre I»), подаренные Д. Рошем хранителю парижского Пушкинского музея в 1923 г.

Кроме того, Д. Рош передал 2 тома переводов драматических сочинений И. С. Тургенева (*Tourguéniev I. Théâtre*. Paris: Éditions Bossard, 1922—1923. Т. 1—2), также снабдив их дарительными надписями (см.: ПФА РАН, ф. 2, оп. 1 (1919), № 3, л. 83).

⁹Имеется в виду издание, которое предполагалось осуществить в серии «Чеховская библиотека». Вышел только один том (*Чехов А. П. Собрание писем / Под ред. и с коммент. В. Брендер; Вступ. статья Ю. Айхенвальда*. М., 1910. Т. 1).

¹⁰Речь идет о кн.: Чехов. Новые письма. (Из собраний Пушкинского Дома) / Под ред. Б. Л. Модзалевского. Пб., 1922.

¹¹См. примеч. 12 к письму 38 и письмо 42.

¹²См. примеч. 15 к письму 42.

¹³См. примеч. 4 к письму 34.

¹⁴После неоднократных просьб Гофмана (см. также письмо 37) в конце июля 1923 г. ему от Пушкинского Дома была отправлена большая книжная посылка — «за счет академических сумм» (ПФА РАН, ф. 2, оп. 1 (1919), № 3, л. 108—109; ф. 150, оп. 1 (1922), № 3, л. 40). В ней были книги самого Гофмана («Посмертные стихотворения Пушкина», «Поэзия Боратынского», «Пушкин: Первая глава науки о Пушкине»), вышедшие под его редакцией «Домик в Коломне» Пушкина и «Неизданные стихотворения» Дельвига, а также издания Пушкинского Дома (33—35-й и 36-й выпуски сборника «Пушкин и его современники», каталоги выставок, посвященных Н. А. Некрасову, Ф. М. Достоевско-

* «Почтительное приношение переводчика Академии наук в Петрограде. Декабрь 1922. Д. Рош» (*франц.*).

** «Приношение переводчика Академии наук в Петрограде. Д. Рош» (*франц.*).

му, А. Григорьеву, и выставки «Пушкин и его современники», альманах «Радуга», речь Н. А. Котляревского «Пушкин и Россия», книга И. А. Кубасова «Декабрист А. И. Одоевский и вновь найденные его стихотворения», «Сочинения и письма» М. С. Лунина, подготовленные С. Я. Штрайхом, «Новые письма» А. П. Чехова (под ред. Б. Л. Модзалевского) и др. В описи отправленного значилось 22 названия (41 книга).

¹⁵ Об этом договоре см. также в письме 45. Издание не состоялось.

¹⁶ В берлинском отделении Госиздата описание Онегинского музея не было напечатано. О работе над ним и причинах, по которым издание не состоялось, см. в письмах 48, 57, 58, 61, 62, 64, 66, 69, 71.

¹⁷ Речь идет о статье-обзоре «Новое о Пушкине» (Литературная мысль: Альманах. Пг., 1922. Кн. 1. С. 171—186. На обл.: 1923). Хотя работа Б. В. Томашевского (о нем см. примеч. 11 к письму 27 в кн.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. С. 229) была написана после отъезда Гофмана (под статьей выставлена дата «12 сентября 1922»), в ней явно ощущается продолжение очной полемики двух пушкинотомцев, начатой, видимо, еще в ходе совместной работы над «Неизданным Пушкиным». В этой статье Томашевский, высоко оценив текстологические работы Гофмана 1921—1922 гг., дал методологическую оценку его текстологических принципов, а также примененных Гофманом приемов критики текста, в ряде случаев принципиально не согласившись с ним (в первую очередь это касалось постановки вопроса о «каноническом тексте»). При этом Томашевский особо подчеркивал, что, «высказываясь по поводу выдвинутых автором проблем», он «не ставил себе задачей полемику» с ним (с. 174). Об упомянутых же Гофманом «Пропущенных строфах „Евгения Онегина“» Томашевский писал как об «образцовой описательной работе, обильной остроумными сближениями, сопоставлениями, догадками», и утверждал, что «проверить труд Гофмана гораздо легче, чем проделать его наново» (с. 181). См. также вступ. статью к 1-й части публ. (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год. СПб., 2004. С. 197—198).

¹⁸ Ответ Гофмана на статью Б. В. Томашевского неизвестен.

¹⁹ См. примеч. 3 к письму 38.

²⁰ См. примеч. 2 к письму 40.

44

25 января 1923 г. Париж

Paris.
25. I. 1923.

Дорогой Борис Львович,
давно Вам не писал, потому что все дождался от Вас какого-нибудь известия — да, видно, не дожидаться. Еще непонятнее, что со мной делают мои домашние: написали о болезни детей — и второй месяц как молчат, и я никакими силами не могу вытянуть из них ни единого слова. Так как Вы мне не пишете — постараюсь быть кратким.

Известно ли Вам, что я вступил в нежную переписку с Е. А. Пушкиной,¹ внучкой Пушкина, и если известно, то какого Вы об этом мнения? Если же неизвестно, то сообщаю Вам об этом, а Вас попрошу вы-

сказать Ваше мнение по сему поводу. Все время молчал об этом, ибо хотел Вам написать в качестве *fait accompli*,* но так как дело еще долго протянется — пишу в конце концов. 5 января М<атвей> И<ванович>² передал мне письмо из Константинополя от Е. А. Пушкиной, в котором она предлагает купить у нее 1) акварельный портрет Н. Н. Гончаровой 1833 года работы К. П. Брюллова³ (за 200 фунтов стерлингов), 2) акварельный автопортрет Лермонтова,⁴ подаренный им Пушкину (за 25 фунтов) и 3) веер золотой черепахи, с инкрустациями, с розочками, с акварельным рисунком и проч., подаренный Пушкиным его жене⁵ (стиль Louis XIV — за 100 фунтов), и тут же сия особа добавляет: «Что же касается до имеющихся у меня неизданных дневника и рукописей Александра Сергеевича, то не считаю себя вправе распоряжаться ими, т<ак> к<ак>, согласно воле моего покойного отца, они не могут быть опубликованы раньше, чем через сто лет после смерти А<лександра> С<ергеевича>, то есть раньше 1937 года».⁶ Я тотчас же стал хлопотать о получении денег (есть надежда), а ей написал длинное письмо (в стиле Б. Модзалевский—М. Гофман) — послание, в котором говорил, что мы все сделаем для приобретения вещей, говорил подробно об истории Пушкинского Дома и о нашей бедности и убеждал ее, что дело опубликования материалов — одно, а дело их хранения — другое, и что лучшего места для хранения рукописей Пушкина, чем Пушк<инский> Дом, нельзя и придумать. Вот что она мне ответила: «.....Я была очень счастлива узнать, что даже в настоящее тяжелое время, переживаемое Россией, интерес к творчеству Александра Сергеевича не ослабел и что как за границей, так и в России есть люди, бескорыстно служащие чистому искусству. Я много слышала о г<осподине> Онегине и музее имени моего деда, собранного и пожертвованного им Академии, и очень сожалею, что, благодаря настоящему положению вещей, не имею возможности последовать его примеру, т<ак> к<ак> за границей я осталась одна и совершенно без средств, кроме личного заработка. Поверьте, что только эти обстоятельства лишают меня чести безвозмездно внести мою лепту в Дом имени моего деда при Академии.... и, поверьте, что я с своей стороны насколько могу, пойду навстречу дорогому мне начинанию.

Далее, соглашаясь с Вами, что лучшим хранилищем для неизданных дневника и рукописей Александра Сергеевича является академический Пушкинский Дом, я считаю своим долгом, согласно воле отца, не выпускать их в свет до 1937 года, т<ак> к<ак> близкие потомки лиц, упомянутых в них, еще живы.

---

* совершившегося факта (франц.).

Очень прошу Вас, господин Профессор, не отказать в любезности указать мне способ получить академическое издание сочинений А. С. Пушкина — за что буду очень благодарна.....».

В ответ я ей написал длинное послание, в котором, между прочим, благодарил ее за согласие передать в П<ушкинский> Д<ом> рукописи П<ушкина>.⁷ Еще одна новость: здесь, в Париже, мне обещали сосватать автограф стихотворения «К морю».⁸

С тех пор, как вернулся из Берлина, живу душа в душу с Онегиным: друг другом не нахвалимся и совершенно не ссоримся (чтобы не сглазить). Много работаю, — даже в Брюссель не хочется ехать — производить расследование Тютчевского архива.⁹

Целую Вас, дорогой Борис Львович, забывший меня, целую ручки Варвары Николаевны, приветствую всех пушкинодомцев.

Ваш Модест Гофман.

26. I. Не успел отправить Вам письмо, как сегодня утром получил Вашу карточку — спасибо. Сейчас же напишу и протелеграфирую в Берлин, но очень опасаясь, что уже поздно. Отчего Вы мне раньше не написали? Вы можете во всяком случае, успокоиться тем, что «Неизданный Пушк<ин>» будет распространяться не в России, а за границей.¹⁰

Да! дайте мне совет: мне предлагают читать лекции в Сорбонне — стоит ли?¹¹

¹ Пушкина (в замуж. Розенмайер; Розенмейер) Елена Александровна (1889—1943) — внучка Пушкина, младшая дочь А. А. Пушкина (от 2-го брака с М. А. Павловой). В 1918 г. вместе с матерью уехала в Крым, оттуда — в Турцию; работала драгоманом русского посольства в Константинополе. Историю о том, как оказались у Е. А. Пушкиной некоторые из фамильных пушкинских реликвий, рассказал ее старший брат Н. А. Пушкин в письме своей тетке В. А. Пушкиной (урожд. Мельниковой): «После смерти бедной Мама, скончавшейся в Константинополе в моем отсутствии, я был еще в рядах Добровольческой армии, сестра нехорошо поступила в отношении меня. Все семейные вещи, хранившиеся у Мама, она захватила и скрыла это от меня, так что я их считал погибшими в России. Эти вещи были: печать Деда (см. примеч. 8 к письму 45 и примеч. 12 к письму 56. — Т. К.), портрет бабушки Наталии Николаевны (см. примеч. 3 к наст. письму. — Т. К.), ее веер, подарок А<лександра> С<ергеевича> (см. примеч. 5 к наст. письму. — Т. К.), и некоторые другие. Об их существовании я узнал совершенно случайно от профессора Гофмана (Пушкинианца), когда сестра пыталась продать эти вещи через посредство советской миссии в Париже. Я просил сестру прислать мне хотя бы оттиск печати, но никогда от нее не получил даже ответа» (РО ИРЛИ, ф. 246, оп. 7, № 4, л. 13 об.; письмо от 3 янв. 1927 г.). В ноябре 1921 г. Е. А. Пушкина вышла замуж за Н. А. фон дер Розенмайера; весной 1923 г., как сообщала она Онегину, они с супругом предполагали уехать в Южную Африку (см. письмо 56). Эта поездка, по всей вероятности, состоялась, и по возвращении из нее Е. А. Розенмайер жила в Ницце, куда в 1935 г. к ней приезжал С. Лифарь (см.: *Лифарь С. Моя зарубежная Пушкиниана: Пушкинские*

выставки и издания. Париж, 1966. С. 177). Умерла внучка Пушкина в Ницце в крайней нужде (см.: *Бабореко А.* Неизвестные материалы о внучке Пушкина: Исчезнувший дневник // Литературная Россия. 1983. 15 апр. № 16). Подробнее о Е. А. Розенмайер см.: *Цветаева М.* Встреча с внучкой Пушкина [10 июля 1931 г.] // *Цветаева М.* Неизданное. Сводные тетради / Подгот. текста, предисл. и примеч. Е. Б. Коркиной и И. Д. Шевеленко. М., 1997. С. 446—449; *Лукаш И. С.* Внуки Пушкина в изгнании // Центральный Пушкинский Комитет в Париже (1935—1937). М., 2000. Т. 2. С. 77—85; *Русаков В. М.* Рассказы о потомках А. С. Пушкина. Л., 1982. С. 169—183; *Фридкин В. М.* Пропавший дневник Пушкин: Рассказы о поисках в зарубежных архивах. 2-е изд., доп. М., 1991. С. 203—207; *Мезенцова Н. С.* «В них обретает сердце пищу...»: Из записок правнучки А. С. Пушкина. М., 1999. С. 26—34.

² Имеется в виду М. И. Скобелев (о нем см. во вступ. статье и в примеч. 2 к письму 39). Письмо Е. А. Пушкиной к Скобелеву не сохранилось. Не получив ответа от Скобелева, она 7 янв. 1923 г. написала письмо аналогичного содержания А. Ф. Онегину (см.: РО ИРЛИ, № 29396, л. 1; опубли. с неточностями в кн.: *Левкович Я. Л.* Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л., 1988. С. 225).

³ В письме к Онегину (см. примеч. 2) Е. А. Розенмайер описывала портрет своей бабки следующим образом: «Портрет Нат<алии> Ник<олаевны> Пушкиной (рожден<ной> Гончаровой) художника Брюллова, без подписи, акварельный, в простой бронзовой рамке, размер приблизительно половина этого листа» (РО ИРЛИ, № 29396, л. 1). В действительности Е. А. Пушкиной-Розенмайер принадлежал акварельный портрет Н. Н. Пушкиной (в бальном платье и в шляпке со страусовым пером) работы В. И. Гау. Известно несколько вариантов этого портрета. Один, недатированный и неподписанный, хранился в семье Ланских—Араповых и в 1927 г. был продан в Пушкинский Дом. Другой, подписанный и датированный 1843 г., находился в Остафьево — подмосковном имении Вяземских (оба портрета в 1953 г. были переданы во Всесоюзный музей А. С. Пушкина). Одно из авторских повторений портрета принадлежало графине Шуваловой (акварель экспонировалась в 1905 г. на выставке исторических портретов в Таврическом дворце как работа А. П. Брюллова), другое (с некоторыми отличиями от предыдущих) — Е. А. Розенмайер (местонахождение двух последних портретов в наст. время неизвестно).

Во время поездки Гофмана в Константинополь в конце марта 1923 г. (см. письма 49 и 50) Е. А. Розенмайер передала Онегину фотографию с портрета Н. Н. Пушкиной, написав на обороте: «Уменьшенная копия с портрета бабушки раб<оты> Брюллова от внучки 26/III/23. Глубокоуважаемому, дорогому Александру Федоровичу Онегину» (в наст. время фотография хранится во Всероссийском музее А. С. Пушкина). Так как Онегин не проявил интереса к приобретению оригинала (см. письмо 56), Розенмайер продала его вскоре в Америку. На парижской Пушкинской выставке 1937 г. экспонировалась фотография с этого портрета, которую предоставил живший в Брюсселе Н. А. Пушкин (брат Е. А. Розенмайер). На этой выставке портрет был также ошибочно аннотирован как работа К. Брюллова (см.: *Lifar S., Hofmann M.* Guide de l'Exposition «Pouchkine et son époque» // Centenaire de Pouchkine. 1837—1937. Exposition «Pouchkine et son époque». Paris, [1937]. P. 28; *Гофман М. Л.* Пушкин и его эпоха: Юбилейная выставка в Париже // А. С. Пушкин и его эпоха. Les Editions «La Russie Illustrée». Numéro special. Париж, 1937. С. 121). Об этом портрете Н. Н. Пушкиной работы В. Гау также см.: *Беляев М. Д.* Наталья Николаевна Пушкина в портретах и отзывах современников. СПб., 1993. С. 54—58, 102—103; *Февчук Л. П.* Портреты и судьбы: Из ленинградской Пушкинианы. 2-е изд., доп. Л., 1990. С. 80—81.

⁴ Об этой «реликвии», якобы принадлежавшей ее деду, Е. А. Пушкина писала и Онегину 7 янв. 1923 г.: «Собственноручный автопортрет М. Ю. Лермонтова с надписью ка-

рандашом: „рисовано Михаил Лермонтов (sic!)“. На обратной стороне монах с крестом, читающий Библию. Картон в обложке с надписью» (РО ИРЛИ, № 29396, л. 1).

⁵ В письме к Онегину Е. А. Пушкина-Розенмайер описывала эту реликвию более подробно: «Веер художественной работы, золотой черепахи с инкрустациями, двухсторонний акварельный рисунок стиля Людовика XV — подарок моего деда А. С. Пушкина своей жене Наталии Николаевне» (РО ИРЛИ, № 29396, л. 1). По свидетельству И. Лукаша, который в 1934 г. встречался с Е. А. Розенмайер в Париже, «небольшой черепаховый веер <...> с инкрустациями на створках» к этому времени уже не принадлежал внучке Пушкина и находился в Лондоне (*Лукаш И. С.* Внуки Пушкина в изгнании. С. 83). Впоследствии жена Н. А. Пушкина, видимо, со слов самой Е. А. Розенмайер, сообщила, что веер был продан «кузине графине Торби» (см. письмо Н. А. Пушкиной к Н. С. Шепелевой (Мезенцовой) от 29 августа 1964 г. в кн.: *Мезенцова Н. С.* «В них обретает сердце пищу...»: Из записок правнучки А. С. Пушкина. С. 34). Московская же родня Е. А. Розенмайер категорически опровергла принадлежность этого веера жене поэта. «Тетя Анна Александровна (А. А. Пушкина, старшая сестра Е. А. Розенмайер по отцу. — *Т. К.*), — вспоминала правнучка Пушкина, — рассказывала мне, что София Александровна Павлова, родная тетка Елены Александровны, признала в описании веера, якобы принадлежавшего Наталье Николаевне, свой собственный, ею подаренный племяннице Елене. „С черепаховой ручкой, это же мой, который я ей подарила“, — сказала она. <...> Возмущение тети Анны было настолько велико, что она мне высказала категорическое нежелание говорить о сестре и вспоминать ее» (Там же. С. 31). О реакции Онегина на предложение приобрести веер Н. Н. Пушкиной см. в письме 56.

⁶ О «неизданном дневнике» Пушкина см. во вступ. статье.

⁷ Письмо Гофмана, написанное 21 янв. 1923 г., не сохранилось; известен ответ на него Е. А. Пушкиной (см. примеч. 8 к письму 45).

⁸ Речь идет о беловом автографе стихотворения «К морю», подаренном Пушкиным М. В. Юзefовичу в 1829 г. До 1918 г. рукопись хранилась у потомков Юзefовича. В 1921 г. ее владельцем стал одесский профессор-юрист П. А. Михайлов, эмигрировавший в Париж. Приблизительно в 1927—1928 гг. пушкинскую рукопись купил С. П. Дягилев. В 1930 г., после смерти Дягилева, его библиотеку и архив приобрел С. М. Лифарь. Часть книг и рукописей он передал Б. Е. Кохно — секретарю Дягилева в 1921—1929 гг. Среди них был и автограф стихотворения «К морю» (см.: *Лифарь С.* Дягилев — библиофил // *Временник Общества друзей русской книги.* Париж, 1938. Кн. 4. С. 194). В 1953 г. этот автограф приобрел Б. Килгур и подарил Гарвардскому университету, где он хранится поныне. Подробнее см.: *Цявловская Т. Г.* Автограф стихотворения «К морю» // *Пушкин: Исследования и материалы.* М.; Л., 1956. Т. 1. С. 187—190; *Цявловский М., Цявловская Т.* Вокруг Пушкина / Изд. подготовили К. П. Богаевская и С. И. Панов. М., 2000. С. 78, 242.

⁹ См. примеч. 6 к письму 42.

¹⁰ Открытка Модзалевского, о которой пишет Гофман, видимо, была отправлена тотчас же по получении письма от 3 янв., в котором сообщалось, что «Неизданный Пушкин» выйдет «без исправлений». Получив новое письмо Гофмана, Модзалевский 6 февр. записал в своем рабочем дневнике: «Испуган сообщением, что „Неизданный Пушкин“ выйдет, может быть, с фразой, на которую обиделся Лернер. Послал Гофману требование не выпускать книгу с этой фразой» (Пушкинский Дом: *Материалы к истории. 1905—2005.* СПб., 2005. С. 24). Подробнее см. во вступ. статье и в письмах 45, 47, 48, 52, 54—56.

¹¹ В 1923 г. Гофман отказался от чтения лекций в Сорбонне (см. письма 46 и 58).

14 февраля 1923 г. Париж

Paris VI.
14, rue Stanislas.
14. II. 1923.

Дорогой Борис Львович,
как громом, меня вчера сразила незаслуженно-сердитая телеграмма Сергея Федоровича: «Toute édition académique à l'étranger défendue par décret<.> Académie défend toute publication concernant Pouchkine<.> Toute publication entreprise doit être arrêtée<.> attends reponse<.> lettre suit<.>»¹ 348=Secrétaire perpétuel Oldenburg».*

Многого не понимаю в этой телеграмме, многое меня ранит, а главное — общий жестокий тон, которого я, право, не заслужил, ибо работаю очень много и очень усердно, и каждый шаг мой преследует интересы Пушкинского Дома, а значит — и всей Российской Академии Наук. Догадываюсь, что речь идет о «Неизданном Пушкине» (немного поздновато), ибо ничего другого из трудов Пушкинского Дома я не печатаю за границей. Но ведь печатаются же в Берлине другие «труды П<ушкинского> Дома» — «Гавриилиада» Томашевского.² Это во-первых, а во-вторых, что гораздо важнее, я это делаю не по собственной инициативе (и не преследуя никаких корыстных целей — в свой карман я ни одного сантима не положу), а по инициативе начальства Пушкинского Дома и с благословения Непременного Секретаря Академии С. Ф. Ольденбурга. Вы помните разговор внизу (в июле месяце перед моим отъездом), в кабинете Непременного Секретаря — присутствовали С<ергей> Ф<едорович>, Н<естор> А<лександрович>, Вы и я, когда Вы заявили, что советуете мне добыть немного денег (на случай, если Онегин бедствует) в Берлине путем переиздания «Неизданного Пушкина». Ваше предложение встретило сочувственное отношение С<ергея> Ф<едоровича> и Н<естора> А<лександровича>, и таким образом я увез мысль Старшего Ученого Хранителя, одобренную Директором и разрешенную к осуществлению Непременным Секретарем — и в августе сдал ее в Берлине (до приезда в Париж — как это совершенно естественно). После этого я постоянно держал в курсе П<ушкинский> Д<ом> (вообще потихоньку ничего не делаю; мое по-

* Любое академическое издание за границей запрещено декретом<.> Академия запрещает любую публикацию<.> касающуюся Пушкина<.> Любое предпринятое издание должно быть остановлено<.> жду ответа<.> подробности письмом<.> 348=Непременный секретарь Ольденбург (франц.).

ложение и деятельность бывали очень трудны и сложны, но предосудительного в них ничего не было, и я думал, что, испортив себе сердце на работе, я скорее заслуживаю благодарности, чем выговора; м<жду> п<рочим>, на мою телеграмму Непременному Секретарю об оформлении соглашения я не получил никакого ответа)³ и, когда книга вся была отпечатана, получил Вашу открытку об изменении одной страницы,⁴ а потом — 13 февраля — незаслуженно-жесткую телеграмму Непременного Секретаря. Что же остается делать теперь, когда вся книга отпечатана и только еще не поступила в продажу? — Если бы я был богатым человеком — я, не задумываясь, послал бы в Берлин телеграмму с покорнейшей просьбой (как об оказании большой любезности-услуги) уничтожить все отпечатанные листы с тем, что я возьму все расходы по набору, печатанию, бумаге и проч. и проч. — несмотря на то, что не чувствую за собой никакой вины, т<ак> к<ак> действовал, исполняя распоряжение моего начальства и имея разрешение Непременного Секретаря Академии. Но у меня денег нет, и думаю, что не только я, но и Академия не в состоянии возместить расходов. Есть и еще выход: печататься книга может в любом городе, все дело в издании: значит, я могу попросить в Берлине отказаться от своего издания и поставить город и издание первого издателя, «Атеней» же человек хороший, на меня сердиться не будет,⁵ ибо поймет положение и поймет, что второе издание в его синодике ему ничем повредить не может. Но вот вопрос в чем: пойдут ли навстречу этому плану моему в Берлине, ибо они ничего не выигрывают, а многое проигрывают. Хорошо бы самому съездить в Берлин, но путешествие очень дорого и очень сложно. Есть еще третий выход: попросить З. Г. Гринберга принять отпечатанные листы, уплатить за них понесенные расходы и издать в Моск<овском> Госиздательстве. Но для приведения в исполнение этого плана тем более необходимо ехать в Берлин, а я сижу без денег и боюсь покидать Париж, ибо с минуту на минуту ожидаю возможности поехать в Константинополь — чего упускать во всяком случае нельзя. Я не ответил телеграммой на телеграмму С<ергея> Ф<едоровича> — п<отому> ч<то> в телеграмме невозможно рассказать положение. Не знаю, почему, но чувствую, что кто-то весьма и весьма хорошо и прочно настроил против меня С<ергея> Ф<едоровича> — поэтому пишу не ему, а Вам, а Вас, дорогой Борис Львович, попрошу рассказать ему все на словах и м<жду> п<рочим> сказать, что ничего, кроме «Неизданного Пушкина» (кстати сказать, он не академическое издание, а издание «Атеней»), я не печатаю за границей из того, что может быть с натяжкой названо «академическим изданием». Далее в телеграмме С<ергея> Ф<едоровича> есть фраза, смысл которой для меня не вполне ясен: «Académie defend toute publication concer-

nant Pouchkine», а по-русски: «Академия запрещает опубликование всего, что касается Пушкина». Я бы понял, если бы одновременно с этим Академия предложила мне издание академическое всех моих трудов по Пушкину, если бы предложила определенные условия монополии. Иначе такое запрещение равносильно запрещению мне, специалисту по Пушкину, работать по Пушкину, если я лишен права опубликования где бы то ни было (звучит достаточно категорично: «Académie défend toute publication concernant Pouchkine») моих работ. В декабре через З. Г. Гринберга я заключил договор с Госуд<арственным> Издательством на издание моего большого сборника (minimum 24 листа) статей о Пушкине.⁶ Далее: «Toute publication entreprise doit être arrêtée» — значит, я должен разорвать договор с Госиздательством и поставить крест на мою научную работу. Не сладкая же жизнь меня ожидает — жизнь с разбитой целью жизни. Вы не можете себе представить, мой хороший, дорогой Борис Львович, в какой депрессии я нахожусь и какое действие на меня произвела телеграмма С. Ф. Ольденбурга. И — помимо всего прочего — я чувствую большую обиду, ибо из кожи лез не щадя сил и здоровья (я прибавил около 20 фунтов веса; вид у меня очень хороший, но сердце совершенно испортилось, и — Вы понимаете — я не могу выпить ни одной чашечки слабенького чаю или кофе без того, чтобы не подвергаться явной опасности), заботился только о хорошем, к людям отношусь в настоящее время только хорошо и исключительно доброжелательно — и слышу жесткий и несправедливый окрик, который меня буквально раздавил. Ни о чем другом ни думать, ни писать не могу (да, пожалуй, и не нужно: все равно ни Вы, ни Николай Васильевич⁷ на мои бесконечные вопросы не отвечаете в своих письмах, а я много вопросов ставил). Переговорите скорей с С<ергеем> Ф<едоровичем> и попросите послать телеграмму с директивами по поводу «Неизданного Пушкина». Ужасно обидно то, что происходит с почтовыми сношениями с Германией: 4. II я послал Гринбергу письмо, на которое нужен был немедленный ответ, 5 утром получил письмо от Пушкиной (Н<иколай> В<асильевич> знает, какое)⁸ и сейчас же послал Гринбергу телеграмму в 50 слов⁹ и письмо, 8-го послал телеграмму его секретарше, 9 — письмо академику Щербацкому¹⁰ (все по поводу Константинополя и Е. А. Пушкиной) — и до сих пор ни от кого не получаю никакого ответа. Больше того: всю ту неделю в Париже была А. Б. Фёрингер,¹¹ которая очень близко к сердцу <приняла> это дело и вместе со мной волновалась по поводу берлинского молчания в таком важном и спешном деле, когда нельзя терять ни одной минуты. 10 она уехала в Берлин и дала мне слово в день приезда телеграфировать мне. Не сомневаюсь в том, что она сдержала слово, но я ничего до сих пор не получил.

Да, кажется, мне надо думать совсем не о Константинополе и Пушкинском Доме, а о глубине Сены и о том, в каком наименее людном месте ее лучше погрузиться с тяжелым камнем на сердце.

2 ½ недели тому назад я послал ару Вам (для раздела ее между Вами и И. А. Кубасовым) — дошла ли она до Вас?¹²

Привет сердечный и искренний Варваре Николаевне. Скажите ей, что меня обидели, и попросите ее пожалеть меня. Привет всем.

Ваш Мод<ест> Гоф<ман>.

¹ Письмо С. Ф. Ольденбурга, составленное в столь же категоричном тоне, как и телеграмма, Гофман получил 26 февр. (его текст см. в примеч. 2 к письму 48). Ответное письмо Гофмана С. Ф. Ольденбургу см. ниже (письмо 48).

² Отдельное издание «Гавриилиады» вышло в Петрограде в марте 1922 г. в серии «Труды Пушкинского Дома» (*Пушкин А. С. Гавриилиада: Поэма / Ред., примеч. и коммент. Б. Томашевского. Пб., 1922*). Книга включала критическое издание текста поэмы, разночтения списков, а также исследование, посвященное истории произведения, его сюжету, композиции, языку, анализу сохранившихся рукописных источников «Гавриилиады» и различных изданий ее текста. Тираж издания составил 1000 экз. Часть из них была пронумерована и включала воспроизведение портрета Н. С. Алексеева (ср.: *Добровольский Л. М., Мордовченко Н. И. Библиография произведений А. С. Пушкина и литературы о нем. 1918—1936. М.; Л., 1952. Ч. 1. С. 117 (№ 286)*). Гофман написал рецензию на этот труд Томашевского для литературной газеты «Ирида», издание которой не состоялось (автограф статьи Гофмана см.: РО ИРЛИ, ф. 568, оп. 1, № 125, л. 102—106). Берлинское переиздание «Гавриилиады» под редакцией Б. В. Томашевского не осуществилось.

³ Речь идет о телеграмме, поданной Гофманом 7 дек. 1922 г., после заключения договора с Онегиным (см. вступ. статью, с. 807). В это время в связи с отсутствием С. Ф. Ольденбурга должность неперменного секретаря АН исполнял Е. Ф. Карский, который наложил резолюцию: «Прошу заключение Пушк<инского> Дома». С ответной записью Б. Л. Модзалевского («Дело касается Онегинского Пушкинского музея, — нет никакого сомнения») телеграмма была возвращена в Академию наук 12 дек. (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1922), № 3, л. 28).

⁴ См. примеч. 10 к письму 44.

⁵ Гофман, скорее всего, обыграл здесь высказывание Пушкина об издателе «Московского телеграфа» Н. А. Полевом: «Телеграф добрый и честный человек, и с ним я ссориться не хочу» (письмо к М. П. Погодину от 1 июля 1828 г.). Во главе издательства «Атеней» стоял Л. С. Утевский.

⁶ См. примеч. 15 к письму 43.

⁷ Н. В. Измайлов.

⁸ Письмо Е. А. Пушкиной к Гофману от 30 янв. 1923 г. известно в копии Н. В. Измайлова (об этом см. также в письме 56). Внучка Пушкина сообщала о возможности своего отъезда к родственникам в Южную Африку «не ранее конца февраля». «Надеюсь, что до этого времени, — писала она Гофману, — буду иметь удовольствие видеть Вас у себя в Кон<стантино>поле, чтобы лично переговорить с Вами о дорогом мне деле, передать Вам, как представителю Академии, Дедовские реликвии, а также выяснить некоторые подробности относительно рукописей и вопросов издательства. <...> Кроме реликвий, о которых я Вам писала, у меня хранится еще личная гербовая печать Александра Сергеевича, которую я думала оставить себе на память (см. примеч. 1 к письму 44 и при-

меч. 12 к письму 56. — Т. К.); полагаю, что она была бы ценным вкладом в Пушкинский Дом, и переговоры о ее передаче оставляю до нашего, надеюсь, скорого свидания» (РО ИРЛИ, № 29396, прилож., л. 7—7 об.).

⁹ Текст телеграммы от 5 февр. 1923 г. сохранился в копии Н. В. Измайлова: «Reçue lettre Pouchkine Constantinople invite pour transmettre tous manuscrits reliques Pouchkine part moitié février Sud Africa important immédiatement aller Constantinople Priere envoyer Skobelev cinq mille francs pour voyage faites tout possible m'envoyer 325 livres sterlings stop manque temps pourra faire perdre immense tresor repondez immediatement Hofmann»* (РО ИРЛИ, № 29396, прилож., л. 7 об.).

¹⁰ *Щербатской Федор Ипполитович* (1866—1942) — востоковед, основатель русской школы буддологии, академик (1918); с 1924 г. — директор Музея антропологии и этнографии АН. В описываемое время Щербатской находился в длительной заграничной командировке, по возвращении из которой беседовал с Модзалевским «о Гофмане» (см. запись 27 сент. 1923 г. в рабочем дневнике Б. Л. Модзалевского: Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905—2005. СПб., 2005. С. 30).

¹¹ *Фёрингер Анна Богдановна* (?—1934?) — физик; выпускница Высших женских (Бестужевских) курсов, где в 1914—1918 гг. вела практические занятия по физике в должности ассистентки. Работала в Палате мер и весов, Главной геофизической обсерватории. В 1921 г. была командирована во Францию и Германию (для организации закупок научной литературы и оборудования, установления научных контактов с Международным бюро мер и весов в Париже); была секретарем и ближайшей помощницей академика А. Н. Крылова. В конце 1927 г. ей — «даме умной, деловой и энергичной» — была поручена организация перевозки Онегинского музея из Парижа в Ленинград (см.: *Измайлов Н. В.* Воспоминания о Пушкинском Доме. 1918—1928 гг. // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998—1999 год. СПб., 2003. С. 274—275, 318—319). Умерла в Париже. См. также письма 55 и 56.

¹² Об «арах» см. примеч. 14 к письму 38, а также письма 39, 40, 42, 43.

46

19 февраля 1923 г. Париж

Paris VI-e.
14, rue Stanislas.
19. II. 1923.

Дорогой Борис Львович, сейчас получил Ваше письмо (без даты)¹ — письмо, которое меня еще больше взволновало среди всех неприятностей, неожиданно и незаслуженно обрушившихся на меня. Вместо поддержки, на которую я мог рассчитывать в моем очень трудном поло-

---

* «Получил письмо Пушкиной из Константинополя<,» приглашает для передачи всех рукописей и реликвий Пушкина<,» уезжает в середине февраля в Южную Африку<,» важно незамедлительно приехать в Константинополь<.» Просьба выслать <через> Скобелева пять тысяч франков для поездки<,» сделайте все возможное <для> присылки мне 325 фунтов стерлингов точка Промедление может повлечь потерю бесценных сокровищ<,» ответьте немедленно<.» Гофман» (*франц.*).

жении со стороны Академии Наук, я все время встречаю только упреки, обвинения и тесно сплоченный поход против меня. Я нуждаюсь в очень большом спокойствии и равновесии, это необходимо, а между тем все делается для того, чтобы я потерял равновесие. Досадно и больно. Со стороны (из Петербурга) я получаю известия о походе против меня, о намерении отнять у меня квартиру (очевидно, за то, что я слишком усердно тружусь в пользу Пушкинского Дома), Ваше письмо тоже полно обвинений — и я готов бросить все, погубить столь блестяще устривающиеся дела Онегинского музея и Пушкинского дневника и возвращаться домой или бросаться в Сену. Действительно, есть от чего поседеть! Мало было мне ноября и декабря — когда я через все Сциллы и Харибды, не обращая внимания на ежедневные сердечные припадки и слезы, проводил академическое дело.

Ничего не пишу Вам о «Неизданном Пушкине», ибо недавно писал Вам об этом и с тех пор не имею никаких новых сведений, и ответу на другие обвинения, исходящие преимущественно (как Вы говорите) из Академического Президиума. Я обвиняюсь 1) в участии в какой-то газете фельетонами, 2) в шуме, который я произвожу в Европе, 3) длительностью командировки, 4) запросом денег...

Ответу по пунктам на эти обвинения.

1) Ни в какой газете никакими фельетонами я не участвую. Вчера мне предложили редактировать новый французский еженедельник «La Revue gusse», но я категорически отказался. Вся моя газетная деятельность выразилась двумя письмами в редакцию и двумя фельетонами. Первое письмо мое было вызвано глупою клеветнической статьей «Слова»² и оказало мне большую помощь, второе письмо я, по совету Гринберга, послал во все русские берлинские газеты (напечатал только «Руль»)³ — и был к тому вынужден тем вредным вздором и перевираанием в прессе, которые могли совершенно погубить все дело. Два фельетона (о стихотворениях П<ушкина>⁴ и о «Д<омике> в Коломне») я, по совету Скобелева, поместил сейчас же по приезде в Париж, чтобы заявить о себе — этим ограничился и после этого совершенно замолчал, не гоняясь ни за деньгами, ни за славой. Смею Вас уверить, что у меня все было обдуманно и никаких неосторожных шагов я не делал (и вообще без нужды никуда не лез). «L' Excelsior» интервьюировал меня и Онегина,⁵ очень многое переврал, но заметка принесла не вред, а пользу (кстати же сказать, я не при чем).

2) Шум, произведенный мною в Европе, двоякий — мой личный и моего дела, настоящий шум, но очень тихий, о котором Вы бы ничего не слышали, если бы я не писал о нем в упоении своей победы. Так как об этом шуме Вы судили по моим письмам, то пусть это письмо послужит комментарием к нему. Мой личный — очень тихий — без всяких

реклам, без всяких интервью и газетных заметок — заключался в том, что я шумел в письмах своих в Петербург: шумел, радуясь тому, что я получал очень лестные отзывы и признания моих работ в Финляндии, Эстонии, Германии, Польше, Англии, Франции, Сербии, Турции — от представителей чистой науки и от людей, знающих не меня лично, а мое имя на моих работах — и значит, не имеющих оснований пристрастно-дружески или пристрастно-вражески относиться ко мне. Неужели же Вы не понимаете, какую радостью наполнялось мое сердце, когда такие большие филологи, как проф<ессор> Mikkola⁶ или Вoyer,⁷ признают научное значение моих работ или когда из Польши и Англии приезжают за советом ко мне. И неужели я не могу писать об этом тем, кого я, м<ожет> б<ыть>, ошибочно, считаю своими друзьями? Я не рекламируюсь, — лишнее доказательство тому — я уклонился от чести читать лекции в Сорбонне и решительно отказываюсь от всяких интервью и от всяких газет. Вот один шум. Не следует преувеличивать и другого шума — вокруг Онегинского дела — который шел с трех сторон — независимо от меня (и до моего приезда), от меня и от З. Г. Гринберга. Последние два шума появлялись только тогда, когда это было необходимо, и закрепили за Академией музей во французском общественном и правительственном мнении (иначе вся сделка была бы мыльным пузырем). Это дело сделано, и вот уже два месяца, как царствует совершенная тишина. А раньше Вы или мы — причастные к этому — конечно, преувеличивали маленький шум нашего дела, тонувший в многоголосном шуме всяких дел.

3) К декабрю я так выбился из сил и потратил столько энергии, что больше не мог оставаться в Париже и решил в декабре возвращаться в Петербург. Не скажу, что Ваше письмо (в котором Вы уговаривали меня остаться) подействовало на меня, ибо это неправда, но оно поддержало меня и успокоило в смысле отношения П<ушкинского> Дома к моему оставлению в Париже. Более силы имели уговоры В. И. Вернадского и еще более приезд З. Г. Гринберга в Париж, который, собственно, и решил все дело. Я определенно заявил ему, что не только не хочу, но и не могу оставаться в Париже. Он увидел 2 вещи: 1) что я совершенно выбился из сил и морально не могу оставаться в Париже, 2) что мой отъезд сейчас невозможен без риска потерять музей. Поэтому он убедил меня остаться — с тем, чтобы закончить и напечатать все описание Онегинского музея, а для того, чтобы морально облегчить меня, предложил мне спешно вызвать в Париж мою семью⁸ и сам об этом написал всем. А тут еще возник вопрос о Константинополе и Брюсселе.⁹ Если С<ергей> Ф<едорович>¹⁰ или В<асилий> М<ихайлович>¹¹ или В<ладимир> А<ндреевич>¹² находят почему-то, что моя командировка слишком затянулась, — им достаточно слово сказать —

и я сейчас же с радостью поеду, но, конечно, приеду без дневника (ибо для этого нужно ехать в Константинополь) и с недоконченным Онегинским делом.

4) У Академии я денег не просил, вел разговоры сам и вообще денег не просил, а ставил иначе вопрос: я говорил, что согласен остаться в Париже еще на несколько месяцев, если мое пребывание в Париже будет обеспечено. Ни к Ольденбургу, ни к Истрину я не обращался ни с какими просьбами, не беспокоил их и только раза 2 послал приветственные открытки В<асилию> М<ихайловичу>.¹³

Теперь о другом.

До меня доходили слухи, что в Академии меня считают Крезом, а потому полагают, что я не нуждаюсь «в разных льготах вроде казенной квартиры». Крез — это понятно: если человек, знающий, как тяжело живется в Петербурге, из своего скромного жалованья, отказав себе не в лишнем, а необходимом, выкроил с невероятным трудом 150 франков, чтобы послать Ару¹⁴ — значит, он «Крез». Не хочется мне об этом писать, тяжело — кто скверно думает, тому пусть и будет стыдно.¹⁵ А отнять у меня казенную квартиру совершенно справедливо, ибо я возился с этим домом,¹⁶ а в Париже (не говоря уже о нервной работе, о работе всею душою для П<ушкинского> Д<ома>) я даже по количеству часов работаю в П<ушкинском> Доме столько, сколько ни один сотрудник П<ушкинского> Д<ома> не работает в Петербурге. Но, конечно, дело не в количестве часов, и я считаю справедливым отнятие у меня казенной квартиры, ибо Академия должна была за часть Онегинского музея 30 т<ысяч> рублей (золотом), только за одно прошлое время, а я сделал так, что за 15 т<ысяч> рублей весь Онег<инский> музей стал собственностью Пушкинского Дома, а его капитал — 500 т<ысяч> франков — будущею собственностью П<ушкинского> Д<ома> (если мне не повредят в этом и если я не потеряю равновесия). Правда, за мной есть грехи в прошлом (Тригорская библиотека, пушкинские рукописи и Вревский архив,¹⁷ Лонгиновская библиотека,¹⁸ Рязанский архив¹⁹ и проч.), но нельзя же за прошлое наказывать в настоящем.....

Совсем о другом. А. Ф. Онегин лежит в постели болен — и все время ждет (по-видимому, так и не дождетя) обещанных писем от Вас и от Ивана Андреевича.²⁰ Со мной Онегин очень ласков, и мы дружим.

Дорогой Борис Львович, простите, если я что-нибудь лишнее и не так написал Вам — я **слишком взволнован, а так как пишу человеку, к которому искренне, дружески*** и сердечно отношусь, то и не обдумываю письма.

Ваш М<одест> Г<офман>.

---

* Выделено М. Л. Гофманом.

¹ Речь идет об одном из трех писем, отправленных 6—8 февр. 1923 г. (см. соответствующие записи в рабочем дневнике Б. Л. Модзалевского в кн.: Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905—2005. СПб., 2005. С. 24).

² См. примеч. 4 к письму 35.

³ В пространном письме Гофмана шла речь «о правах и интересах» Российской Академии наук в деле закрепления за ней парижского Пушкинского музея. «Это понимает, — писал Гофман, — прежде всего А. Ф. Онегин, принесший в дар Пушкинскому Дому (по договору 1909 года) свое собрание; <...> это понимают иностранцы, признающие права русской науки и не оспаривающие бесспорного договора 1909 года; это понимают и русские, совершенно независимо от их политических группировок и пристрастий. В академическом деле, в деле, касающемся интересов русской науки, неуместны и невозможны никакие политические споры, неуместны и невозможны никакие выражения политических страстей. <...> Моя работа в Париже по урегулированию вопроса об Онегинском музее протекала и протекает в самых благоприятных условиях, и единственно, на что я могу сетовать — это на фатально неверное освещение этого вопроса в печати» (*Гофман М. Л. О Пушкинском музее А. Ф. Онегина в Париже // Руль (Берлин). 1922. 28 дек. № 632*).

⁴ Возможно, здесь идет речь о статье «„Клеопатра“ и „Египетские ночи“». Неосуществленный замысел Пушкина» (Современные записки (Париж). 1922 (7 дек.). Т. 13. С. 169—190), куда Гофман включил, в частности, стихотворные и прозаические наброски Пушкина, которые в то время относили к «Египетским ночам». В примечании к заглавию отмечалось: «Настоящий очерк представляет вступление к исследованию истории создания и текста „Египетских ночей“, имеющему появиться отдельным изданием в Петербурге в 1923 году» (с. 169). Накануне отъезда во Францию Гофман делал доклад «„Египетские ночи“ А. С. Пушкина. История текста» в открытом научном собрании Пушкинского Дома 13 июля 1922 г.

⁵ Статья о возвращении парижского Пушкинского музея в Россию была написана редактором газеты «L' Excelsior» Леоном Фаро (см.: *Faraut L. Le musée Pouchkine, installé à Paris, reviendra à la Russie // L' Excelsior. 1922. 28 nov.*). Газетная вырезка сохранилась в архиве А. Ф. Онегина (см.: РО ИРЛИ, № 29270, л. 74).

⁶ *Миккола Иозеппи Юлиус (Иосиф Андреевич) (Mikkola Jooseppi Julius)* (1866—1946) — финский языковед-славист, ученик М. М. Фортунатова; профессор славянской филологии Гельсингфорского университета (1900—1934), иностранный член-корреспондент АН СССР (1925).

⁷ *Буаье Поль (Boyer Paul)* (1864—1949) — французский славист, ректор факультета восточных языков Парижского университета, один из основателей Institut d'études slaves.

⁸ 6 февр. 1923 г. в Пушкинский Дом поступил запрос из Главнауки о членах семьи Гофмана, «вследствие его ходатайства» разрешить семье выехать во Францию (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1921), № 9, л. 141).

⁹ См. примеч. 8 к письму 38, примеч. 6 к письму 42 и письмо 44.

¹⁰ С. Ф. Ольденбург.

¹¹ *Истрин Василий Михайлович* (1865—1937) — историк литературы, специалист по древнеславянским памятникам; академик (1907); председательствующий в Отделении русского языка и словесности АН (1920—1927).

¹² *Стеклов Владимир Андреевич* (1863/1864—1926) — математик; академик (1912); вице-президент АН, председатель Правления и член Президиума АН (1919—1926).

¹³ В архиве В. М. Истрина, хранящемся в ПФА РАН, письма М. Л. Гофмана отсутствуют. Сохранились только копия договора между Академией наук и Онегиным, написанная рукой О. Н. Гофман, и конверт, в котором она была послана (парижский почто-

вый штампель 3 апр. 1923 г. и петроградский — 15 апр. 1923 г.) (ПФА РАН, ф. 332, оп. 2, № 40). Как свидетельствует запись в рабочем дневнике Модзалевского от 16 апр. 1923 г., Гофман приложил к договору и сопроводительное письмо, которое Борис Львович читал в кабинете Истрина (см.: Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905—2005. С. 26), но разыскать его не удалось.

¹⁴ Об «арах» см. в письмах 38—40, 42, 43, 45.

¹⁵ Девиз английского Ордена подвязки.

¹⁶ Служебная квартира, предоставленная семье Гофмана в бывшем доме кн. Абамелек-Лазаревых (наб. реки Мойки, д. 21, кв. 3), была передана И. А. Кубасову (см. примеч. 6 к письму 41).

¹⁷ О библиотеке Осиповых—Вульффов, перевезенной Гофманом из села Тригорского в Пушкинский Дом, и рукописях из архива Вульффов—Вревских см. письмо 14 и вступ. статью к 1-й части публ. (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. СПб., 2004. С. 182—185).

¹⁸ Летом 1920 г. Гофман организовал доставку библиотеки М. Н. Лонгинова из подмосковного имения Ивановское в Пушкинский Дом. Подробно об этом см. письмо 29 (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. СПб., 2004. С. 230—235), а также записи от 1, 2, 14 июня, 9, 25, 31 июля, 5—7 авг. 1920 г. в рабочем дневнике Б. Л. Модзалевского и комментарии к ним (Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905—2005. С. 14—16, 110, 113, 114, 115).

¹⁹ Речь идет об архиве кн. Голицыных, который до революции находился в родовом имении Дубровки Рязанской губернии. О его передаче в Пушкинский Дом Гофман договорился в Отделе музеев Наркомпроса в августе 1920 г. Огромный архив включал семейную переписку нескольких поколений Голицыных, собрание русских и иностранных автографов, бумаги М. А. Голицыной (урожд. Суворовой), среди которых был и ее альбом с автографом стихотворения Пушкина «Давно об ней воспоминае...», и многое др. Подробнее см.: Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905—2005. С. 121—122 (примеч. 128).

²⁰ И. А. Кубасов.

47

20 февраля 1923 г. Париж¹

Page criminelle existera pas.² Modeste.*

Адрес: Modzalewsky.

7 lignie, 2.

P<é>t<ro>g<rad>.

¹ Телеграмма (подана в 14 часов 10 минут).

² Речь идет о странице в книге «Неизданный Пушкин» с комментарием Модзалевского к отрывку из Кишиневского дневника Пушкина (см. об этом во вступ. статье; с. 808—813).

* Криминальной страницы не будет. Модест (франц.).

С. Ф. Ольденбургу
26 февраля 1923 г. Париж

Paris VI.
14, rue Stanislas.
26. II. 1923.

Глубокоуважаемый Сергей Федорович,
Ваша телеграмма для меня не была вполне ясна, и потому я на нее не отвечал телеграммой — тем более, что для того, чтобы мой ответ был понятен, я должен был бы составить такую телеграмму, которая мне не по средствам. Впрочем, я в тот же день написал подробное письмо Б. Л. Модзалевскому и просил его довести до Вашего сведения мои объяснения.¹ Сегодня я получил Ваше письмо² и немедленно отвечаю со всею откровенностью на незаслуженные мною, но очень большие для меня обвинения.

Вы предлагаете мне принять меры к невыходу «Неизданного Пушкина» как вследствие того, что я вступил в переговоры о переиздании без Вашего ведома и согласия, так и вследствие того, что факт издания нарушает декрет, напечатанный в России 13 декабря 1922 года и ставший мне известным только в феврале 1923 года. На это обвинение я мог бы кратко ответить, что я действовал не по собственной инициативе и не в собственных интересах (я вперед отказался от всякого гонорара для себя), а исполнял распоряжение Старшего Ученого Хранителя Пушкинского Дома — и с ведома и согласия Директора Пушкинского Дома и Непременного Секретаря Академии и за 4 месяца до выхода декрета. Я знаю, глубокоуважаемый Сергей Федорович, что у Вас нет свободного времени и потому прошу простить меня, что я не ограничусь этим кратким ответом и передам Вам всю историю переиздания — историю, в которой я играл всего роль исполнителя и которая тем не менее вовлекла меня в большие расходы и навлекла на меня ряд крупных неприятностей, которые я, по совести, не могу считать заслуженными. Мне необходимо не формально, а морально оправдаться перед Вами, ибо мне слишком тяжело и больно думать, что Вы обвиняете меня в бестактности и в нарушении моих обязанностей. Перед моим отъездом в Париж, в июле прошлого года, у Вас в кабинете и в Вашем присутствии собрались Н. А. Котляревский, Б. Л. Модзалевский и я — для получения от Вас директив. В то время было известно, что А. Ф. Онегин очень нуждается (как оказалось — это совершенно не соответствует действительности, но таково было впечатление от его заявлений) и что Наркомпрос постановил отложить вопрос об ассиг-

новании Онегину до моего возвращения из Парижа. Тогда же Б. Л. Модзалевский поставил вопрос о переиздании в Берлине в пользу Онегина «Неизданного Пушкина» — для того, чтобы поддержать А. Ф. Онегина хотя бы на первое время. Предложение Б. Л. Модзалевского было встречено сочувственно Н. А. Котляревским и Вами — по крайней мере, Вы ни слова не сказали против переиздания в Берлине, и потому, когда мы поднялись в Пушкинский Дом,³ Б. Л. Модзалевский снова повторил мне свое желание о переиздании «Неизданного Пушкина» (думаю поэтому, что не только я, но и Б. Л. М^одзалевский не превысил своих прав). В августе — за четыре месяца до опубликования декрета — я передал «Слову» для переиздания экземпляра «Неизданного Пушкина», причем выразил желание внести некоторые изменения и исправления (имея в виду как фразу Б. Л. М^одзалевского по адресу Н. О. Лернера, так и ошибки). Мне на это было отвечено, что, ввиду непреодолимой для Берлина трудности набора, книга будет фотографироваться, а не набираться, и что поэтому в книге возможны дополнения, а не изменения. Так как я не придавал слишком большого значения осторожной (по выражениям) и справедливой (по существу) фразе Б. Л. Модзалевского, то и согласился на такое переиздание (скандал с Н. О. Лернером произошел в то время, как я был в Москве, и я больше слышал о нем от Б^ориса Л^ьвовича). По-видимому, не слишком большое значение придавал этому в то время (вплоть до нового, недавнего скандала) и Б^орис Л^ьвович — по крайней мере, в ответ на мое сообщение о передаче «Неизд^анного П^ушкина», я не получал протеста. Я все время держал в курсе печатания Пушк^инский Дом и имею основание думать, что мои письма доходили — как по хранящимся у меня ответным письмам, так и по статье сотрудника П^ушкинского Д^ома, которая была напечатана в «Литературной мысли» (я ее читал в декабре в Берлине).⁴ Русские — ни петербургские, ни московские — газеты за границей не получают, знать о декрете я не мог и полагаю, что Пушкинский Дом, дав мне поручение переиздать за границей «Неизд^анного Пушкина», мог бы сообщить мне о декрете не в феврале, а в декабре. Продолжаю. В январе, в ответ на вопрос Б. Л. Модзалевского, я сообщил о том, что книга по всей вероятности выйдет через 2 недели — и тогда получил просьбу изменить преступное место. Я ответил, что сейчас же напишу в Берлин, но боюсь, что уже поздно.⁵ И вот после этого — в феврале — я стал получать требования об изменении или невыпуске. Конечно, это инкриминируемое место в книге не будет существовать — чего бы мне это ни стоило, но я Вас очень прошу, глубокоуважаемый Сергей Федорович, войти в мое положение и ответить: в чем моя вина и что я могу сделать, чтобы книга, отпечатанная частным издательством, не появилась в

свет? (я предпринял все возможные шаги, но не уверен в том, что они увенчаются успехом).

Гораздо проще мне ответить по поводу собрания К. Р. — принадлежащего РАН.⁶ Я прекрасно понимаю, что никакое академическое издание или публикация академических материалов невозможно без ведома и согласия Непременного Секретаря Академии Наук, и, конечно, не решился бы на этот шаг — бесправный и бестактный. Я предполагал опубликовать собрание К. Р. и предполагал снестись с Вами по этому поводу, но, не зная, как Вы к этому отнесетесь, обратился сперва с частным (дружеским) письмом к Н. В. Измайлову — с целью узнать, как отнеслись бы к этому факту в Пушкинском Доме. Не получая никакого ответа от Н. В. Измайлова, я отказался от этой мысли и поэтому не писал ни Вам, ни даже Б<орису> Л<ьвовичу> и просто заявил издательству, что рукописи (приготовленной мною к печати еще в ноябре) для печатания я не даю.

Ни по поводу «Неизд<анного> Пушкина», ни по поводу собрания К. Р. я не чувствую за собой вины — если я и виноват — во всяком случае, невольно — то по другим двум поводам: 1) в Берлине (в издательстве Ладыжникова)⁷ я передал, не спросив Вашего разрешения, для переиздания мой «Домик в Коломне».⁸ Очень прошу простить меня за формальное упущение — я упустил из виду, что 1-ое изд<ание> «Домика в Коломне» имело на обложке «Труды Пушкинского Дома». Упустил же я это из виду потому, что считал «Домик в Коломне» моею личною, не академической работою, в которой я никакими материалами Пушкинского Дома не пользовался и в которой я только по просьбе П<ушкинского> Д<ома> поставил в первом издании слова «Труды Пушкинского Дома» (сдал эту книгу я тоже в августе); 2) я сейчас печатаю в Берлине, в Госиздательстве — по настоянию З. Г. Гринберга — опись Онегинского музея, опись материалов, принадлежащих, согласно заключенному мною договору, Российской Академии Наук. Мне трудно в письме все объяснить, но я должен был решиться на печатание описи без Вашего разрешения: в интересах дела необходимо было немедленно приступить к печатанию (м<жду> п<рочим>, опись печатается совершенно секретно, и насколько дело требует спешности в наборе, настолько не спешно появление в свет описи; более того: опись будет печататься и складываться до поры до времени).

Есть и еще несколько пунктов (вне издательских вопросов), которые я позволю себе отложить до другого раза, чтобы не задерживать отправления письма.

Глубоко уважающий Вас и дорожающий Вашим мнением

Модест Гофман.

¹ См. письмо 45.

² Копия письма С. Ф. Ольденбурга, отправленного Гофману 13 февр., сохранилась в академическом архиве: «На этих днях заведующий Петроградским отделением Госиздата И. И. Ионов в разговоре с Б. В. Томашевским заявил, что в проспекте берлинского издательства „Слово“ он читал объявление о готовящейся к выходу в свет книге „Неизданный Пушкин“ под Вашей редакцией. Так как книга эта в Петрограде вышла в серии „Трудов Пушкинского Дома“ и, как издание академического учреждения, с моей разрешительной подписью, то Вы не имели права вступать в переговоры с каким бы то ни было издательством без моего ведома и согласия, как Непременного секретаря — особенно ввиду последовавшего 1 декабря 1922 года декрета о запрещении русским государственным учреждениям издавать что-либо за границей (Известия ВЦИК, 13 декабря 1922 г., № 282). Узнав вместе с тем из письма Вашего к Н. В. Измайлову, что Вы готовите издание автографов Пушкина из собрания, переданного в Пушкинский Дом по завещанию К. Р., считаю долгом сообщить, что я не могу выразить согласия на такое издание — как вследствие вышеуказанного декрета, так и потому, что Вы не сносились со мною по поводу этого издания и не получили на него разрешения Академии. Ввиду вышеизложенного и в дополнение к посланной мною сегодня телеграмме, предлагаю Вам по соглашению с и<сполняющим> д<олжность> директора Пушкинского Дома немедленно принять меры к невыпуску в свет книги „Неизданный Пушкин“ и о принятых мерах меня уведомить» (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1922), № 3, л. 35). В черновике этого письма, составленном Модзалевским, С. Ф. Ольденбург вычеркнул большой фрагмент, тон которого носил по существу ультимативный характер: «Вообще я нахожу, что Вам не следовало предпринимать за границу этого издания (о возможности которого перед Вашим отъездом из Петрограда Вы высказывали лишь самые предварительные предположения) с тех пор, как выяснилось, что А. Ф. Онегин получает от Наркомпроса сумму в 15 000 рублей золотом и, следовательно, не нуждается в поддержке при помощи переиздания книги с описанием его Пушкинской коллекции; во всяком же случае Вы должны были снестись со мною предварительно <до> принятия каких-либо решений по этому вопросу. Неисполнение моих требований может повлечь серьезную опасность для самого существования Пушкинского Дома, а для Вас лично — увольнение от занимаемой Вами должности. Надеюсь, что Ваше объяснение даст мне возможность оправдать Ваши поступки и, доказав Вашу доляльность, успокоить И. И. Ионову и те правительственные круги, в которых распространяются слухи об издании Вами книги при посредстве издательства „Слово“» (Там же, ф. 2, оп. 1 (1919), № 3, л. 79).

³ Кабинет С. Ф. Ольденбурга находился в первом этаже главного здания Академии наук, а Пушкинский Дом до октября 1922 г. размещался этажом выше — в большом Конференц-зале (см. примеч. 14 к письму 35 и примеч. 15 к письму 38).

⁴ Речь идет о статье Б. В. Томашевского (см. примеч. 17 к письму 43).

⁵ См. приписку в письме 44.

⁶ В 1902 г. вдова академика Л. Н. Майкова подарила президенту Императорской Академии наук вел. кн. Константину Константиновичу 12 автографов Пушкина из собрания своего покойного мужа. Вел. кн. Константин Константинович, сыгравший важную роль в создании и становлении Пушкинского Дома, завещал ему свой литературный архив и коллекцию рукописей, в том числе и пушкинские автографы. Кроме рукописей, восходящих к собранию Майкова, у вел. кн. Константина Константиновича были также подлинники стихотворений «Козлову» (от дочери И. И. Козлова) и «Мадо-на» («Сонет») (в составе альбома Ю. Н. Бартенева). После смерти августейшего президента в 1915 г. это собрание было кратко описано (см.: Известия Академии наук. Сер. 6. 1917. № 11. С. 764—799) и временно хранилось в Рукописном отделении Библиотеки Академии наук. В начале 1923 г. автографы Пушкина, принадлежавшие К. Р., были пе-

реданы в Пушкинский Дом (см.: Отчет о деятельности Российской Академии наук за 1923 год. Л., 1924. С. 111; подробнее: *Иванова Т. Г.* К истории архивного фонда великого князя Константина Константиновича в Пушкинском Доме // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998—1999 год. СПб., 2003. С. 23—46). Работу по описанию пушкинских автографов из собрания вел. кн. Константина Константиновича Гофман выполнил в основном еще в Петрограде; в Париже у него были фотографии с рукописей (кроме стихотворения «Козлову»), которые позволяли подготовить их публикацию. О дальнейшем развитии событий см. в письмах 51 (примеч. 9) и 55 (примеч. 16).

⁷ Об этом издательстве см. примеч. 3 к письму 34.

⁸ Речь идет об отдельном издании поэмы Пушкина, которое было сопровождено большой статьей М. Л. Гофмана (*Пушкин. Домик в Коломне. Гофман М. Л.* История создания и текста «Домика в Коломне». Пб.: Атеней, 1922) (книга вышла перед отъездом Гофмана, в июне 1922 г.). Гофман напечатал текст поэмы по последнему прижизненному изданию 1835 г. и доказывал необходимость печатать «Домик в Коломне» в этой «канонической», по его определению, редакции, без дополнений по сохранившемуся болдинскому автографу 1830 г. В статье также была приведена транскрипция ранних редакций поэмы по этому автографу, который в то время хранился в московском Румянцевском музее. В «Издательстве И. П. Ладыжникова» книга не вышла.

49

24 марта 1923 г. Между Загребом и Славонски-Бродом

Между Zagreb и Brod.
24. III. 1923.¹

Христос Воскресе, дорогие Варвара Николаевна и Борис Львович.² Трижды и от сердца целую Вас и желаю Вам всех земных благ. Еду к Пушкиной и надеюсь послезавтра быть в Константинополь (так! — Т. К.). Хочу надеяться, что вернусь в Париж не с пустыми руками.

Преданный Вам Мод<ест> Гофман.

Адрес: Russie.

Pétrograd.

Борису Львовичу Модзалевскому.

7 линия, д. 2, кв. 15.

Вас<ильевский> Остр<ов>.

Петроград.

¹ Написано на открытке с видом Загреба. Получено в Петрограде 5 апр. Одновременно Гофман отправил и приветственное письмо А. Ф. Онегину: «Глубокоуважаемый и дорогой Александр Федорович, так привык к Вам за эти полгода, что уже скучаю без дорогой мне rue de Maignan. Что же будет, когда уеду в Россию? Сердечно приветствую Вас. Ваш Модест» (РО ИРЛИ, № 28865, л. 4).

² Пасха в 1923 г. приходилась на 8 апр.

31 марта 1923 г. Милан

Милан.
31. III. 1923.¹

Дорогой Борис Львович, когда-нибудь напишу о своей поездке в Константинополь — удачной и неудачной. Очень рад был увидеть в Софии на вокзале Н. А. Котляревского (телеграфировал ему), который помнит то, о чем я писал С<ергею> Ф<едоровичу>,² и вообще успокоил меня.³

Мод<ест>.

Адрес: Russie.
Pétrograd.
Б. Л. Модзалевскому.
7 линия, д. 2, кв. 15.
Вас<ильевский> Остр<ов>.
Петроград.

¹ Написано на открытке с видом кафедрального собора в Милане. Дата на петроградском почтовом штемпеле — «12 апреля»; в рабочем дневнике Модзалевского получение этой открытки отмечено в записи от 11 апр. (см.: Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905—2005. СПб., 2005. С. 26).

² См. письмо 48.

³ См. письмо 51.

12 апреля 1923 г. Париж

Paris VI-e.
14, rue Stanislas.
12. IV. 1923.

Дорогой Борис Львович, целую неделю оттягивал Вам письмо, чтобы не заслужить потом упреков — с двух сторон — в легкомыслии и легковерии, но так как уже целую неделю А. Ф. Онегин повторяет каждый день одно и то же, то решаюсь об этом (все же — неофициально) написать Вам. За те 10 дней, пока продолжалось мое путешествие в Константинополь (м<жду> п<рочим>, абсолютно обезденежившее меня — и как раз к моменту приезда моей семьи),¹ А<лександр> Ф<едорович> (я с ним теперь так

дружен, что нас водой не разольешь; обещаю больше скобками не заниматься) понял, что его разрушение идет скорыми шагами и что ему не под силу охранение музея, который, кстати сказать, будет более всего обеспечен в том случае, если будет вывезен в Пушкинский Дом при жизни А<лександра> Ф<едорович>а. В силу этого Онегин поручил мне написать в Академию, что он просит теперь же вывезти музей в Петроград. Так как я не могу поручиться за то, что через две недели он не скажет, что все это моя фантазия и что он ничего подобного не поручал мне писать, то я Вас, дорогой Борис Львович, прошу никуда выше пока об этом не сообщать, а написать от своего имени (в качестве и. о. Директора Пушкинского Дома) ему, что Вы — П<ушкинский> Д<ом> и Академия — получили от меня извещение от его имени, что Вы параллельно принимаете все меры на месте к перевозу музея в Петроград и поручаете мне — с своей стороны — принять все меры в Париже и осуществить его желание — перевезти музей в П<ушкинский> Д<ом>.² Сейчас я не могу нахвалиться Онегиным — так он мил ко мне, так заботится о моем здоровье (у меня бывают очень серьезные неприятности с сердцем), с таким вниманием относится ко мне лично и к моим работам. Мнение мое о безотносительной ценности его музея я несколько не изменил, но он абсолютное ничто по сравнению с теми громадными сокровищами, которые бы я привез из Константинополя и Англии, если бы Академия и Н<ародный> К<омиссариат> П<росвещения> отнеслись серьезнее и внимательнее к моим письмам и не поспешили бы на жалкие 25 000 франков (=менее чем 4000 золотых рублей). Тогда бы П<ушкинский> Д<ом> по своим пушкинским собраниям был бы больше Румянцевского музея.³ Признаюсь Вам, что разрушение (надеюсь, временное) моей мечты* было для меня очень большим и чувствительным ударом. Есть и еще возможности частичного собирания автографов (в том числе и Пушкина), но что же я могу сделать без единого су? А недавно мне предложили приобрести неизданные записки матери Гоголя.⁴ Страшно обидно все это, плывущее в руки, выпускать из рук. Будь у меня своя копейка, я бы ни на минуту не задумался, но судите о моем положении по следующему факту: моя семья приехала в Париж в то время, как я приехал в Константинополь, а сейчас я опять один уже в Париже: за дорогу так истратился, что принужден был упечь семью в дыру на юг, ибо жизнь в Париже очень дорога.⁵ Не знаю, писал ли я Вам, что в Софии я виделся с Н<естором> А<лександровичем>, который с первых же слов и сам подтвердил разрешение С<ергея> Ф<едорович>а (С<ергей> Ф<едорович> же мне очень сурово писал о том, что я не имел права никуда давать «без его ведома

---

* Выделено М. Л. Гофманом.

и согласия» — независимо от того, куда).⁶ На мне может тяготеть только одно обвинение в том, что это «Слово».⁷ Но о том, что такое «Слово», я узнал гораздо позднее (ведь я дал сразу по приезду в Берлин в августе), а если Вы помните, в Петербурге мы тогда получали предложения от «Слова» об обмене изданиями, и у нас тогда конкретно шла речь об издании в «Слове» или в каком-нибудь другом издательстве. Во всяком случае, то, что мне писал С<ергей> Ф<едорович>, глубоко несправедливо и незаслуженно. Я еще не отвечал Н<иколаю> В<асильевичу>,⁸ но, конечно, я ни в каком случае не хочу мешать печатанию их исполненной работе (так! — Т. К.). Я их обвинял в другом: в том, что они стали готовить (приступили) к печати работу тогда, когда знали, что эта работа уже сделана другим.⁹ Писать сейчас больше некогда, а потому кончаю сердечными искренними приветами Варваре Николаевне, Вам и тем, кто ко мне по-человечески относится и понимает, что я делал и делаю большую работу не для себя.

Ваш М<одест>.

¹ Модзалевский отметил в своей записной книжке, что О. Н. Гофман с детьми выехала из Петрограда за границу 20 марта 1923 г. Провожал ее Н. В. Измайлов (см.: Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905—2005. СПб., 2005. С. 25).

² По получении этого письма Модзалевский, несмотря на просьбу Гофмана, все же решил проконсультроваться «выше»: 3 мая он информировал С. Ф. Ольденбурга об изменившихся настроениях Онегина (см.: Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905—2005. С. 26). Письмо Онегину было составлено Модзалевским и 9 мая 1923 г. отправлено на официальном бланке Пушкинского Дома: «Многоуважаемый Александр Федорович, осведомившись из письма М. Л. Гофмана о том, что Вы, имея в виду интересы Вашего Музея, решили, не откладывая в неизвестное будущее, теперь же переслать его в Петроград, в Пушкинский Дом, я довел о том до сведения Президиума Академии и Председательствующего в Отделении русского языка и словесности. Решение Ваше было принято, как новое доказательство Вашей безграничной любви к Пушкину и к интересам Пушкинского Дома, причем постановлено теперь же войти в сношение с соответствующими учреждениями Петрограда и Москвы и поручить М. Л. Гофману, как уполномоченному Академии, изыскать средства в Париже для осуществления Вашего намерения. Мне, как и<сполняющему> д<олжность> директора Пушкинского Дома, остается лишь радостно присоединиться к этим решениям и изъявить полную готовность всеми зависящими от меня средствами содействовать Вам и М. Л. Гофману в деле водворения Вашего Музея в России, в стенах Пушкинского Дома, ибо с момента этого водворения мы с Вами сможем считать задачу своей жизни исполненной: тогда смело можно будет говорить о том, что памятник Пушкину создан и что памятник этот достоин Пушкина. Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности. Б. Модзалевский». К «официальному» тексту Борис Львович сделал собственноручную приписку: «В скором времени (через месяц приблизительно) в Париже будет Непременный секретарь Академии акад<емик> С. Ф. Ольденбург, который непременно будет у Вас; хорошо было бы к его приезду уже подготовиться несколько в вопросе о перевозке Музея, с коим, быть, может, и Вы к нам приедете? На днях высылаю Вам экземпляр „Дневника“ Пушкина, кот<орый> уже вышел. Пока денег нет на пересылку...» (РО ИРЛИ, № 29005,

л. 65; черновик письма см.: ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1922), № 3, л. 38). Онегин получил письмо 19 мая 1923 г. (о его реакции см. в письме 57).

³ В 1880 г. сын поэта А. А. Пушкин передал в дар Румянцевскому музею в Москве все (кроме Дневника 1833—1835 гг.) рукописи своего отца, которые унаследовал от Н. Н. Пушкиной. Ядро этого самого крупного по тому времени собрания пушкинских автографов составляли рабочие тетради поэта (четырнадцать из семнадцати сохранившихся).

⁴ Скорее всего, здесь идет речь о воспоминаниях матери писателя, написанных ею в 1855 г. по просьбе П. А. Кулиша — биографа Гоголя. Фрагменты из них были опубликованы самим П. А. Кулишом (*Николай М**. (П. А. Кулиш). Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. СПб., 1856. Т. 1. С. 17) и В. И. Шенроком (Материалы для биографии Гоголя. М., 1892. Т. 1. С. 42—44, 46, 50—57). Полностью воспоминания матери писателя под заглавием «Автобиографическая записка Марии Ивановны Гоголь» напечатал П. И. Бартечев — по копии, полученной И. С. Аксаковым от одной из сестер Гоголя (см.: Русский архив. 1902. Т. 1, № 4. С. 706—724). В 1935 г. Государственный Литературный музей приобрел во Франции рукопись «Записок» М. И. Гоголь-Яновской (см.: *Черных В. А. В. Д. Бонч-Бруевич* и получение из-за границы рукописных материалов по истории русской культуры // Археографический ежегодник за 1973 год. М., 1974. С. 140). В настоящее время он хранится в РГАЛИ. Вероятнее всего, это тот же документ, о котором сообщал Гофман в Пушкинский Дом. В Пушкинском Доме находится писарская копия «Записок матери Н. В. Гоголя» из архива П. А. Кулиша, переданная из Библиотеки АН в 1931 г. (в БАН эта рукопись поступила в 1900 г. от А. Н. Пыпина, который получил ее от Н. Н. Ге) (см.: РО ИРЛИ, ф. 652, оп. 2, № 56, л. 99—136). О «Воспоминаниях матери Гоголя» Гофман сообщал также в письме 57.

⁵ Позднее М. Л. Гофман писал, что через две недели после возвращения из Константинополя он снял для жены и детей «прекрасную виллу в Орио под Grasse» (в то время «глухом месте» на юге Франции) и «приехал к ним приблизительно через месяц» (Из воспоминаний М. Л. Гофмана). См. также письмо 55.

⁶ См. письма 50 и 48.

⁷ Во главе берлинского издательства «Слово» (1920—1938) стоял *Иосиф Владимирович Гессен* (1866—1943) — юрист, публицист, политический деятель (один из лидеров партии кадетов), эмигрировавший после октября 1917 г. Редактировал также газету «Руль» (1920—1931), антибольшевистскую по своей направленности; издал 22 тома «Архива русской революции» (1921—1937). С конца 1921 г. в издательстве «Слово» выходила серия «Научные книги», где и предполагалось первоначально напечатать «Неизданного Пушкина». Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит), созданное в июне 1922 г., вскоре запретило ввоз в Россию книжной продукции издательства «Слово» именно потому, что им руководил И. В. Гессен (см.: *Быстрова О. В.* Берлинские издательства // Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918—1940. Т. 2. Периодика и литературные центры. М., 2000. С. 30).

⁸ Н. В. Измайлов.

⁹ Речь идет об описании пушкинских рукописей из собрания К. Р. (см. примеч. 6 к письму 48 и примеч. 16 к письму 55). Осенью 1922 г. (после отъезда Гофмана) в Пушкинском Доме создали комиссию, которая должна была подготовить полное комментированное описание пушкинских автографов из собрания Л. Н. Майкова. В нее входили Б. Л. Модзалевский, Б. В. Томашевский, Н. В. Измайлов и Н. К. Козмин. Позднее было принято решение описать и автографы Пушкина из собрания К. Р. (как органической части Майковского собрания). К весне 1923 г. работа общим объемом около 20 авторских листов была готова к сдаче в набор и должна была составить 2-й том в серии «Неизданный Пушкин», следующий за «онегинским» томом. В научном заседании Пушкин-

ского Дома, которое проходило в июле 1923 г., Б. В. Томашевский делал доклад «„Евгений Онегин“ и другие произведения Пушкина по рукописям коллекций Л. Н. Майкова и К. Р.». Книга не вышла, так как Госиздат отказался включить ее в план и в то же время не дал разрешения напечатать ее ни одному частному издательству. Вплоть до 1928 г. Модзалевский предпринимал попытки опубликовать эту книгу, но все они оказались безуспешными. Подробнее см.: *Модзалевский Б. Л.* Из записных книжек 1920—1928 гг. С. 129 (примеч. 167).

52

26 апреля 1923 г. Льеж

Liège.
26. IV. 1923.¹

Дорогой Борис Львович, ничего не понимаю: куда деваются все мои подробнейшие письма с отчетами? Теперь, когда я это узнал — и от О<льги> Н<иколаевны>,² и от Вас — меня ничего не удивляет. Спасибо большое за письмо — получил его перед самым отъездом из Парижа. Еду на 2 дня в Берлин, чтобы окончательно ликвидировать «Неизд<анного> Пушкина» — выкупаю в «Слове» все (готовое) издание, кое-что перепечатаваю и передаю Госиздату. Сколько сил! Целую Вас крепко, почтительно — руки — Варвары Николаевны.

Ваш Мод<ест> Гоф<ман>.

Адрес: Russie.

Pétrograd.

Борису Львовичу Модзалевскому.

7 линия, д. 2, кв. 15.

Вас<ильевский> Остр<ов>.

Петроград.

¹ Написано на открытке с панорамным видом набережной и пешеходного моста через реку в Льеже.

² О. Н. Гофман.

53

28 апреля 1923 г. Берлин¹

Incident épuisé<.> Livre racheté<.>² Hofmann.*

* Инцидент исчерпан<.> Книга выкуплена<.> Гофман (франц.).

Адрес: Modzalevsky.
Akademie sciences.
Р<е>t<ro>g<rad>.

ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1922), № 3, л. 36

¹ Телеграмма (подана в 10 часов 30 минут).

² Речь идет о книге «Неизданный Пушкин» (см. вступ. статью, а также письма 52 и 54).

54

29 апреля 1923 г. Берлин

Berlin.
29. IV. 1923.

Дорогой Борис Львович,
простите, что пишу карандашом и так мало, но пишу на отлете в Париж, чернил нет и т. д. и т. д.

Прежде всего, очень радуюсь: 1) гименейским цепям, которыми Вы приковываете наших учхрануков¹ — кричу ура, дружески и почтительно целую и проявляю внешне все признаки внутренней радости; не знаю, как Н<иколай> В<асильевич>, ² но Б<орис> И<ванович>³ и Сонечка Шахматова великолепнейшая пара, какую только можно придумать. Целую ручки Варваре Николаевне⁴ и поздравляю ее с хорошим делом; 2) счастливому окончанию эпопеи с «Неизданным Пушкиным»: третьего дня срезал мозоль, который мешал ходить и ныл 2 ½ месяца.⁵ Я замолчал о нем в письмах, п<отому> ч<то> не хотел писать, пока всего не окончу, вел всякие кампании и подкопы и кончилось так: я взял в долг в Париже сумму (которую завтра должен отдавать) и выкупил все издание (5000 экз<емпляров>), а вчера переуступил его З<ахару> Г<ригорьевичу>⁶ для Госиздата. Если бы были свободные деньги, если бы не платеж долга — не переуступал бы, а мы бы сами издали и заработали на этом до 40 000 фр<анков> (=160 000 000 000 рублей), так безумно дешево стоили расходы. Жалеть, впрочем, об этом нечего — слава Богу, что все благополучно кончилось. Мне ужасно досадно, что очень большое число моих писем не дошло до Вас, иначе бы Вы не писали то, чего пишете, и не делали бы мне незаслуженных упреков. Я пишу Вам постоянно о делах, несмотря на то, что мне это очень трудно делать по 3 причинам: 1) всю обстановку, в которой протекает работа и устройство дела, можно рассказать на словах или видеть, или нужно быть большим писателем и исписывать ворохи бумаги, чем

отнимать время от работы (а Вы убедитесь, что я много наработал), 2) очень многое (без чего непонятно и другое) я не могу писать по почте, 3) у Онегина 7 пятниц на неделе, и я боюсь писать об его планах, согласиях и проч., ибо в следующую пятницу он надумает другое, и я и себя и Вас поставлю в глупое положение: себя выставлю выдумщиком, фантазером и путаником, а Вас заставлю делать напрасные шаги. Единственное, что мне сейчас кажется прочным — это намерение А<лександра> Ф<едоровича> теперь же перевезти в Петербург музей и его абсолютная невозможность жить без меня и без моей помощи (мы очень дружны). Вы спрашиваете о Константинополе? Разве Вы не получили моего письма?⁷ Вчера у З. Г. Гринберга я нашел кусок моего письма, оказавшегося неуничтоженным. На всякий случай, пересылаю Вам этот листик,⁸ но очень прошу ничего никому не говорить, ибо есть очень серьезные причины, в силу которых об этих вещах молчали до 1923 года, и нужно молчать и в 1923 г. Да! самое главное: Н. В. Измайлов, должно быть, сердится и обижается на меня. Я его очень люблю и очень дружески отношусь, но не мог до сих пор ответить ему на его письмо — не из-за злокозненных соображений, а только в силу того, что выпало такое время, что я все время на отлете, а чтобы писать ему — надо спокойно усестся и спокойно писать.

Ваш, Ваш и Ваш Модест.

¹ Т. е. ученых хранителей рукописей.

² Н. В. Измайлов венчался с Н. С. Платоновой 20 мая 1923 г. в Преображенской церкви лейб-гвардии Гренадерского полка (см.: Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905—2005. СПб., 2005. С. 27).

³ Б. И. Коплан обвенчался с С. А. Шахматовой 28 мая 1923 г. в церкви во имя Всех Святых Российских при Петроградском университете (см.: Там же. С. 27).

⁴ В. Н. Модзалевская.

⁵ См. также письма 53 и 55.

⁶ З. Г. Гринберг.

⁷ Возможно, это письмо 51.

⁸ Речь идет о следующем документе, сохранившемся в архиве Пушкинского Дома: «Дорогой Захарий Григорьевич, пишу Вам о Константинополе на отдельном листке, ибо, связанный честным словом, должен просить Вас уничтожить его и никому не говорить об его содержании. Я не мог ничего купить в К<онстантино>поле, потому что не имел для того денег, и в этом большой, настоящий ужас: я энтузиаст и, м<ожет> б<ыть>, легковверный, мне приходится часто разочаровываться, но в данном случае все мои самые большие надежды и ожидания были превзойдены фантастически: вещи изумительные (особенно портрет Брюлловский Н. Н. Пушкиной-Гончаровой), а рукописи... в числе этого самого большого в мире собрания Пушкина имеется неизданный дневник Пушкина в 1011 (тысяча одиннадцать) страниц, вся переписка Пушкина с женой (только очень-очень отчасти известная) и проч. — вся биография Пушкина летит к

* Выделено М. Г. Гофманом.

черту! Пушкины были обижены и оскорблены, что Россия не откликнулась на их предложение, что действительно ничтожная цифра остановила.... Не могу понять и я, как это могло произойти. Когда этот фонд ценнее Онегинского музея + весь Пушкинский Дом. Единственно, чего я мог добиться в Константинополе, — это обещания, что все рукописи Пушкина не будут переданы ни в какое другое место, кроме Пушкинского Дома при Российской Академии наук, — и завязал сношения, которые не хочу порывать. Кроме того, через них же возбудил вопрос о передаче в Академию наук другого основного рукописного Пушкинского фонда, находящегося у наследников Пушкина (наследников его дочери) в Англии. Верю, что рано или поздно, через несколько лет, или в 1937 году, но Пушкинский Дом будет настоящим домом Пушкина, и его собрания дадут возможность поставить вполне научно и исчерпывающе изучение Пушкина. Еще раз прошу и доверяюсь Вам в этом: сожгите или разорвите немедленно этот листик. Ваш Мод<ест> Гофман» (РО ИРЛИ, № 29396, прилож., л. 1; опубликовано с неточностями в кн.: Левкович Я. Л. Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л., 1988. С. 226).

55

5 мая 1923 г. *Опио Сан Пейр*

Opio San Peyre.
(Alpes Maritimes).
5. 5. 1923.

Дорогой Борис Львович, вот уже два дня, как я вернулся из Берлина на юг Франции и впервые за весь год начинаю отдыхать и хочу этому делу (в конце концов, утешая себя сознанием, что это тоже необходимое дело) посвятить 12 дней, легче вздохнуть и отдохнуть ото всего. Не знаю только, как на это посмотрит мое грозное начальство — и. о. Директора Пушкинского Дома, но думаю, что оно позволит мне 12 дней бездельничать после 8 месяцев непрерывной и часто напряженной и тяжелой работы. Здесь хорошо, много солнца, много цветов, синие горы и небо, а вдали синее море, ласка, тишина и спокойствие. Много бы сказал по этому поводу, но боюсь лиричить и отвлекаться от ответа на Ваше письмо и от главной темы моего письма — о поездке моей в Берлин. С нее и начну (хоть и писал уже Вам об этом из Берлина). 1. С «Неизданным Пушкиным» все окончилось благополучно и даже блестяще. Страница перепечатана, книга выкуплена (в Париже я достал в долг сумму = стоимости, поразительно малой, расходов по 5000 экз<емпляров>) и оставлена доверенность А. Б. Фёрингер¹ на получение экземпляров книги; возил-ся с этим 2 ½ месяца и, пока не распуталось все, не хотелось особенно много говорить Вам о своих планах, которые могли лопнуть. А сейчас — какой смысл писать о том, что отошло в далекое прошлое — о самой возне, о письмах, телеграммах, препятствиях и преодолении препятствий и проч<ем>, о том, как все складывалось и как трепало

нервы. 2. В Берлине, но, к сожалению, перед самым отъездом (так что не мог даже поговорить с Гринбергом), узнал о том, что нет пределов человеческой низости и напал на один из следов и другого рода нелепых неприятностей, порожденных нелепыми слухами о моей деятельности. За 8 месяцев жизни в Париже мне приходилось встречаться (и иметь дело) с самыми различными людьми, и я был вполне удовлетворен тем хорошим и определенно-аполитическим положением, которое мне удалось прочно занять; я знаю, что в моем положении нет ничего шаткого и двусмысленного и что меня уважают люди, независимо от принадлежности их к той или иной политической группировке, и считают меня честным человеком, честно занимающимся своим прямым — научным — делом и чуждым всякой политике, а тем более политиканству. Меня тем более поразили тревожные (тревожные и для меня и еще более для Вас) слухи, расплзшиеся в феврале—марте по Академии и не только по Академии. Я их объяснял исключительно петербургским измышлением кругов, не причастных, но близких к Академии, и только чувством угадывал, что были какие-то доносы из-за границы людей, которым до меня лично и до моей деятельности нет никакого дела, но которым нужно доносить (и если нечего доносить, то выдумывать всякий вздор) из своих личных соображений и выгод. Об одном таком глупом и подлом доносе я и узнал только теперь в Берлине, хотя это имело место в феврале или марте (мне не могли сказать, когда именно). В «Накануне» был помещен отчет о парижской выставке одного из наиболее усердствующих («льстецы, льстецы! старайтесь сохранить...»²) в известном направлении — Георгия Лукомского³ — так своеобразно иногда производится смена вех⁴ — ни разу не встречавшегося со мной в Париже. В этом отчете между отзывами о художниках и картинах ни к селу ни к городу были пришиты фразы, переданные мне (по памяти) в таком виде: «Кстати, в Париже находится сейчас известный пушкинист Г., (sic) присланный Академией Наук для устройства Онегинского музея и для других пушкинских дел. Вместо того, чтобы исполнять возложенное на него поручение, Г. ведет себя неподобающим образом, поносит советское правительство, примазался к Маклаковской группе⁵ и проч.». Я думаю, мне не надо Вам говорить, до какой степени фактически и психологически это неверно и насколько мне несвойственно такое прежде всего неумное и бестактное (в отношении Академии Наук) поведение, объяснять же низость и гадость доноса не приходится тем более. Пишу Вам о нем по другим причинам — вот один из фактов, объясняющих порождение тех глупых, но настойчивых слухов, о которых мне так много говорили и писали и которые были для меня совершенно неожиданны. 3. В Берлине узнал, что мое материальное положение очень скверное, а может быть,

и катастрофическое в ближайшем будущем. Хочу Вам подробно изложить эту сторону жизни, ибо надеюсь на Вашу помощь, которая может быть очень и очень действительной и которая в Вашей власти. а) 6 декабря 1922 года я получил из Берлина извещение о том, что Академический центр прислал на мое имя 500 рублей золотом, и просьбу прислать доверенность на имя Гринберга для получения этих денег. Я в тот же день дал доверенность З<ахару> Г<ригорьевичу>, которую он увез на другой день в Берлин. После моих настойчивых просьб и напоминаний они в конце концов сходили и им ответили (в декабре), что деньги для меня еще не пришли. Писал, писал им в Берлин и в январе, и в феврале, и в марте... а они и в ус не дули. А когда пошли, то им ответили, что деньги за невостребованием возвращены в Москву и что я должен (и имею на то право) возбудить ходатайство в Москве о вторичной пересылке их, но что должен сделать это скорее, т<ак> к<ак> иначе могут закрыться эти кредиты. Значит — дело очень-очень спешное (и, конечно, очень важное, ибо сумма не маленькая при моем весьма не блестящем материальном положении), а моя переписка с Москвою затянется до безнадежности. И вот я отваживаюсь налечь на Вас, дорогой Борис Львович, и просить, умолять Вас получить для меня в Москве эти деньги (если надо — я пришлю доверенность). Получите, достаньте для меня эти 500 рублей!⁶ Имею смелость просить Вас и о дальнейшем: перешлите мне (через Госбанк на Берлин на имя А. В. Бахраха⁷ — Regensburgstrasse, 13, bei Lewin) 250 рублей, 100 рублей дайте Николаю Васильевичу⁸ для передачи доктору Лембергу,⁹ 50 рублей ему же для мамы моей¹⁰ (меня мучает, что я никому ничего отсюда не могу посылать и даже здесь моей семье во всем отказываю), на 50 рублей прошу Вас очень (вместо ары¹¹) купить продуктов и передать их моему дорогому Борису Львовичу, а на последние 50 рублей купить продуктов (тоже вместо ары) для сотрудников Пушкинского Дома.

б) Я ездил в Константинополь на таких основаниях:¹² 3500 фр<анков> мне дал А. Ф. Онегин (сколько он теперь говорит об этом и как это отражается на наших отношениях), а 2000 фр<анков> я взял в долг (и тем подорвал очень свое положение, которое может оказаться скоро таким, что страшно и думать), причем Гринберг обещал мне возместить эти 2000 фр<анков>. На это я очень рассчитывал и оттянул уплату долга до возвращения из Берлина. В Берлине, однако, меня ждало очень сильное разочарование: Гр<инберг> не мог исполнить своего обещания, п<отому> ч<то> они сами сидят без копейки. Нужно ли говорить Вам, в каком положении я оказываюсь и окажусь, если Вы мне не поможете и кто-нибудь — Академия или Москва — не возместит мне этих 2000 фр<анков>, истраченных не для своего удовольствия (мое удовольствие заключалось в том, что я разъехался с семьей и ду-

мал, что сердце не выдержит тех припадков, которые были во время пути: я сейчас больше всего боюсь железных дорог; стоит мне сесть в вагон, как у меня начинается припадок, и как назло это время все приходилось ездить — извелся до последней степени).

Теперь совсем о другом.

1. А. Ф. Онегин очень плох и в день моего возвращения из Берлина в Париж едва не умер (у него были какие-то удушья) — мнительность его совершенно баснословная (он вообразил, что заразился от моих детей коклюшем). Он до сих пор твердо стоит на своем желании, чтобы я увез его музей в Петербург, очень много говорит о смерти и о цианистом калии, к которому нужно прибегнуть, чтобы прекратить беспомощное и страдающее состояние. Ни с какими денежными просьбами к нему не стоит и не следует обращаться¹³ — поверьте мне: всякое посягательство на его карман его взбудораживает и восстанавливает (не имея других последствий). Должно быть, в Пушкинском Доме думают, что я, пользуясь близостью к нему (конечно, я самое близкое ему лицо), пользуюсь и его карманом, и были бы удивлены, если бы узнали, что, кроме 3 ½ тыс<яч> константинопольских (по его инициативе), все мои денежные дела с ним заключаются в том, что я или не говорю вовсе, сколько истратил по его поручениям (когда он забывает), или, елико возможно, показываю расходы меньше, чем они фактически есть (говоря ему, напр<имер>, что petit déjeuner* стоит 6 фр<анков> — в то время, как он стоит больше 10, и проч<ее>), зная, какое значение он придает каждому су, несмотря на всю свою доброту. Говорить о 10 000 золотом = 65 000 франкам — для ремонта — конечно, абсолютно невозможно. Этот вопрос может иначе разрешиться — если он, на известных условиях, согласится сейчас передать весь свой капитал Пушкинскому Дому. С этим вопросом мне приходилось очень много возиться и переписываться, вопрос, казалось, уже совсем разрешился, но в последнюю минуту он испугался и не поверил полной надежности гарантий. Сейчас у меня отношения с ним немного прохладнее (после горячих в январе, феврале, марте и апреле): он обиделся на то, что я уехал на 12 дней на юг, и еще больше подлила масла Е. А. Пушкина, обозлившаяся на меня за то, что я не мог ей устроить от Онегина 10 000 франков, которые она надеялась выудить через меня у него; недавно она написала ему письмо, которое он мне не хочет показывать (так и сказал) — несмотря на то, что посвящает меня в самые мельчайшие подробности своей жизни, своих мыслей и переживаний.¹⁴ Работа у меня идет хорошо, несмотря на то, что не всегда можно работать («сегодня не работайте, а садитесь и слушайте, что я скажу»); обидно,

---

* утренний завтрак (франц.).

что недостает очень многих материалов. Что же касается до моей личной работы, то она все время в мертвом положении, т<ак> к<ак> на нее не остается времени.

2. Н<иколай> В<асильевич> писал мне о том, что мне разрешено напечатать К. Р.¹⁵ Хочу воспользоваться этим разрешением, посылать же в Петербург не пошлю, п<отому> ч<то> не хочу мешать Н<иколаю> В<асильевичу> и Б<орису> В<икторовичу> печатать то, что они наработали.¹⁶ Натка¹⁷ очень упорно пристаёт, чтобы я целовал Варвару Николаевну. Досадно и жаль, что они оба¹⁸ мучаются коклюшем. Ставьте мне вопросы, дорогой Борис Львович, — буду на все подробно отвечать, хоть и вижу, что многие мои письма не дошли до Вас. Целую Вас, ручки — Варваре Николаевне, приветствую всех пушкинодомцев. Адрес мой постоянно тот же: 14, rue Stanislas, Paris VI.

Ваш Мод<ест>.

О<льга> Н<иколаевна>¹⁹ целует В<арвару> Н<иколаевну> и Вас.

¹ См. примеч. 11 к письму 45.

² Цитата из эпиграммы Пушкина на М. С. Воронцова («Сказали раз царю, что наконец...»): «Лытцы, лытцы! старайтесь сохранить / И в подлости осанку благородства».

³ Лукомский Георгий Крескентьевич (1884—1952) — график, художественный критик, историк архитектуры, геральдист; автор путеводителей по архитектуре Петербурга и провинциальных городов; брат генеалoga и гербовeда В. К. Лукомского. После революции входил во Всероссийскую коллегию по делам музеев. В 1920 г. эмигрировал в Берлин, с 1925 г. жил в Париже. Руководил парижским филиалом художественного издательства «Русское искусство» и возглавлял художественную редакцию журнала «Жарптица» (Берлин; Париж, 1921—1926).

⁴ Ежедневная берлинская газета «Накануне» (1922—1925) была продолжением еженедельного общественно-политического журнала «Смена веков», который издавался в Париже в 1921—1922 гг. Оба издания имели антизападническую и просоветскую направленность. Подробнее см.: Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. 1918—1940. Т. 2. Периодика и литературные центры. М., 2000. С. 239—242 (статья О. В. Быстровой), с. 439—442 (статья Т. Н. Красавченко).

⁵ Маклаков Василий Алексеевич (1869—1957) — юрист, адвокат (ученик Ф. Н. Плевако), политический деятель. Получил широкую известность своими выступлениями на крупных процессах — Выборгском, Тагиева, Бейлиса. С 1906 г. — член ЦК партии кадетов; депутат II—IV Государственной думы. В феврале 1917 г. был назначен комиссаром Временного комитета Государственной думы в Министерстве юстиции, затем — послом во Францию. После Октябрьского переворота стал одним из самых влиятельных деятелей русской эмиграции. В 1919 г. вошел в состав «Русского политического совещания», затем возглавил «Центральный офис по делам русских беженцев» во Франции, с 1924 г. руководил Русским эмигрантским комитетом при Лиге наций. В 1935 г. возглавил президиум Центрального Пушкинского Комитета по подготовке к 100-летию гибели Пушкина. По завещанию А. Ф. Онегина, Маклаков был одним из его душеприказчиков.

О своем «благоразумном» поведении за границей и предусмотрительно выбранной им тактике «самодонительства», которая помогала лавировать между различными

политическими группировками в русской эмиграции, Гофман писал и много лет спустя, но в более откровенных выражениях, чем в письме к Модзалевскому: «Зная, что за мной шпионят (а за мной очень шпионили и советы и французы), я, чтобы предупредить доносы, сам на себя доносил: так я, после визитов в Берлине к злостному контрреволюционеру И. В. Гессену, отправлялся в берлинский культпросвет к Гринбергу и говорил, что был у Гессена, т<ак> к<ак> это мне нужно для удачного выполнения командировки; так, в Париже о каждом обеде в русском посольстве у В. А. Маклакова (а он меня часто приглашал) и о каждой встрече с графом В. Н. Коковцовым я говорил советскому агенту, единственному в то время представителю советской <власти> в не признававшей ее Франции Скобелеву (Внешторг—«Асторг») (торгпредство России в Париже находилось на rue d'Astorg, 11. — Т. К.) с соответствующими комментариями (Маклаков и Коковцов были душеприказчиками Онегина); если бы я не доносил на себя, то не уцелел бы» (Из воспоминаний М. Л. Гофмана). Подобную тактику Гофман благополучно опробовал еще по пути в Париж, пытаясь получить французскую визу в Гельсингфорсе (об этом см. во вступ. статье, с. 803—804).

⁶ Хлопоты о получении этих денег Модзалевский начал позднее, видимо, после получения письма Гофмана от 1 июня 1923 г. 13 июня он встречался по этому поводу с С. Ф. Ольденбургом и В. М. Истриным (см.: *Модзалевский Б. Л. Из записных книжек 1920—1928 гг.* С. 28). 14 июня Истрин подписал официальное поручение уезжавшему в Москву Н. В. Яковлеву «выяснить в Наркомпросе и в Главнауке вопрос о 500 рублях, назначенных для выдачи в Берлине через З. Г. Гринберга командированному Академией наук в Париж хранителю рукописей Пушкинского Дома Модесту Людвиговичу Гофману и возвращенных в Москву, и получить означенные деньги для передачи их Отделению русского языка и словесности с целью пересылки их Гофману» (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1922), № 3, л. 39).

⁷ *Бахрах Александр Васильевич* (1902—1985) — журналист, литературный критик, мемуарист. Эмигрировал в Париж в 1920 г. С конца 1920 г. жил в Берлине; был секретарем «Клуба писателей», созданного в конце 1922 г. Н. А. Бердяевым, С. Л. Франком, М. А. Осоргиным и др. В 1923 г. вернулся в Париж; состоял членом парижского Союза русских писателей и журналистов.

⁸ Н. В. Измайлов.

⁹ Возможно, речь идет об одном из известных петроградских провизоров — Якове Моисеевиче Лемберге.

¹⁰ Н. А. Гофман (см. примеч. 3 к письму 25) (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. С. 224).

¹¹ Об «арах» см. в письмах 38—40, 42, 43, 45.

¹² Имеется в виду поездка к внучке Пушкина Е. А. Розенмайер (см. письмо 56).

¹³ Речь идет о намерении Модзалевского обратиться к Онегину — «как к меценату» — с коллективным письмом «о денежной помощи». Это намерение возникло в «отчаянных обстоятельствах», в которых Пушкинский Дом и его сотрудники оказались на рубеже 1922—1923 гг. Подробно об этом см.: *Модзалевский Б. Л. Из записных книжек 1920—1928 гг.* С. 132—133 (примеч. 182), а также в письме 56.

¹⁴ 8 мая 1923 г. Гофман, стремившийся восстановить дружеское расположение Онегина, написал ему письмо, выдержанное в примирительном тоне, где также вспоминал о своих февральско-мартовских неприятностях и письме внучки Пушкина: «Эти два месяца были для меня очень тяжелыми, и я навсегда сохраню глубокую признательность Вам за Ваше ласковое, мягкое, внимательное отношение. В те месяцы Вы были, сами того не зная, единственным человеком, который ко мне добро и сердечно относился и с которым мне было легче и теплее. За эти 2 месяца я Вас больше полюбил, чем за предыдущие полгода. Нелегко мне было теперь расставаться с Вами, хоть я и ехал к солнцу и к любимым людям, и особенно тяжело было, что Вы как будто стали недоверчивее ко мне —

приписываю это письму Елены Александровны, которая, д<олжно> б<ыть>, мне приписывает свою неудачу выманить у Вас денег под залог ее действительно драгоценных, неоцененных вещей (портрет Нат<алии> Ник<олаевны> у меня все время перед глазами). Бог с ней, но мне жаль и обидно, что Вы предпочли ее мне, человеку, который душою привязался к Вам и живет вместе с Вами, хоть и на разных квартирах» (РО ИРЛИ, № 28865, л. 6). О содержании письма Е. А. Розенмайер к Онегину см. примеч. 13 к письму 56.

¹⁵ Письмо Н. В. Измайлова не сохранилось.

¹⁶ Работа Гофмана о пушкинских рукописях из собрания К. Р. (см. примеч. 6 к письму 48) была напечатана в парижском «трехмесячнике литературы» «Окно». Публикация содержала тексты пушкинских стихотворений (с вариантами и краткими комментариями) и была снабжена отдельным шмуцтитлом (см.: *Гофман М. Л.* Неизданные рукописи Пушкина. Из трудов Пушкинского Дома при Российской Академии наук // Окно: Литературный сборник. Париж, 1924. Кн. 3. С. 341—388). Необходимо отметить, что во вступительной заметке Гофман ошибочно сообщил, что вел. кн. Константин Константинович получил эти рукописи от П. В. Жуковского (с. 345). Описание рукописей Пушкина из собрания К. Р., подготовленное Н. В. Измайловым и Б. В. Томашевским, напечатано не было (см. примеч. 9 к письму 51).

¹⁷ Дочь М. Л. Гофмана.

¹⁸ Дети М. Л. Гофмана — Ростислав и Наталья.

¹⁹ О. Н. Гофман.

56

16 мая 1923 г. Париж

14, rue Stanislas.
Paris VI-е.
16. V. 1923.

Дорогой Борис Львович, вчера получил Вашу открытку и сейчас же отвечаю на нее, несмотря на то, что, собственно говоря, уже в предыдущем письме ответил на все вопросы, которые Вы мне ставите в открытке. Но прежде лирика — касающееся меня. Настроение у меня сейчас очень дурное из-за трех причин: 1) сильно нездоровится, болят почки, ноги и голова, маленький жарок, и сердце не перестает выкидывать всякие фокусы и устраивает мне весьма бурные сцены, 2) очень жалею, что только неделю пробыл на юге, отдыхая от парижских забот и дел: поторопился ехать в Париж, т<ак> к<ак> начал очень беспокоиться об Онегине, которого оставил в скверном состоянии; а теперь жалею, что приехал: под влиянием ли своего недомогания или чего другого, но он так ворчлив, сердит и раздражителен, что не только угнетающе действует на меня и давит, но и делает почти невозможной работу у него по описи музея (все только тяжелые разговоры); я не складываю оружия, но Вам-то могу сознаться, дорогой Борис Львович, в том, что должен скрывать от всех — что мне порой очень тяжело

и хочется бросить все на три четверти пути и ехать в Петербург, 3) меня очень беспокоит и угнетает мое финансовое положение: сейчас оно критическое (ибо просто-напросто нет денег), а через несколько дней будет и трагическое (когда в пансионе подадут счет, по которому нечем будет платить). Все это невесело, а главное — не вижу ниоткуда света.

Перехожу к Вашей открытке. Вашего «Дневника Пушкина»¹ жду с нетерпением, но боюсь, что не дождусь и его, как не дождался и других обещанных мне книг, как и не дождались и все те, кому я обещал (и вследствие этого Пушкинский Дом много потерял).² Ни одного экземпляра «Неизданного Пушкина» послать Вам не могу, ибо сам ни одного не имею: я оставил доверенность А. Б. Фёрингер³ на получение 5000 экземпляров находящейся в листах книги, и она передаст их З. Г. Гринбергу.

«Неужели у Онегина нельзя выпросить чего-нибудь, — хоть 10 тыс<яч> франков? Ответьте немедленно!» — Отвечаю немедленно: не только нельзя выпросить «хоть 10 тыс<яч> франков», но и просто 10 франков, и я и не делаю этой совершенно бесполезной (как в этом мог убедиться раньше, когда вместе с Вашим письмом подводил под него мину) попытки. «Затем: почему Вы не попросили у О<негина> денег на константинопольские рукописи, раз они так важны и дешевы? Ведь О<негин> мог бы купить для своего Музея, а потом они перешли бы к нам». Не хочется мне об этом писать — теревить незаживающую рану, но раз уж Вы спрашиваете — не смею молчать — а говорить очень больно. Еще бы не важны и не дешевы — когда речь идет о неизданном дневнике Пушкина в 1011 страниц, о всей — только в малой части известной — переписке Пушкина с женой и прочем, не говоря уж о портретах, печати и других вещах! Я и сделал все, что в моих силах, и, пожалуй, свыше сил для того, чтобы все это в настоящее время уже находилось в Пушкинском Доме, и без минуты колебания пошел на всевозможные унижения (если бы Вы только знали, как мне приходилось бегать, хлопотать и выносить оскорбления) и жертвы личные — истраченные мною для этого — не онегинские — деньги подрубили мое материальное благополучие и превратили мою жизнь — по возвращении из Константинополя — в тоскливое выпутывание, выворачивание и дрожание за завтрашний день. Положа руку на сердце, я смело могу сказать, что я все сделал для того, чтобы этот клад был собственностью Пушкинского Дома, — и если этого не случилось — нет в этом моей вины (плохое утешение!). Вы знаете мою переписку с Е. А. Пушкиной (я Вам писал об ее письмах, а одно ее письмо — из 3 полученных мною — почти целиком переписал в письме к Н. В. Измайлову⁴), с Академией (писал Вам) и с Наркомпросом (через Гринберга).

Е. А. Пушкина соглашалась передать все рукописи на хранение теперь же (без права опубликования до 1937 года) при условии покупки за незначительную сумму — 25 000 франков — портретов и вещей, которые одни стоят, по крайней мере, 250 000 франков; Академия Наук недоверчиво молчала; в Берлине за меня очень горячо хлопотал Ф. А. Браун⁵ и очень холодно академик Щербацкий⁶ (которому я писал), я посылал телеграмму за телеграммой и письмо за письмом и в конце концов получил телеграмму из Берлина с отказом и подобное же постановление из Москвы (как мне объяснили — Академия, обладающая и своими средствами, не поддержала моего ходатайства, на которое, конечно, поэтому и должны были посмотреть недоверчиво). У меня оставались 2 пути: 1 — Онегин, 2 — все прочие, и я по этим двум дорогам без усталости ходил и бегал. Второй путь (после лопавшихся обещаний) дал мне обещание 50 франков, а первый... Онегин очень загорелся и мечтал о том, чтобы Академия отказалась от покупки для того, чтобы самому купить («ведь все равно после меня вам же достанется»), но в последнюю минуту испугался траты в 25 000 фр<анков> хотя бы и на это и поручил мне написать в Константинополь, что он согласен купить, если Е. А. Пушкина согласится уступить все за 5000 фр<анков>. Я ответил ему, что о таком предложении и писать не стану, и еще энергичнее стал бегать по второму пути, с каждым днем переходя от надежды к отчаянию. В конце концов потерпел фиаско, но подбил-таки Онегина на другое предложение, которое он через меня или мне сделал (он тоже не мог примириться с мыслью, что все уйдет в Южную Африку, где может погибнуть): «Хорошо, я согласен, что Вам необходимо ехать в Константинополь и спасти рукописи; Вы говорите, что Вам нужно на поездку 3000 фр<анков> (я нарочно назвал эту цифру, т<ак> к<ак> знал, что более крупная его испугает и сделает невозможной поездку, и решил всю недостающую сумму взять в долг), я согласен Вам дать эти 3000 фр<анков> и даже 3500 фр<анков>; веер, которым обматывала свои груди эта ....., мне не нужен,⁷ портрет тоже, пускай оставляют себе, а рукописи, которые они соглашались передать бесплатно Академии, пусть передают мне на хранение, и я им дам за это 10 000 фр<анков>». Трудно все рассказать, почему это предложение было якорем спасения для меня (расскажу все подробно при свидании) — и я немедленно поехал (несмотря на то, что накануне получил телеграмму о выезде моей семьи из Петербурга, несмотря на сильные сердечные припадки и угрозы доктора) — не списываясь с нею (если не считать телеграмм), т<ак> к<ак> по ее письмам и телеграммам ясно было, что она на днях уезжает в Южную Африку (а она и сейчас сидит в К<онстантинопо>ле, не имея денег на выезд), и надо было во что бы то ни стало спешить, чтобы застать ее. На вокзале в Константинополе

меня встречал ее муж,⁸ и первая фраза его, после приветствий, была следующая: «Скоро мы поедem в Англию, к лэди Торби,⁹ и тогда, надеюсь, дадим Вам и другую работу». Застал их живущими в одной комнате вчетвером: жена (лет 26—27), муж (лет 28—30), дочь (5 месяцев)¹⁰ и собака (возраста не знаю). По мере того, как я говорил и выяснялось, что у меня в моем распоряжении только 10, а не 25 тысяч, лица их вытягивались, и они заявили, что тут недоразумение, что рукописи они не продают и не продадут ни за 10 тысяч, ни за какую другую сумму, что рукописи будут переданы в П<ушкинский> Дом только в 1937 году и проч. и проч. В конце концов они предложили через меня Онегину за 10 000 фр<анков> великолепный портрет Н<аталии> Н<иколаевны> — Брюлловский¹¹ и личную гербовую печать,¹² согласились дать ему прочесть все рукописи и просили его согласия быть крестным отцом их дочери. Онегин никак не ответил на их предложения (10 000 не на рукописи Пушкина от него никак нельзя вытянуть), его молчание и провал их предложения (у них нет денег на выезд, и деньги им нужны до зарезу) они приписали, очевидно, мне и моему влиянию на Онегина (какое идиотство! в наших интересах уже я должен был хлопотать за них, а не против), и месяц тому назад написали ему письмо, которое он мне не хотел показывать и которое меня едва не поссорило с ним. Вчера, наконец, он показал мне это письмо — я прочел его и глубоко возмутился их некрасивыми и неблагородными приемами.¹³ И им, несмотря на их лесть и низость, не удалось ничего вытянуть от Онегина, который допекает меня тем, что истратил 3 ½ т<ысячи> франков на Константинополь, и теперь дрожит буквально над каждым су. — Вот Вам очень краткий и не подробный (и не со всех сторон) отчет. «Онегину пишу о перевозке музея сюда, будто это дело решенное» — но горе в том, что он до сих пор ничего не получал от Вас, и я очень боюсь, что когда, наконец (когда же наконец? — я Вам писал больше месяца тому назад) придет Ваше письмо, он уже откажется от своей мысли.¹⁴ Пока что — а сегодня уже 16 мая — он очень твердо стоит на своем согласии сейчас же передать в П<ушкинский> Дом свой музей. Не подведите, дорогой Борис Львович, не опоздайте! И в этом направлении я сделал все возможное, но ждал и жду Вашей поддержки. Да! о перевозке музея пишите не только Онегину, но и мне: как фактически осуществить ее? Имейте в виду, что в Париже материально никто не может помочь мне сделать это (а потому, пожалуйста, не называйте фамилий лиц, с которыми я должен будто бы советоваться и у которых просить денег — очень прошу: Ваша старая телеграмма с именем сделала то, что я никому не мог показать ее, от кого зависела моральная помощь — очень важная).¹⁵ Не знаю, понимаете ли Вы меня?

Приходится кончать письмо, ибо пора на службу — к Онегину. Целую крепко Вас и приветствую Варвару Николаевну и всех пушкинотомцев.

Ваш Мод<ест> Гоф<ман>.

¹ Речь идет о комментированном издании «Дневника» А. С. Пушкина, над которым Модзалевский работал в 1920—начале 1922 гг., но вышло оно только весной 1923 г. (Дневник Пушкина. 1833—1835 / Под ред. и с объяснительными примеч. Б. Л. Модзалевского и со статьей П. Е. Щеголева. М.; Пг., 1923; репринтное изд.: М., 1997). О перипетиях, связанных с выходом этой книги, см.: *Модзалевский Б. Л.* Из записных книжек 1920—1928 гг. С. 135—136 (примеч. 202).

² Об этом см. примеч. 7—12, 14 к письму 43.

³ См. примеч. 11 к письму 45.

⁴ См. примеч. 8 к письму 45.

⁵ *Браун Федор (Фридрих) Александрович* (1862—1942) — филолог-германист, ученик А. Н. Веселовского; профессор западноевропейской литературы в Петербургском университете (1900—1920); иностранный член-корреспондент АН СССР (1927). В 1917 г. стал первым выборным деканом историко-филологического факультета. В 1920 г. был командирован с научной целью в Германию; в Россию не вернулся. В августе 1922 г. стал профессором *honoris causa* в Лейпцигском университете, где впоследствии занял кафедру русской истории и истории культуры.

⁶ См. примеч. 10 к письму 45.

⁷ См. примеч. 5 к письму 44.

⁸ *Розенмайер Николай Алексеевич фон дер* (1892—ок. 1933, по другим сведениям 1945) — бывший ротмистр 9-го гусарского Киевского полка; с ноября 1921 г. муж Е. А. Пушкиной. По свидетельству Н. А. Пушкина, в первую мировую войну Розенмайер был ранен семь раз и впоследствии «сошел с ума из-за пули, застрявшей в голове» (цит. по кн.: *Мезенцова Н. С.* «В них обретает сердце пищу...»: Из записок правнучки А. С. Пушкина. М., 1999. С. 33). По свидетельству М. Цветаевой, летом 1931 г. он находился в психиатрической лечебнице парижского пригорода Шарантон (см.: *Цветаева М.* Неизданное. Сводные тетради / Подгот. текста, предисл. и примеч. Е. Б. Коркиной и И. Д. Шевеленко. М., 1997. С. 447).

⁹ *Торби, графиня Зиа (Анастасия Михайловна) де, в замуж. леди Вернер (Уэрнер)* (1892—1977) — правнучка Пушкина, дочь графини С. Н. Меренберг и вел. кн. Михаила Михайловича (морганатический брак внука Николая I с внучкой Пушкина не был признан Александром III, и супруги были вынуждены поселиться в Лондоне, где королева Виктория пожаловала С. Н. Меренберг титул графини де Торби). Об участии «кузины Lady Zia» (в действительности она приходилась Елене Александровне двоюродной племянницей) в судьбе своего семейства Е. А. Розенмайер писала также Онегину (см. примеч. 13). Н. С. Шелелева (Мезенцова), не обнаружив никаких следов переписки Е. А. Розенмайер со своими английскими родственниками, предполагала, что она вряд ли была знакома с леди Вернер (см.: *Мезенцова Н. С.* «В них обретает сердце пищу...». С. 32).

¹⁰ *Розенмайер Светлана Николаевна фон дер* (1923—?) — дочь Е. А. и Н. А. фон дер Розенмайеров. Жила с матерью во Франции; пропала без вести во время второй мировой войны.

¹¹ См. примеч. 3 к письму 44.

¹² Онегин через Гофмана попросил оттиски пушкинской печати, но саму печать не купил (см.: *Гофман М. Л.* Существует ли неизданный дневник Пушкина? // Новый журнал. 1955. Кн. 43. С. 258—259; также см. примеч. 8 к письму 45). Через несколько лет

интерес к печатке Пушкина проявил С. П. Дягилев. «Все, что я могу сделать <...>, — отвечал ему Гофман 18 сент. 1928 г., — это узнать адрес г<оспо>жи Розенмайер, ибо я с нею в очень плохих отношениях, и мое посредничество может только все испортить (другое дело, если бы речь шла о ее брате)» (Harvard Theatre Collection. Houghton Library, Harvard University; MS Thr 428 (103). Courtesy of the Harvard Theatre Collection; за сообщение копии этого письма и разрешение цитировать его в настоящей публикации приношу глубокую благодарность г-ну Fredric Woodbridge Wilson и г-же Ирине Клягиной). В июле 1929 г. Е. А. Розенмайер, по сообщению Гофмана, была в Париже, и С. П. Дягилев «вел с ней переговоры о приобретении пушкинской печати» (*Цявловский М., Цявловская Т. Вокруг Пушкина /* Изд. подготовили К. П. Богаевская и С. И. Панов. М., 2000. С. 107). В 1935 г. Е. А. Розенмайер продала гербовую печать Пушкиных С. Лифарю. В прессе середины 1930-х гг. высказывались сомнения относительно ее подлинности, на них отвечал брюссельский внук поэта Н. А. Пушкин: «Печать, хотя с геральдической точки зрения и неправильная, но самая что ни на есть настоящая, принадлежавшая моему деду» (см.: *Лифарь С. О гербовой печати Пушкина //* Последние новости (Париж). 1936. 29 окт.; также см. примеч. 1 к письму 44). 25 февр. 1937 г. Н. А. Пушкин писал об этом же в Прагу Н. В. Зарецкому: «Печать, о которой говорит Гофман и Лифарь, я знаю очень хорошо, и она неоспоримо подлинная, хотя с геральдической точки зрения совершенно не верна. У меня имеется точно такая же печать с теми же ошибками (видимо, речь идет о печати, которая принадлежала младшему сыну поэта Г. А. Пушкину и которую Н. А. Пушкин унаследовал после смерти его вдовы В. А. Пушкиной, умершей в декабре 1935 г. — *Т. К.*)» (Нева. 1998. № 2. С. 196; публ. И. С. Чистовой). Доверяя свидетельству внука Пушкина о том, что печать, бывшая у Е. А. Розенмайер, происходит из семьи старшего сына поэта, следует все же отметить, что среди сохранившихся пушкинских писем нет ни одного, которое было бы запечатано именно этой гербовой печатью. Оттиск этой печати (или аналогичной ей) удалось обнаружить на письмах Л. С. Пушкина к жене, отправленных в сентябре 1848 г. (см.: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 20, № 38, л. 3 об., 5 об., 9 об., 13 об., 17 об.). Возможно, младший брат поэта унаследовал после смерти дяди В. Л. Пушкина в 1830 г. не только его золотые часы (с гравированным на крышке фамильным гербом), но и его гербовую печать, которую впоследствии мог передать А. А. Пушкину — старшему своему племяннику. В 1988 г. вдова Лифаря графиня Л. Алефельд через Министерство культуры СССР подарила печать Пушкинскому Дому. О гербовой печати Пушкиных, принадлежавшей Е. А. Розенмайер, также см.: *Лукаш И. С. Внуки Пушкина в изгнании //* Центральный Пушкинский Комитет в Париже (1935—1937). М., 2000. Т. 2. С. 83—84; *Гофман М. Л., Лифарь С. Письма Пушкина к Н. Н. Гончаровой: Юбилейное издание. 1837—1937.* [Париж, 1936]. С. 31; *Лифарь С. Моя зарубежная Пушкиниана: Пушкинские выставки и издания.* Париж, 1966. С. 31; *Февчук Л. П. Портреты и судьбы: Из ленинградской Пушкинианы.* 2-е изд., доп. Л., 1990. С. 206—207. О других пушкинских печатках см.: *Старинкова Е. В. Пушкин и вопросы геральдики. Печатки Пушкиных в собрании Всероссийского музея А. С. Пушкина //* Пушкинский музей: Альманах. СПб., 2007. С. 108—116.

¹³ Письмо Е. А. Розенмайер к Онегину от 19 апр. 1923 г. сохранилось в его архиве: «Дорогой Александр Федорович! Только что получила письмо от г<осподина> Гофманн (sic!), который пишет мне, что мое письмо, адресованное Вам, передано по назначению, и жалеет, что не заслужил моего доверия. Я имею право сомневаться! В Вашей книге „Неизданный Пушкин“ г<осподин> Гофманн сделал надпись: „Внучке Пушкина с глубоким уважением...“ и вместе с тем взял на себя смелость сознаться, что письмо, которое он должен был мне отправить по Вашему поручению перед своим отъездом из Парижа, он, г<осподин> Гофманн, не отправил, сказав мне, что Вы одной ногой стоите в гробу и что с Вами считаться не приходится. О каком доверии может быть речь!

Я очень сожалею, что для ведения переговоров о передаче пушкинских реликвий, будущего достояния России, Вы остановили свой выбор на г<осподине> Гофманн (если дело было действительно так), который письменной доверенности Вашей или даже письмá не представил. Поэтому к предложению г<осподина> Гофманн о продаже рукописей в собственность за 10 тысяч франков или о передаче на хранение я отнеслась так же, как отношусь к многочисленным предложениям иностранцев. Характер переговоров с г<осподином> Гофманн принял нежелательную форму, и я считаю себя совершенно свободной от к<аких>-л<ибо> обещаний или полуобещаний, о которых говорит г<осподин> Гофманн. Я высказала принципиальное согласие на передачу пушкинских реликвий в Пушкинский Дом при Российской Академии Наук, оговорив, что согласно воле Отца дневник Деда и неизданные рукописи не могут быть выпущены в свет, т. е. опубликованы или куда бы то ни было переданы, до 1937 г. Я не буду говорить, что все эти ценности согласно воле Отца хранятся в надежном месте, сфотографированы (кроме вещей) и застрахованы от случайностей. Что же касается акварельного портрета Бабки, работы Брюллова, уменьшенную фотографию которого я выслала Вам с г<осподином> Гофманн, гербовой печати Деда и других ценностей, которые я выделила, то я изъявила согласие передать их тотчас же, оговорив, что все наше состояние осталось в России, что за границей муж и я остались совершенно без средств и что я не имею возможности передать их безвозмездно. Г<осподин> Гофманн жаловался мне, что издержки по поездке в Константинополь поглотили все его личные средства, что его семье придется голодать; мне очень грустно, но я ничем не могла ему помочь, т<ак> к<ак> все это время муж и я жили на свой заработок, давая уроки. Я ни одной минуты не вводила в заблуждение г<осподина> Гофманн, говоря о возможности немедленной передачи только выделенных мною ценностей (кроме рукописей), и потому нравственно считаю себя в праве. От кузины Lady Zia (см. примеч. 9 к наст. письму. — Т. К.) мы получили приглашение в имение в Юж<ную> Африку, в городе Минзенбурге службу для моего мужа. Мы не имели возможности выехать до сих пор, т<ак> к<ак> не имели средств, и компенсация за наши фамильные вещи была бы для нас спасением. Слишком грустно было бы отказаться от службы и верного будущего для нас и дочери только из-за невозможности доехать до места назначения. Очень, очень прошу Вас, дорогой Александр Федорович, одолжить необходимые мне двадцать тысяч франков. Поверьте, что этим Вы избавите меня, внучку Александра Сергеевича Пушкина, творчеству которого Вы посвятили всю свою жизнь, от необходимости голодать или передать русские ценности иностранному музею. Я буду просить Вас взять портрет Наталии Николаевны и печать Деда, которые передам Вам тотчас же по приезде в Париж. Никто, кроме великого князя Сергея Александровича, не читал дневника Деда, но, если Вы обещаете сохранить в тайне его содержание, я сделаю для Вас исключение. Мне необходимо посоветоваться с Вами по вопросам предварительной разработки материалов, издательства и прав. Все это время я не могла написать Вам, т<ак> к<ак> была нездорова. К тому же в связи с отъездом иностранцев мы лишились большей части наших уроков. Baby* здорова, муж просит засвидетельствовать Вам свое почтение. С нетерпением жду Вашего ответа. Искренне преданная Вам Елена ф<он> д<ер> Розен-Мейер (née Pouchkine**). P. S. В связи с изменением общего положения необходимо выехать из Кон<стантино>поля как можно скорее» (РО ИРЛИ, № 29396, л. 9—10; опубл. с купюрами в кн.: Левкович Я. Л. Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л., 1988. С. 226—227). Об этом письме Е. А. Розенмайер Гофман упоминает также в письмах 63 и 67.

* малышка (англ.).

** урожденная Пушкина (франц.).

¹⁴ Письмо Модзалевского к Онегину о перевозке в Петроград его Музея написано 9 мая 1923 г. (о его содержании см. примеч. 2 к письму 51, о получении — см. письмо 57).

¹⁵ См. примеч. 2 к письму 39.

22 мая 1923 г. Париж

14, rue Stanislas.
Paris VI-e.
22. V. 1923.¹

Дорогой Борис Львович,

пишу Вам всего несколько слов (ибо недавно писал) — для того, чтобы выразить Вам мой искренний восторг и восхищение перед Вами, Вашей изумительной интуицией и дипломатическим искусством. В чем дело? — В том, что за Вашей подписью в субботу (19-го) пришло А. Ф. Онегину письмо из Пушкинского Дома, письмо, которое его совершенно растрогало, а меня восхитило.² Вы написали то, а самое главное, именно так, как нужно было — ни одного слова нельзя переменить в нем. Меня поражает, как Вы на таком расстоянии и не зная всех деталей, могли так абсолютно точно угадать, какие именно слова нужно было сказать. Преклоняюсь перед Вами. Из этих моих слов Вы уже можете заключить, какое впечатление письмо Ваше произвело на Онегина и насколько прочно его согласие на вывоз музея в Петербург. Он хотел, было, сейчас же писать Вам (был страшно доволен), но, по видимому, написать письмо свыше его сил. Онегин согласен вывезти музей — это безусловно так. Но теперь, когда это совсем приблизилось, ему все же жутко, и он хочет хоть как-нибудь оттянуть и цепляется за какой-нибудь предлог. Сейчас он уцепился за приезд Сергея Федоровича³ и, два дня тому назад поручив мне принять меры к вывозу, теперь говорит: «Вот подождем приезда Ольденбурга; ему легче будет получить все разрешения и проч<ее>» (а я, грешный человек, опасаясь, как бы приезд С<ергея> Ф<едорови>ча и его политика не усложнили бы в некоторых отношениях этого вопроса). Ждать, конечно, можно, время терпит, ибо сейчас я не имею физической возможности вывезти музей, но готовить все к вывозу необходимо. Меня удивило только одно место в Вашем письме к Онегину — Вы пишете, что мне поручается изыскать средства для вывоза музея в Париже. Да кто же мне в Париже даст хоть 100 франков! У меня немного другое положение: я сижу без денег и думаю через две недели бросить все на произвол судьбы и ехать в Петербург. Отлично знаю, что такое мое решение в данный момент преступно, но что же другое я могу сделать

при пустоте в моем бумажнике и безрадостных, а главное — безрезультатных размышлениях о том, как бы сделать, чтобы он не был пуст.

В силу этого моего решения очень прошу Вас немедленно дать мне знать (лучше бы по телеграфу), когда приблизительно точно можно ожидать в Париж Сергея Федоровича. Мне не только не хотелось бы, но и нельзя с ним разъехаться: если он приедет до 15 июня, я постараюсь как-нибудь оттянуть свой отъезд; если же он приедет после — я потороплюсь выехать, чтобы застать его в Петербурге. Надо знать его приезд и по другим соображениям.

Вы спрашиваете, в каком состоянии у меня находится опись и сколько №№-ов. Работа идет хорошо, но по моим черновикам (13 б<ольших> тетрадей) я не могу сказать, сколько №№. Вчера, ради курьеза, подсчитал число писем к Жуковскому — оказалось пока что больше 1700.

Мой — с недавнего времени вечный — refrain* — «Как жаль, что нет денег» — а то бы я отправился в Рим для работы над богатейшим архивом З. Волконской (есть и Пушкин), а м<ожет> б<ыть>, и для выхлопатывания его для Пушкинского Дома.⁵ Недавно устроил для П<ушкинского> Д<ома> рукопись — Воспоминания матери Гоголя — передал ее временно на хранение Онегину, нашей же собственностью она будет по опубликованию (я же должен это устроить).⁶

Писать больше некогда, да, собственно, и нечего. Целую Вас, ручки — Варв<аре> Никол<аевне>, привет — всем.

Ваш Мод<ест> Гоф<ман>.

¹ Б. Л. Модзалевский получил это письмо 31 мая 1923 г. (см.: *Модзалевский Б. Л. Из записных книжек 1920—1928 гг.* С. 27).

² Текст письма Б. Л. Модзалевского см. в примеч. 2 к письму 51.

³ Речь идет о предстоящем приезде С. Ф. Ольденбурга (об этом Модзалевский сообщал Онегину в письме от 9 мая). Зарубежная научная командировка Ольденбурга (в Лондон, Берлин и Париж) началась в июне 1923 г. (см.: ПФА РАН, ф. 1, оп. 1а (1923), № 172, л. 22 об.); в Петроград он возвратился 2 нояб. 1923 г. В конце августа—начале сентября Ольденбург встречался в Париже с Онегиным и Гофманом (об этом см. в письмах 59 и 60).

⁴ Тетради Гофмана с описанием Онегинского музея не сохранились. Краткая опись рукописного собрания, в том числе и писем к Жуковскому, была опубликована Гофманом в его книге «Пушкинский музей А. Ф. Онегина в Париже: Общий обзор, описание и извлечения из рукописного собрания» (Париж, 1926) (подробнее об этом издании см. в письме 71).

⁵ Попытки разыскать архив кн. З. А. Волконской, которая долгие годы прожила и скончалась в Риме, предпринимались еще до первой мировой войны. Тогда по просьбе П. Е. Щеголева Министерство иностранных дел дало поручение русскому послу в Ита-

* припев, рефрен (*франц.*).

лии выяснить, находится ли этот архив в Риме и возможно ли его приобретение для Пушкинского Дома Императорской Академии наук. Архив, библиотека и художественные коллекции сохранялись на римской вилле Волконской вплоть до 1921 г. (по другим сведениям, до 1922 г.), когда усадьба была продана Министерству иностранных дел Италии (позднее там находилось посольство Германии). Последняя владелица виллы Н. В. Ильина-Волконская-Кампанари умерла в 1923 г. (по другим сведениям, в 1922 г.), а все ее имущество было разделено между пятью прямыми наследниками. Значительная его часть (в том числе и автограф пушкинского послания к кн. З. Волконской «Среди рассеянной Москвы...») вскоре оказалась у римского антикара барона В. К. Леммермана, в прошлом русского подданного (в 1914 г. он окончил Императорский Александровский лицей в составе LXX курса). В 1967 г. Леммерман продал эту часть архива кн. З. А. Волконской в Хоутонскую библиотеку Гарвардского университета. Подробно о составе и судьбе архива кн. З. А. Волконской см.: *Полонский Я. Б.* Литературный архив и усадьба кн. Зинаиды Волконской в Риме: Новые материалы // *Временник Общества друзей русской книги.* Париж, 1938. Кн. 4. С. 157—182; *Зильберштейн И.* Новонайденное письмо М. И. Глинки к З. А. Волконской // *Памяти Глинки. 1857—1957: Исследования и материалы.* М., 1958. С. 445—448; *Теребенина Р. Е.* Автограф послания Пушкина к Зинаиде Волконской и его история // *Временник Пушкинской комиссии.* 1972. Л., 1974. С. 5—15; *Бочаров И. Н., Глушакова Ю. П.* Итальянская Пушкиниана. М., 1991. С. 276—282, 295—338; *Фридкин В. М.* Пропавший дневник Пушкина: Рассказы о поисках в зарубежных архивах. 2-е изд., доп. М., 1991. С. 116—156.

⁶См. примеч. 4 к письму 51.

58

1 июня 1923 г. Париж

14, rue Stanislas.
Paris VI-e.
I. VI. 1923.

Дорогой Борис Львович,
вчера вечером был у В. А. Рышкова¹ и получил Ваше письмо, которое меня совершенно сразило. Лег спать с самыми мрачными мыслями, всю ночь не спал, ворочался-ворочался и все думал, а утром встал с такими же мрачными мыслями.

Прежде, однако, чем отвечать Вам на Ваше письмо, напишу то, что хотел Вам написать до Вашего письма, независимо от него.

На прошлой неделе я написал Вам легкомысленное письмо, в котором говорил, что брошу на произвол судьбы музей и поеду в Петербург в июне м<еся>це. Этого я, конечно, не сделаю — и даже более того — не смогу сделать, если бы даже и захотел осуществить свое преступное намерение (легче пустить пулю в лоб). Не сделаю, потому что уехать сейчас равносильно тому, чтобы зачеркнуть 9 месяцев работы (и какой работы! сколько нервов и крови!), выбросить в окошко 100 т<ысяч> фр<анков>, уплаченных Онегину, отказаться от надежды

получить его музей и его капитал. Не смогу сделать, п<отому> ч<то> для этого прежде всего надо иметь деньги — чтобы расплатиться с долгами и совершить очень долгое и дорогое удовольствие (О<льге> Н<иколаевне> стоило 100 долларов + 500 франков = чуть больше 2000 фр<анков>), а во-вторых, надо иметь физическую возможность совершить путешествие — т. е. силы и здоровье. Очень напряженная и тяжело-эксцессивная обстановка в период, предшествовавший заключению договора (в ноябре—декабре), февральско-мартовская эпопея с «Неизданным Пушкиным» и с изданными и неизданными, но равно глупыми и подлыми доносами² и мучительные майские думы о деньгах совершенно расстроили мое здоровье — и особенно нервы и сердце. Одним из результатов этого расстройства организма являются отсутствие сна, паническая боязнь высоты, движения — особенно в метро и по железной дороге, которую я не могу выдерживать больше 7 часов (когда возвращался с юга, пришлось сделать передышку на полпути) — и после этого, совершенно разбитый, должен отлеживаться 3 дня.³

Перехожу теперь к Вашему письму, которое, несмотря на свой спокойный тон, доконало меня — содержанием. Итак, Академия Наук не могла защитить (или не захотела) меня, согласилась на то, чтобы вычеркнуть музей и всю работу, которую я проделал — оказывается, впустую. Я для Академии все время старался — начиная с сентября (и кончая ликвидацией «Н<еизданного> П<ушкина>» — а сколько крови мне все это стоило!), и Академия..... Совершенно никакого выхода не вижу.⁴ Мне, в буквальном смысле этого слова, не на что жить и не на что ехать — и, кроме того, ехать сейчас я не могу — ибо все равно никуда не доеду. Что же остается делать? Поступить временно здесь на службу? — Это абсолютно невозможно. Единственная конкретная возможность у меня была в феврале — чтение лекций в Сорбонне⁵ (для чего надо было пройти через Русскую Академическую группу⁶), но я отказался от этой возможности, дабы не компрометировать ту же самую Академию Наук. Есть еще выход — исчезнуть с лица земли — но для этого надо сперва устроить переезд моей семьи в Петербург, а я не знаю даже, как это сделать. Одним словом, положение не скверное, а кошмарное — есть от чего с ума сойти! И за что все это?

Я тоже хорош со своей болтовней в Берлине о пушкинских рукописях! Да я в Берлине был всего 2 дня и никого не видел, кроме того, кому писал об этом и письмецо с просьбой разорвать его (а когда приехал, то нашел мое письмо на столе, взял его и переслал Вам⁷) — источник распространения ясен! Вы требуете отчет о моей работе: я исписал описи 1400 страниц (если успею подсчитать, то поставлю цифру) и, кроме того, пока что сдал Гринбергу для печати между 15 и 20 печатными листами описи, корректуру которой, как только она начнется, я буду Вам пересылать.⁸ — Но только зачем все это?!

Кажется, я исправно Вам пишу — хорошо, если бы мои письма доходили.

Погружаясь снова в мрачность, целую Вас, ручки — Варвары Николаевны и передаю всем новобрачным,⁹ старобрачным и небрачным сотрудникам Пушкинского Дома — и особый почтительный привет Василию Михайловичу,¹⁰ к которому я питаю особую слабость и которому писал бы, если бы решился скучать моими письмами. Иван Андреевич¹¹ меня не желает знать, но я и его сердечно приветствую.

Ваш Мод<ест> Гоф<ман>.

¹ *Рышков Виктор Александрович* (1862—1924) — беллетрист и драматург; брат Владимира Александровича Рышкова (1865—1938) — одного из основателей Пушкинского Дома. Виктор Рышков жил в Париже с конца ноября 1922 г. Подробнее о нем см.: Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М., 2007. Т. 5. С. 413—414 (статья Т. П. Агапкиной); *Прозорова Н. А.* История издания и читательское восприятие журнала «Родная нива» (по материалам архива В. А. Рышкова) (наст. изд. С. 268—310).

² См. письмо 55.

³ По воспоминаниям М. Л. Гофмана, мучительная боязнь высоты (а впоследствии и быстрого движения — особенно в метро и в поезде) развилась в нем после подъема на Эйфелеву башню и сохранилась до конца жизни.

⁴ Модзалевский, скорее всего, сообщил Гофману о безрезультатных попытках Академии наук добиться продления его командировки. 21 апр. в Главнауку было направлено ходатайство о продлении командировки до 1 сент. 1923 г. «с ассигнованием соответствующих средств по тарифным ставкам», на которое 30 апр. из Комиссии пограничных командировкам Наркомпроса пришел отказ. 21 мая Академия вновь обратилась в Главнауку с просьбой о продлении командировки Гофмана, «хотя бы без особых ассигнований, <...> принимая во внимание необходимость окончания <...> возложенного на него Академиею в Париже поручения», но и она не была поддержана (ПФА РАН, ф. 2, оп. 1 (1919), № 3, л. 88—89, 92). Возможно, после получения этого письма Гофмана Модзалевский возобновил хлопоты о получении Гофманом 500 рублей, ассигнованных ему ранее (см. примеч. 6 к письму 55).

⁵ См. примеч. 11 к письму 44 и письмо 46.

⁶ Русская академическая группа была основана в Париже в 1920 г. «с целью развивать науку, поддерживать связи с учеными и учебными заведениями, организовывать взаимную материальную и моральную помощь, готовить молодых ученых, оказывать помощь поступающим в высшие учебные заведения» (*Головенченко А. Ф.* Русская академическая группа // Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. 1918—1940. Т. 2. Периодика и литературные центры. М., 2000. С. 360). В нее входили эмигрировавшие из России университетские профессора и члены Российской Академии наук, а также известные французские ученые, которые занимались русской литературой, культурой, историей. Русская академическая группа пользовалась большим авторитетом в эмигрантских ученых кругах. С ноября 1922 г. ее председателем был А. Н. Анцыферов.

⁷ Речь идет о З. Г. Гринберге и письме к нему Гофмана (см. примеч. 8 к письму 54).

⁸ Имеется в виду описание материалов Онегинского музея, которое должно было печататься в берлинском отделении Госиздата (см. примеч. 16 к письму 43).

⁹ См. примеч. 2 и 3 к письму 54.

¹⁰ В. М. Истрин (см. примеч. 11 и 13 к письму 46).

¹¹ И. А. Кубасов.

20 октября 1923 г. Париж

30, rue de Grenelle.
Paris VII-e.
20. X. 1923.

Дорогой Борис Львович,
прежде всего простите, что пишу Вам карандашом, но делаю так, п<отому> ч<то> лежу в постели, поправляясь после воспаления легких. Писать очень неудобно и очень трудно (болезнь обессилила), а хочется скорей ответить на первую фразу последнего письма моей жены: «Видела вчера Бориса Львовича и огорчена разговором с ним очень: он крайне недоволен, что ты ему и вообще в Академию ничего не пишешь уже 4 месяца. Он удивлен твоим недопустимо неаккуратным отношением к делу». Маленькая неточность — не 4, а 3 месяца, но это, конечно, не важно. А вот что 3 месяца, как я перестал писать Вам, это верно, и не пишу в Академию, если не считать того, что 1½ месяца назад я послал письмо Н. В. Измайлову (на которое, конечно, не имею ответа). Почему?

Весной я получил Вашу просьбу писать как можно чаще, и каждую неделю писал Вам — одно время очень большие письма, а когда перестал получать ответы, то, естественно, и сам замолчал и потом замолчал окончательно. Люблю я Вас очень, но и тем, кого люблю и кто не отвечает мне, я после нескольких попыток прекращаю писать. А так как это время совпало с мертвым (в деловом отношении) временем — когда я ждал приезда С<ергея> Ф<едорови>ча¹ и когда Онегин нашел, что я сделал «больше, чем нужно», — то я считал себя со всех сторон вправе замолчать, обижаясь на Вас и сердясь на Академию, которая за 4 месяца — апрель, май, июнь, июль — ничего не сделала для осуществления желания Онегина о перевозке его музея. Кончилось это тем, что я и начал предполагать в августе: Онегин раздумал и в разговоре с С<ергеем> Ф<едоровичем>² отрекся от своих слов и сказал, что все это моя фантазия. Т<ак> к<ак> это было сказано С<ергею> Ф<едорови>чу, а не мне, и так как это было сказано перед отъездом С<ергея> Ф<едоровича>, — то я и не считал себя обязанным сообщать в Академию разговора Непр<еменного> Секр<етаря> с Онегиным. Писать официально о моей болезни и о моих материальных и прочих невзгодах мне казалось ненужным (а неофициально — мои добрые и любимые мои старшие и младшие друзья не хотели меня знать), о деле же писать было абсолютно нечего. Сейчас о многом хотелось написать Вам, дорогой Борис Львович, и то, что написал, долж-

но было служить только вступлением к письму, но, оказывается, что оно должно служить и заключением: так утомило меня то, что я написал, что принужден бросать письмо, передав сердечный привет Вам и Варваре Николаевне.

Сердечно Ваш Мод<ест> Гоф<ман>.

¹ См. примеч. 3 к письму 57.

² С. Ф. Ольденбург посетил Онегина 27 августа 1923 г., о чем свидетельствует записка, оставленная им в альбоме гостей Онегинского музея: «Хочется сказать Вам спасибо за возможность провести несколько часов в чудном уголке России — для меня у Вас это была Россия, наша любимая, великая Россия. Вы чтите ее горячо и глубоко, поэтому так безгранично любите Пушкина. Верю, что Россия жива, и будет жить, и много еще даст человечеству, — ведь то, что я вижу здесь, у Вас, создано ею — нашей Россией!» (РО ИРЛИ, № 29337, л. 201).

60

2 ноября 1923 г. Париж

30, rue de Grenelle.

Paris VII.

2. XI. 1923.

Дорогой Борис Львович, все еще лежу в постели и потому опять пишу Вам карандашом. На этот раз пишу Вам только на одну тему, которая меня волнует и интересует более всех других и которая, может быть, немного интересна и Вам — о моем возвращении в Петербург.

В начале сентября у меня был по этому поводу разговор с С<ергеем> Ф<едоровичем>, который спросил меня, что я намерен делать.¹ Я ответил, что ближайший месяц я ни о чем другом не могу думать, кроме как о восстановлении своего здоровья и сил, и поэтому поеду на месяц на юг (на что меня С<ергей> Ф<едорович> благословил, видя, в каком состоянии я нахожусь), по возвращении же в Париж или — если выдержат нервы и ужасное душевное состояние тоски и пустоты — пробуду здесь еще месяца два и постараюсь наладить отношения с Онегиным и найти человека, который согласился бы следить за Онегиным и музеем (найти такого человека при особенностях характера А<лександра> Ф<едоровича> весьма нелегко), или — если не выдержу тоски — через 2—3 недели поеду в Петербург. Страшная дороговизна юга заставила меня пробыть в великолепной, дивной, солнечной и приморской Ментоне всего 3 недели, и за эти 3 недели я немного поправился и немного отдохнул, но все же немножечко (очень немножечко) поправился. На другой день по приезде в Париж я был на кон-

силиуме врачей, которые опять-таки нашли, что мои сердце и нервы никуда не годятся и нуждаются в очень основательном лечении (да, довел-таки меня за этот год А<лександр> Ф<едорович> до состояния). Решив, что пребывание в Париже, связанное с тоской и о России и академической работе, по работе творческой, с тоской и беспокойством о моей семье и родных и друзьях, может только растравлять нервы и не давать необходимого для здоровья душевного мира, я склонен был немедленно ехать в Россию, несмотря на уговоры врачей, которые считают невозможным в Петербурге лечение моих нервов и, особенно, больных почек. Как я стосковался по настоящей хорошей работе — Вы себе и представить не можете, а если и представите, то поймете, что я готов лезть на стену и переть против рожна, лишь бы добраться до нее.

Однако — судьба меня упорно и жестоко преследует уже очень давно, и от ее преследований я близок к сумасшествию и уже нахожусь в отчаянии. Через несколько дней по приезде в Париж — после жары в холод (относительный, конечно) — я простудился и схватил воспаление легких. Две недели пролежал в жару и так ослабел и похудел, как еще никогда не бывало. Через 2 недели встал и стал на полчаса выходить на улицу, вернее, меня стали выводить, ибо ноги мои болтались, как плохо прилаженные плети, а голова все время кружилась от неимоверной слабости. Так продолжалось 2 дня (и в эти два дня все тело и особенно ноги и спина отчаянно болели), а на третий день я слег — опять с температурой и прочими удовольствиями. Сейчас опять уже пять дней лежу и в своей безнадежности не вижу конца. Лежу и, если бы не громадное напряжение, поминутно падал бы в обморок, спать перестал из-за непрекращающихся сердечных припадков (какого они приблизительно рода, может рассказать моя жена), тело — сплошь и непрестанно ноющее — состоит из костей, нервов и кожицы. Ехать сейчас в таком состоянии, конечно, нечего и думать, а меня посылают ехать.... но в какую-нибудь строгую санаторию в Швейцарию — т<ак> к<ак> это, м<ожет> б<ыть>, единственное средство восстановления здоровья, если только оно возможно вообще. Считая, что здоровый организм — основа жизни и существования, я послушаюсь совета насчет санатории и поеду туда на 2 месяца, если только раздобуду необходимые для этого (весьма немаленькие) средства. Значит, если все будет благополучно и хорошо, я поеду в начале ноября в санаторию (где бы я ни был — адрес мой остается прежний), заключив в это время сына в пансион, и в начале января с восстановленным (если) здоровьем поеду в Петербург (очень бы хотелось попасть к Рождеству). Таковы мои благоразумные предположения, но не исключена возможность, что я не выдержу и гораздо раньше уеду отсюда на родной север.

Все время жду какого-нибудь Вашего отклика на мои письма, но, видно, так и не дождусь. Большой и сердечный привет Варваре Николаевне и всем пушкинодомцам.

Ваш сердечно Модест Гофман.

Ростик² кланяется Вам и Варваре Николаевне.

¹ 4 сентября Виктор Рышков (см. примеч. 1 к письму 58) сообщал в Петроград своему брату о встрече с Ольденбургом и Гофманом: «Сегодня у меня были Ольденбург и Гофман. Сидели Ол<ьденбург> часа 1 ½, а Гоф<ман> с полчаса. Ольд<енбург> сказал, что через неделю уезжает в Берлин и Прагу и к концу октября вернется домой. Требуется, чтобы возвратился и Гоф<ман>, а он говорил мне, что не хочет и, очевидно, не поедет» (РО ИРЛИ, ф. 184). Письмо это, переданное Вл. А. Рышковым Б. Л. Модзалевскому, осталось в архиве последнего, и к моменту получения ноябрьского письма Гофмана Модзалевский, видимо, уже знал о настроениях своего коллеги.

² Р. М. Гофман.

61

27 января 1924 г. Париж

Париж.

27 января 1924.¹

И. о. Директора Пушкинского Дома
Ученого Хранителя
Профессора М. Л. Гофмана

Отчет

Со времени моего последнего отчета, имевшего место 3 месяца тому назад, не произошло никаких перемен в моей деятельности и в ходе моих работ. Как и прежде, я не получаю из Комиссии корректур, и отсутствие оригиналов описи значительно затрудняет, а порою делает и совершенно невозможным приготовление (дальнейшее) описи музея А. Ф. Онегина.² Еще более парализует мои работы совершенно неудовлетворительное состояние здоровья, внушающее серьезные опасения пользующим меня врачам. Что касается до работ в архиве о. Пирлинга, то таковые не могут начаться ранее февраля месяца, по окончании разборки архива.³

Модест Гофман.

ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1922), № 3, л. 43; ф. 2, оп. 1 (1919), № 3, л. 209 (копия, снятая для С. Ф. Ольденбурга).

¹ На письме пометы Б. Л. Модзалевского: «Получил 6 февр<аля> 1924» и делопроизводителя Пушкинского Дома Н. М. Орлеанского: «Снята копия для Непременного

Секретаря РАН. 11 февр<аля> 1924». 29 янв., еще до получения этого отчета, Б. Л. Модзалевский направил С. Ф. Ольденбургу официальное отношение следующего содержания: «Ввиду неполучения мною в течение уже давнего времени никаких известий от командированного в Париж по делу Пушкинского музея Онегина хранителя Рукописного отделения Пушкинского Дома М. Л. Гофмана имею честь просить Вас обратиться к нему от имени Конференции с официальным запросом о положении его работы по описанию Музея и о его дальнейших предположениях в связи с Музеем, а также сообщить мне для сведения о результатах ходатайства Академии о продлении командировки М. Л. Гофмана и об условиях, на которых это продление испрашивалось» (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1922), № 3, л. 41; ф. 2, оп. 1 (1919), № 3, л. 181). 1 февр. Ольденбург отвечал Модзалевскому, что 24 нояб. 1923 г. он обратился в петроградское отделение Главнауки с ходатайством «о продлении заграничной командировки М. Л. Гофмана на 6 месяцев, хотя бы и без особого на этот предмет ассигнования», но ввиду того, что «до настоящего времени ответа на это ходатайство не последовало, <...> срок командировки М. Л. Гофмана приходится считать истекшим». Непременный секретарь Академии также сообщил, что поставил об этом известность и Гофмана и «запросил» его о состоянии работ «по приемке и описанию Пушкинского собрания Онегина и о дальнейших предположениях его в связи с настоящим делом» (Там же, л. 152, 196; ф. 150, оп. 1 (1922), № 3, л. 42). Ответом на этот запрос Ольденбурга стало письмо Гофмана, написанное 18 февр. 1924 г.

² См. примеч. 16 к письму 43.

³ См. примеч. 8 и 9 к письму 38 и примеч. 6 к письму 42.

62

С. Ф. Ольденбургу
18 февраля 1924 г. Париж

32, Rue de Dragon.
Paris VI-e.
18. II. 1924.¹

Глубокоуважаемый Сергей Федорович, в тот же день, как меня разыскало Ваше письмо (уже девять месяцев, как я не живу на 14, rue Stanislas), отвечаю на Ваши вопросы.

Я не так виноват в своем долгом молчании, ибо все время сообщал о ходе дел Борису Львовичу, и только последние три месяца молчал, п<отому> ч<то>, к сожалению, не происходило никаких перемен и мне нечего было писать.

Описание Онегинского музея давно закончено мною (в тех пределах, какие удалось выговорить у А. Ф. Онегина), и в этом смысле цель моей командировки достигнута. Я был послан для урегулирования вопроса об Онегинском музее: вопрос окончательно урегулирован заключением формального договора, по которому все музейное имущество А. Ф. Онегина составляет собственность Академии наук, опись — м<ожет> б<ыть>, не в тех размерах, какие мне казались желательными

ми, — закончена, всплывший в минувшем году вопрос о немедленной приемке и перевозке музея отпал еще в бытность Вашу в Париже² — после того, как А. Ф. Онегин 4 месяца не получал конкретных ответов на свои предложения, обращенные через меня в Наркомпрос и в П<ушкинский> Д<ом>. Вопрос о немедленной перевозке музея находится все в том же положении, что и полгода назад. И окончательно разрешится — в ту или другую сторону — в самые ближайшие дни. Дело в том, что две недели тому назад А. Ф. Онегин опасно заболел (воспалением легких), и врачи опасались за его жизнь; сейчас он, по-видимому, вне опасности, но, может быть, под влиянием болезни и овладевающего им в это время беспокойства за судьбу музея, он и согласится на немедленную перевозку музея. Признаюсь, однако, что у меня на это очень мало надежды, и, во всяком случае, я немедленно доведу до Вашего сведения (если позволите, через Н. В. Измайлова) о результатах моего разговора, который будет на этой неделе.

Узнав только из Вашего сообщения, что срок моей командировки должен считаться в настоящее время истекшим³ (очевидно, я получил неверные сведения о продлении моей командировки), я предполагал вернуться в Петербург к 1 апреля, теперь же не знаю, как поступить, и очень прошу Ваших указаний, распоряжений и советов.

Работа моя, собственно, закончилась, и меня ничего не удерживает в Париже, кроме здоровья; но и эта причина, как она ни серьезна для меня лично, вряд ли может иметь большое значение, п<отому> ч<то> я начинаю сомневаться в том, что условия петербургской жизни значительно ухудшат очень плохое состояние моего здоровья.

Вы спрашиваете, глубокоуважаемый Сергей Федорович, о моих дальнейших предположениях. Мне остается только исполнять Ваши распоряжения, но я полагал бы необходимым закрепить за Академией музей Онегина не только договором, но и описью, предусматриваемой договором, описью, которая исключала бы все могущие возникнуть споры и сомнения. Весь вопрос только в том, как это лучше сделать. В декабре 1922 года З. Г. Гринберг заказал мне в самом спешном порядке приготовить к печати 3 тома описи (1 том — описание Тургеневских материалов с приложением неизданных писем Тургенева, 2 том — описание материалов по Жуковскому с приложением неизданных материалов — самый обширный том, который, по моим предположениям, должен был заключать в себе по меньшей мере 35—40 п<ечатных> листов, 3 том — разные материалы) и посылать их ему по мере того, как они будут готовы, дабы можно было немедленно приступить к набору (было решено, что корректуры будут одновременно посылаться в Академию наук и мне).⁴ Я очень ретиво принялся за работу и в феврале послал ему Тургеневскую часть с приложением 106 неизданных писем Тургенева (в том числе 41 письмо к Ральстону⁵).

С марта я начал пересылку описи по Жуковскому, а с мая прекратил ее, так как за 4 месяца не было набрано ни одной буквы, и я не хотел без нужды рисковать пересылкой моей описи. В августе З<ахар> Г<ригорьевич> сказал мне, что в силу многих причин моя опись не может печататься в Берлине, предложил перенести печатание в Париж и обещал немедленно по своем возвращении в Берлин переслать мне мою опись. С тех пор прошло полгода, и он до сих пор не исполнил своего обещания. Одновременно с З<ахаром> Г<ригорьевичем> в Париже был редактор «Недр» Ангарский,⁶ который просил меня, в присутствии Гринберга, литературных материалов для своего журнала. Я ответил, что могу дать письмо Пушкина, не имеющее отношения к Онегинскому музею (оно принадлежит В. П. Катеневу, который разрешил опубликование его за границей А. Ф. Онегину, а в России мне),⁷ и сказал, что другими материалами (напр<имер>, Тургенев, Жуковский и проч<ие>) я не имею права распоряжаться без ведома Академии (З<ахар> Г<ригорьевич> хотел переговорить с Вами по этому поводу). На этом разговоры и окончились, и у меня не было желания их продолжать, а на прошлой неделе я с изумлением увидел в «Недрах» напечатанные письма Тургенева к Ральстону со вступительной статьей и примечаниями Н. Бродского⁸ (с нелепой ссылкой на то, что опубликовываемые письма — 41 — составляют часть «собрания Ральстона», содержащего 106 неизданных писем Тургенева).⁹ Меня поразила и легкость отношения к материалам, составляющим собственность Академии наук, и еще более легкое отношение к чужому — в данном случае моему — труду. Ни с какими разъяснениями, опровержениями, протестами и проч<им> я никуда не обращался, полагая, что моя обязанность довести об этом до Вашего сведения.

Это деталь, которая имеет только отдаленное отношение к той описи, которая действительно необходима, по моему мнению. Я полагал бы необходимым до отъезда из Парижа напечатать опись с текстом договора и краткой историей приобретения музея Академией наук и раздать по экземпляру всем тем, от кого так или иначе будет зависеть судьба музея после смерти А. Ф. Онегина, и думаю, что на эту опись они могут опираться и защищать права Академии на музей. Я прекрасно понимаю, что печатание описи в собственном смысле этого слова невозможно, и потому, что это отняло бы слишком много времени, и потому, что вызвало бы слишком большие расходы, может быть, даже непосильные для Академии наук. Но если невозможно печатание томов описи, более чем возможно (и мне кажется, интересы дела этого требуют) печатание такой брошюрки в 1 печатный лист, которая содержала бы в себе только текст договора (или обоих договоров) и краткий суммарный перечень предметов, перешедших в собственность

Академии наук (в таком роде: столько-то писем Жуковского к разным лицам, столько-то его альбомов, столько-то томов Пушкинианы и проч<ее>). Печатание такой охранной описи отняло бы тахітум 2 недели и вызвало бы совершенно ничтожные расходы.¹⁰

Простите, глубокоуважаемый Сергей Федорович, пространность моего письма и примите уверение в моем самом глубоком уважении к Вам и постоянной признательности.

Мод<ест> Гофман.

ПФА РАН, ф. 2, оп. 1 (1919), № 3, л. 212—213.

¹ На письме помета С. Ф. Ольденбурга: «Срочно Б. Л. Модзалевскому. 6. III. <1>924». Возвращая письмо Гофмана непременно секретарю АН, Модзалевский сформулировал позицию Пушкинского Дома по основным проблемам, поставленным в этом письме. Пушкинский Дом просил Ольденбурга возобновить ходатайство АН о продлении командировки Гофмана (письмо от 23 нояб. 1923 г. было утеряно в московской Главнауке, и 20 марта 1924 г. Ольденбург отправил новое ходатайство в Ленинградское отделение Главнауки); отмечал «крайнюю необходимость издания проектируемой М. Л. Гофманом охранной описи размером в 1 печ<атный> лист, с историей Музея и с текстами договоров 1909 и 1922 гг.» и, наконец, просил «заявить протест от имени Академии перед Главнаукой и ее представителем З. Г. Гринбергом» в связи с «совершенно недопустимой» публикацией писем Тургенева к Ролстону в сборнике «Недра» — без согласия Академии и «даже без ведома М. Л. Гофмана» (ПФА РАН, ф. 2, оп. 1 (1919), № 3, л. 211, 215; ф. 150, оп. 1 (1922), № 3, л. 44; черновик письма, датированного 10 марта 1924 г., составлен Н. В. Измайловым и отредактирован Б. Л. Модзалевским). Письмо С. Ф. Ольденбурга З. Г. Гринбергу было отправлено 3 апр. 1924 г. (см.: Там же, ф. 2, оп. 1 (1919), № 3, л. 226).

² См. письмо 59.

³ См. примеч. 1 к письму 61.

⁴ О работе над составлением описи Онегинского музея см. также в письмах 43, 48, 57, 61, 64, 66, 69, 71.

⁵ *Ролстон (Рольстон, Ральстон) У.-Р.-Ш. (Ralston W. R. S.)* (1828—1889) — английский историк литературы, критик, переводчик, фольклорист; сотрудник библиотеки Британского музея (1853—1875). С И. С. Тургеневым Ролстон был знаком с 1866 г., общался в нем в Европе, гостил в Спасском-Лутовинове. Перевел на английский язык роман «Дворянское гнездо» (1869). В Онегинском музее хранилось 42 письма Тургенева к английскому писателю за 1866—1882 гг. (см.: РО ИРЛИ, № 28632).

⁶ *Ангарский (наст. фамилия Клестов) Николай Семенович* (1873—1941) — издательский деятель, литературный критик, мемуарист; член РСДРП с 1902 г., один из организаторов Октябрьского вооруженного восстания 1917 г. в Москве. Совместно с В. В. Вересаевым организовал «Книгоиздательство писателей в Москве» (1912—1923); в 1919—1922 гг. был редактором литературного журнала «Творчество»; в 1922—1932 гг. возглавлял кооперативное издательство «Недра», которое выпускало одноименные литературно-художественные сборники. Подробнее см.: Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М., 1992. Т. 2. С. 551—552 (статья М. М. Ситковецкой и В. М. Боковой).

⁷ Речь идет о письме Пушкина к барону А.-Г.-П. де Баранту от 16 дек. 1836 г. (см. примеч. 3 к письму 38). 8 авг. 1923 г. Ангарский сообщал в Москву секретарю издательства «Недра» П. Н. Зайцеву: «Посылаю Вам еще неизданное письмо Пушкина, куп-

ленное мной не дешево... На днях pošлю Вам десятка два неизданных писем Тургенева» (цит. по: Шлюпер Е. В. Книгоиздательство «Недра» (1924—1932) // Книга: Исследования и материалы. М., 1966. Сб. 12. С. 197).

⁸ Бродский Николай Леонтьевич (1881—1951) — историк русской литературы, русской общественной мысли и театра, пушкинист, тургенеved. С 1918 г. преподавал в Московском университете. В описываемое время был редактором историко-литературного отдела сборников «Недра».

⁹ В кратком предисловии к публикации, подписанном Н. Л. Бродским, указывалось, что редакция «Недр» располагает «возможностью опубликовать сорок одно письмо из ста шести, сохранившихся среди бумаг В. Р. С. Ральстона». В действительности было опубликовано 42 письма Ролстона из собрания Онегина. К ним, кроме того, были присоединены 2 письма И. С. Тургенева к П. В. Жуковскому (1875) и 9 писем И. С. Тургенева к А. Ф. Онегину (1870—1876). При этом ни в предисловии, ни в примечаниях не было упомянуто, что подлинники писем находятся в парижском Музее А. Ф. Онегина и принадлежат Российской Академии наук (см.: Недра: Литературно-художественные сб. М., 1924. Кн. 3. С. 178—203; Кн. 4. С. 267—296). На официальное обращение С. Ф. Ольденбурга З. Г. Гринберг отвечал, что Ангарский просил разрешения на публикацию писем Тургенева и что Гофман не возражал, но «обусловил печатание предварительным разрешением Академии наук». «С ведома и согласия проф<ессора> Гофмана, — продолжал Гринберг, — я выдал уже в Берлине означенную рукопись т<оварищу> Ангарскому для предварительного ознакомления. О дальнейшем мне ничего неизвестно. Об опубликовании писем Тургенева я впервые узнал из письма Академии наук» (ПФА РАН, ф. 2, оп. 1 (1919), № 3, л. 252—255; ф. 150, оп. 1 (1922), № 3, л. 48—49). В связи с этой публикацией Пушкинский Дом обратился также с официальным запросом к Н. Л. Бродскому, в котором «настоятельно» просил «воздержаться от дальнейшего опубликования материалов Онегинского музея» (Там же, л. 46). Официальный характер письма и «несправедливые обвинения», заключенные в нем, вызвали болезненную реакцию Бродского, который, по его утверждению, не подозревал о происхождении полученных им от Ангарского материалов. Письмо Модзалевского к Н. Л. Бродскому, отправленное 31 мая 1924 г., разрешило «случайное недоразумение», возникшее из-за этой публикации между ним и Пушкинским Домом (см.: Там же, л. 50—55). См. также письма 63, 64, 69, 71.

¹⁰ Краткая опись Онегинского музея была напечатана Гофманом в Париже в 1926 г. под грифом «Bibliothèque de l'Institut Français de Léningrad» (об этом см. письмо 71).

63

21 февраля 1924 г. Париж

32, Rue du Dragon.
Paris VI-e.
21. II. 1924.

Дорогой Борис Львович,
мгновенно отвечаю Вам на Ваше письмо — уж очень обрадовался тому, что получил Ваше (хоть и знаю, что из-за письма не успею подготовиться к завтрашней лекции в Сорбонне и прочту слабую). Очень обрадовался тому, что Вы не не хотите меня знать: уж очень больно

было мне, что Вы порываете со мною всякую связь, а я почти с детства привык Вас любить, как старшего друга. Признаюсь Вам, что меня жестоко обидело то, что Вы передали через Н. В. Измайлова — Ваше требование ко мне писать Вам, совершенно независимо от того, отвечаете ли Вы мне или нет на мои письма. Признаюсь Вам, что мне было очень трудно, если не невозможно, писать человеку, который был для меня — и есть — не просто Старший Ученый Хранитель или и<сполняющий> о<бязанности> <директора>, а Старший друг, против которого я могу иногда бунтовать, но которого я никогда не могу перестать любить. Писать такому человеку — будь он хоть самое превосходнейшее мое начальство — если он не хочет, определенно не хочет мне отвечать — я не могу. И вот пришло Ваше письмо, которое во всем меня разубедило. Что же мне остается, как не радоваться, хотя письмо и вызвало во мне тревогу и за Вас и за Пушкинский Дом. В чем дело? что такое? Почему Вы не можете написать мне, что случилось в Пушкинском Доме?! Вы требуете от меня только делового письма и запрещаете лирику, а я и начал лирикой и кончу, по всей вероятности, ею. Простите и не сердитесь на меня, дорогой Борис Львович, но я всего два дня назад писал чисто деловое письмо Сергею Феодоровичу,² и мне нечего к нему прибавить (даже еще не успел переговорить с А. Ф. Онегиным — все откладываю на конец недели). Разве что одно маленькое слово.

1. Я писал С<ергею> Ф<едоровичу> о возмутительной краже писем Тургенева. Вчера — на сон грядущий (увы, он от меня бежит: ложусь в 12, а засыпаю, перемучившись с сердцем, в 6) — перелистал «Недра» и набрел на примечание Н. Бродского к фразе Тургеневского письма к Ральстону («Передайте от меня дружеский привет Онегину»): «А. Ф. Онегин, владелец известного собрания автографов русск. писателей. Письма И. С. Тургенева к нему публикуются нами в след. книге „Недр“»!³

2. Я писал С<ергею> Ф<едоровичу>, что в сущности (кроме печатания описи — очень, очень необходимо, совершенно необходимо!) мне больше нечего делать здесь по Онегинскому делу. Это верно, но я не написал С<ергею> Ф<едоровичу> — по совершенно определенным причинам, — что отъезд мой из Парижа может сейчас очень повредить делу. Очень жалею, что не могу написать Вам подробнее и яснее, но у меня есть основания думать, что мои письма проходят здесь через цензуру.

3. Пустяк — но очень важный для меня: я выяснил как нельзя яснее, почему Онегин летом (1923 года) так круто резко переменял свое отношение ко мне и сменил влюбленность и исключительную, дружескую (в настоящем смысле этого слова) привязанность на враждебность. Все

дело в несчастном Константинополе и Пушкиных. Эта милая чета (не к ночи будь помянута) просила меня достать для них (на зубок их дочери) от Онегина 10 000 франков, и, когда ничего не получила, — приписала моему вредному влиянию на А<лександра> Ф<едоровича> и в письме к нему выплила на меня ушат грязи и приписала мне такие слова о нем, которые мне и не снились, но которым он поверил и которые он не перестает повторять восьмой месяц.⁴

Вы пишете, дорогой Борис Львович: «Мы здесь изнемогли, промерзли, изнервничались, а Вы за 1 ½ с лишком года все же отдохнули и могли бы снова работать у нас». Не совсем так, и мне хотелось бы чуть-чуть исправить Вашу фразу: я за 1 ½ года не «все же», а даже «отлично» мог бы отдохнуть, мог бы, мог бы отдохнуть, но не только не отлично и не все же и даже несколько не отдохнул, а совершенно замучился и — это во всяком случае — тогда, когда я уезжал из Петербурга, я был гораздо сильнее и гораздо здоровее, чем сейчас. Сейчас я даже не полу-, а четверть-живое существо, ежеминутно мучимое сердцем и мыслями. Причины? — Отчасти та мука, которую мне пришлось пережить с Онегиным в ноябре—декабре 1922 года (при составлении и заключении договора), отчасти всякие неприятности («Неизданный Пушкин» в том числе), но главное, самое главное — и мне не надо об этом расписывать, чтобы Вы поняли, — семейные условия: Вы знаете, к несчастью, очень хорошо, как это старит и как измучивает людей, но не подозреваете, д<олжно> б<ыть>, как это отражается на людях, с детства больных и борющихся с нервами и расположенных к нервным заболеваниям, — не знаете и, дай Бог, Вам не знать. А вот что касается до «работы у нас», то Вы не представляете себе, с каким остервенением бросился бы я сейчас на нашу хорошую работу в Пушкинском Доме и как грежу о ней, как о настоящем якорю спасения. Ну так чего же? спросите Вы и спрашиваете — для чего я сижу в Париже — «ведь дело с Онегинским музеем поставлено прочно». Нет, дорогой Борис Львович, совсем не так прочно, как Вы думаете, а без напечатания описи (хотя бы такой, о какой я писал С<ергею> Ф<едоровичу>) мне и совершенно, ни под каким видом нельзя уезжать. А кроме того — семья.... (это абсолютно между нами) и здоровье — сердце и нервы с одной стороны, и почки — с другой. Что до первого — сердца и нервов, то я начинаю думать, что они всюду будут меня мучить и давать не больше 1 ½—2 часов сна-отдыха, а что касается до второго, то я не могу добиться ни от кого ответа на мой вопрос — каковы условия лечения моих почек в Петербурге и не окажется ли в этом смысле мой приезд в Петербург даже опасным. Был бы Вам очень, очень благодарен, если бы Вы мне написали по этому поводу.

К этому письму не прилагаю открытки на ответ — вместо этого вкладываю платочек для Варвары Николаевны, а то и другое — боюсь, что письмо будет очень тяжелым и не дойдет до Вас. Но мне очень важно знать, дойдет ли до Вас это письмо, — и если Вы сами не сможете мне написать без открытки — передайте через кого-нибудь хоть одно слово.

Целую Вас и люблю по-старому и очень старому, целую ручки Варваре Николаевне. Кланяется Вам Ростик,⁵ который становится большим, умным и хорошим мальчиком (я с ним занимаюсь, и он уже очень многое знает).

Ваш Мод<ест> Гоф<ман>.

¹ Письмо Модзалевского, скорее всего, было ответом на «отчет» Гофмана от 27 янв. 1924 г. и написано около 8—10 февр. Несомненно, Модзалевский сообщал в нем, что оставил пост и. о. директора Пушкинского Дома (заявление об этом в Отделение русского языка и словесности АН он подал 29 янв., а 9 февр. было принято соответствующее постановление Общего собрания АН). Но, очевидно, что Борис Львович ничего не написал Гофману об аресте, который пережил с 12 по 16 янв. 1924 г. Поводом к нему стал донос с ложными обвинениями в совершении «преступных махинаций с государственными средствами и государственным имуществом Пушкинского Дома» (см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998—1999 год. СПб., 2003. С. 300—301). Об обстоятельствах этого ареста, послужившего главной причиной решения Б. Л. Модзалевского добровольно покинуть пост и. о. директора Пушкинского Дома, подробнее см. в комментариях к его записным книжкам (Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905—2005. СПб., 2005. С. 170—172 (примеч. 415, 418, 420—422)). До возвращения из командировки Н. А. Котляревского исполняющим должность директора Пушкинского Дома был назначен С. Ф. Платонов.

² Речь идет о письме к С. Ф. Ольденбургу от 18 февр. (см. письмо 62).

³ См.: Недра: Литературно-художественные сборники. М., 1924. Кн. 3. С. 194. О публикации тургеневских писем в этом издании см. примеч. 9 к письму 62.

⁴ См. примеч. 13 к письму 56.

⁵ Р. М. Гофман.

6 апреля 1924 г. Ванв

4, Rue de Paris.
Vanves. Seine.
6. IV. 1924.

Дорогой Борис Львович,
на этот раз я действительная и настоящая свинья перед Вами — не потому, что долго не отвечал Вам (ибо никакого письма от Вас и не получал), а потому, что до сих пор не благодарил Вас за ту большую

радость, которую я испытал благодаря Вам две недели тому назад, когда получил пакет с книгами, на котором Вашею рукою был написан адрес. В моей тяжелой, трудной, неприятной и скучной жизни в Париже такие радости очень-очень редко бывают, а книжная — и первая (из России: здесь я кое-что получал). Надо два года быть оторванным от своих книг и от своей работы, чтобы понять, какую радость (грустную радость) доставляет всякая такая весть из такого мира. Спасибо Вам, спасибо. Вид книг разбудил во мне засыпавшее научное тщеславие и вызвал энергию к писанию работ; в то же время книги пришли удивительно вовремя. Впрочем, обо всем этом потом, сперва о текущем деле.

3 недели тому назад приезжал в Париж Гринберг, который очень одобрил мой план напечатать немедленно кратенькую охранную опись с краткой историей приобретения музея и принял печатание ее на казенный счет; обещал на другой же день прислать из Берлина начало описи, которое я ему послал в прошлом году, и несколько экземпляров нового «Неизданного Пушкина» (для истории музея) — конечно, по своему обыкновению, не исполнил до сих пор своего обещания, а с тех пор прошло три недели. Гр<инберг> совершенно не понимает, как в «Недрах» могли появиться Тургеневские материалы — клянется, что никому не давал (возможно, что так, но в таком случае у него взяли или попросту украли); а м<ожет> б<ыть>, украли и все начало большой описи, и он поэтому мне не высылает ее?¹ Приезд Гр<инберга> совпал с возобновлением разговоров о защите мною диссертаций на степень *docteur de l'Etat*:* у меня было горячее желание 1) удовлетворить своему честолюбию (ибо не имею никаких титулов, кроме маргаринового профессора²), 2) дать французам представление о том, что такое наш «Пушкин» (у французов большой интерес к русской литературе, но они ничего не знают, как вторую половину XIX века), но я отложил это намерение, когда узнал, что печатание обеих диссертаций будет стоить около 15 000 фр<анков>; теперь же выяснилась возможность напечатания обеих книг («Пушкин» — основная и «Пушкин и Париж» — дополнительная) на счет Сорбонны. Говорил по этому поводу с Гр<инбергом>, который находит, что все титула — вздор и прах, а что дать на французском языке книгу о Пушкине очень хорошо,³ так хорошо, что он считает мне необходимым оставаться еще в Париже и обещает мне устроить продление командировки (вопрос только в том, смогу ли я сам-то остаться, ибо мне нечем жить).

Я очень обрадовался, когда узнал, что В. Д. Комарова⁴ едет в Париж. Два года назад она ничего бы не устроила и, уверен, напортила

---

* доктора наук (франц.).

бы, а сейчас она блестяще может исполнять роль *garde-malade*,* так блестяще, как никто, б<ыть> м<ожет>. Возвращаюсь к вопросу о книгах. Все книги вышли при мне, кроме Одоевского Кубасовского⁵ (которого проглотил с приятною жадностью), двух Пиксановских книг («Студия» и «Два века»⁶ — не знаю его адреса, а то написал бы ему и выразил бы ему всю мою признательность) и 36-го выпуска «Пушкина и его современников»⁷ (сейчас читаю); а я слышал, что в Пушкинском Доме и за его стенами вышло очень много хороших книг и в том числе такая важная и необходимая для меня книга, как приготовленный моим старшим другом и учителем «Дневник Пушкина».⁸ Поставил точку, а надо читать многоточие и даже многоточия. Есть и еще вопрос, вызванный книгами же. Книги возбудили во мне ревность и соревнование, и у меня в пальцах — в мозгу — масса очень хороших статей о всяких разных писателях (особенно хороша о Пушкине — с новыми материалами). И вот вопрос к Вам, дорогой Борис Львович: нельзя ли моих бедных сирот, тоскующих под чужим небом и не ищущих здесь себе даже приюта, куда-нибудь пристроить (есть и хороший Гоголь — и мало ли что другое!). Если бы можно было, Вам достаточно было бы написать мне одно слово, и я сейчас же их стал бы пересылать в письмах (благо, у меня почерк может быть очень мелким и в то же время разборчивым). И еще к Вам повторная просьба: узнайте, ради Бога, можно ли лечить почки в Петербурге в настоящее время — мне хочется в П<етербур>г, а здешние врачи уверяют меня, будто бы условия жизни (питания, лекарства и проч<ее>) таковы, что моим почкам и нервам будет сейчас же крышка. Я веду в Париже такой замкнутый образ жизни (иногда даже забываешь, что в Париже), что, когда в прошлую пятницу вышел в люди (был на вечере Ремизова⁹), мое появление вызвало всеобщее удивление: мне писали, мне посылали корректуру, я ничего не отвечал (ибо ничего и не получал), и все меня считали уже почти год уехавшим в Петербург.

Ну, пора перестать болтовню. Целую Вас, ручки Варвары Николаевны и всех приветствую.

Всегда Ваш Мод<ест> Гоф<ман>.

¹ См. примеч. 9 к письму 62.

² В научно-культурном обиходе начала XX в. так, вероятно, определялись звания, не подтвержденные академическими дипломами (см., например, характеристику, которую дает А. Н. Бенуа комиссару Временного правительства по дворцам П. М. Макарову: «Ничего хорошего я уже не вижу в том, что он гражданский инженер, иначе говоря, „маргаиновый архитектор“» (Бенуа А. Н. Дневник 1916—1918 годов. М., 2006. С. 143)).

* сиделки (франц.).

По прошествии многих лет Гофман утверждал, что все-таки начал писать, как того требовали правила, две докторские диссертации — «маленькую (для получения диплома *docteur de l'Université*, который дает очень мало прав) и большую (для *docteur de l'Etat* — звание, открывающее все двери)». В одном из писем к А. Горской он рассказывал: «С моей профессурой ничего не вышло из-за моего глупого взгляда на то, что нечестно хотя бы на бумаге менять свою национальность (поэтому меня так возмутило, что глава русской эмиграции — В. А. Маклаков — принял из-за житейских удобств французское гражданство; поэтому же меня привело в такой восторг, что Сергей Лифарь, который уже давно получал бы громадную пенсию, если бы был французом, не захотел менять своего несчастного беженского Нансеновского паспорта на французский), я отказался перейти во французское гражданство, а это необходимое условие для занятия профессорской кафедры (и вообще какой бы то ни было государственной службы во Франции — это не то, что в прежней России!)» (Из воспоминаний М. Л. Гофмана).

³ Намерение Гофмана «дать французам представление о Пушкине» осуществилось позднее в монографии «*Pouchkine*» (Paris: Payot, 1931. 383 p.). Книга была написана Гофманом по-русски, ее перевод на французский язык был сделан внуком поэта Н. А. Пушкиным, жившим в Брюсселе (см.: РО ИРЛИ, ф. 246, оп. 7, № 4, л. 36—36 об.).

⁴ *Комарова (урожд. Стасова; псевд. Влад. Каренин и др.) Варвара Дмитриевна* (1862—1942) — писатель, историк литературы и музыки, мемуарист, исследователь жизни и творчества Жорж Санд; дочь адвоката Д. В. Стасова, племянница критика В. В. Стасова. С 1918 г. работала в Пушкинском Доме по вольному найму, а с утверждением штата — научным сотрудником (1919—1924) и ученым хранителем (1924—1932) Рукописного отдела. Летом 1924 г. Комарова ездила в Париж («без предоставления ей особой командировки») в связи с подготовкой в издательстве «Plon Nourrit et Cie» перевода на французский язык 3-го тома ее исследования о Жорж Санд (см.: ПФА РАН, ф. 2, оп. 1 (1919), № 3, л. 218, 239, 247; ф. 150, оп. 1 (1921), № 9, л. 200, 210). Два года спустя, в ноябре 1926 г., она была официально командирована во Францию на торжества в память Жорж Санд по случаю 50-летия со дня смерти писательницы, которые устроило Общество друзей Жорж Санд. С Онегиным В. Д. Комарова была знакома с января 1910 г., о чем свидетельствует ее запись в альбоме гостей парижского Пушкинского музея: «В той комнате, где рукописи Пушкина, я писать ничего не смею» (РО ИРЛИ, № 29337, л. 174). Ироничное замечание Гофмана о «роли *garde-malade*» при Онегине, которую могла бы «блестяще» исполнить Комарова, вызвано, вероятнее всего, дошедшими до него известиями о планах Пушкинского Дома «заменить» его В. Д. Комаровой, в связи с ее предстоящей поездкой в Париж (см.: ПФА РАН, ф. 1, оп. 1 а (1924), № 173, л. 162; ф. 150, оп. 1 (1922), № 3, л. 45). В действительности Комитет Пушкинского Дома уполномочил В. Д. Комарову «получить в подлежащих инстанциях нотариально засвидетельствованную копию с договора, заключенного 7-го декабря 1922 г.» между А. Ф. Онегиным и М. Л. Гофманом (Там же, л. 56—57). О своих встречах с В. Д. Комаровой Гофман сообщит в письмах 68, 69 и 71.

⁵ Имеется в виду кн.: *Кубасов И. А. Декабрист А. И. Одоевский и вновь найденные его стихотворения*. Пб., 1922 (Труды Пушкинского Дома при Российской Академии наук).

⁶ Имеются в виду книги Н. К. Пиксанова «Пушкинская студия: Введение в изучение Пушкина. Темы для литературных работ. Систематическая библиография. Руководящие вопросы» (Пг., 1922) и 1-е изд. семинария по изучению литературы XVIII—XIX вв. «Два века русской литературы. Введение. Темы для литературных работ. Систематическая библиография. Руководящие вопросы: Пособие для высшей школы, преподавателей словесности и самообразования» (М.: Пг., 1923).

⁷ В 36-м выпуске сборника «Пушкин и его современники» (Пб., 1923) были напечатаны среди прочего и заметки М. Гофмана «Из ненапечатанных и непрочитанных сти-

хотворений Пушкина: 1) Стою печален на кладбище... 2) Восстань, о Греция, восстань!
3) Ненаписанное стихотворение Пушкина».

⁸ См. примеч. 2 к письму 51 и примеч. 1 к письму 56.

⁹ Ремизов Алексей Михайлович (1877—1957) — прозаик, драматург, критик, мемуарист. Покинул Россию 7 авг. 1921 г.; сначала остановился в Берлине, в 1923 г. переехал в Париж. Вечер Ремизова, о котором пишет Гофман, состоялся 4 апр. 1924 г. в зале гостиницы «Лютетия». Объявление о нем было напечатано в газете «Последние новости» (отдел «Хроника»): «Талантливый писатель прочтет ряд новых произведений, среди них новый китайский рассказ, сказки весенние и монолог из „Трагедии о Иуде искариотском“. Вечере примут участие пианистка Ф. Дорфман и певец А. Александрович» (Последние новости. 1924. 4 апр. № 1212. С. 3; за указание на этот источник приношу благодарность Е. Р. Обатниной). Гофман и Ремизов были знакомы с начала 1900-х гг., но сблизились в Париже, где общались семьями. Ремизов посвятил М. Л. Гофману «Христову повесть» «О месяце и звездах и откуда они такие» (1906); Модест и Ростислав Гофманы упоминаются в его романе «Мышкина дудочка».

65

28 июля 1924 г. Остенде

Ostende (poste restante*).

28. VII. 1924.

Дорогой Борис Львович,

Вы, должно быть, очень недовольны мною и сердитесь на меня, что я до сих пор где-то околачиваюсь за границей, вместо того, чтобы спокойно сидеть за спокойной и нужной работой в Пушкинском Доме, и, конечно, не представляете себе, что я еще более недоволен (и очень нервничаю из-за этого) тем, что не нахожусь среди Вас. Я совершенно и окончательно собрался ехать в первых числах мая, и только нелепый приезд моей ex-супруги¹ отсрочил поневоле мой отъезд. С О<льгой> Н<иколаевной> я не поехал и потому, что она уехала воровским образом, и еще более потому, что заболел (28 мая) гнойным воспалением средних ушей (с осложнениями несколькими нарывами, анемией мозга и легкими) и находился две недели при смерти (О<льга> Н<иколаевна> уехала на другое утро после того, как доктор сказал, что положение очень тяжелое и опасное и что нужен очень-очень тщательный уход — и я остался один, абсолютно беспомощным, с одним Ростиславом²). Как только я получил слабую возможность думать и писать, первое же мое письмо — это было 24 июня (не июля, а июня) — было послано в Берлин с приложением заграничного паспорта для отсрочки его и наложения визы для въезда в Россию. С тех пор прошло 35 дней,

* до востребования (франц.).

и я не имею обратно паспорта и таким образом арестован и не имею возможности добраться до Берлина (ибо паспорт нужен для немецкой визы), находясь — уже 12 дней — по дороге в Германию и Россию, со всеми уложенными вещами — в Бельгии (в Ostende). Вот первое, главное препятствие. Второе: О<льга> Н<иколаевна> обещала сейчас же по приезде в Петербург написать мне об условиях моего путешествия в Россию, ни одного слова не написала и обе мои телеграммы оставила без ответа. Третье: я жду сообщения из Академии (может быть, мне даже некуда ехать и негде поселиться?) и посылал телеграмму Н. В. Измайлову, который ее оставил также без всякого ответа (как не ответил мне и на письмо, написанное в апреле). Четвертое — и очень непустяшное — у меня в настоящую минуту осталось 50 франков, и тут уж не только о покупке билета нечего мечтать, а я не знаю, где мы с Ростиком будем ночевать послезавтра и что будем есть.³ Если бы была какая-нибудь возможность, я совершил бы поступок (или, если хотите, проступок), которого еще ни разу не совершал даже в очень тяжкие минуты и который считаю незакономерным: напечатал бы где-нибудь кое-что из материалов Онегинского музея.

Вы и не представляете себе, до каких чертиков можно дойти при таких условиях существования: каждый час бегаешь на почту и всегда с одним и тем же успехом — ничего.

Да будет стыдно многим и очень многим! Дорогой Борис Львович, если квартира еще за мной и если в ней живет моя бывшая жена со своей семьей, очень прошу Вас, защитите меня и не допустите того, чтобы она продолжала там жить, — мне нестерпима эта мысль.

Целую Вас и ручки Варвары Николаевны.

Ваш Модест Гофман.

¹ О. Н. Гофман, по утверждению М. Л. Гофмана, еще до последнего своего приезда в Париж «увлеклась» Л. Н. Пуниным (1897—1963) — военным инженером (братом Н. Н. Пунина), и впоследствии вышла за него замуж.

² Позднее Гофман рассказывал А. Горской, что он выжил благодаря своему 9-летнему сыну, «милому и заботливому». Он «стал ухаживать за мной, — писал Гофман, — и выходил меня (это действительно так: он пускал мне капли, звонил доктору, когда мне было плохо, возил меня на прием к нему, исполнял все комиссии — все это гораздо лучше, чем это делала бы жена, если бы осталась, а не бросила мужа в такую опасную минуту)» (Из воспоминаний М. Л. Гофмана).

³ Когда Гофман описывал Модзалевскому обстоятельства своего вынужденного и безденежного пребывания в Остенде, он осознал, что содержание его письма станет известным академическому руководству, и потому не раскрывал истинных причин своей поездки на этот бельгийский курорт, которую совершил в ожидании ответа из Берлина. Много лет спустя Гофман рассказал об этом А. Горской — откровенно, без какого-либо упоминания о своей служебной ситуации середины 1920-х гг.: «Болезнь меня очень обессилила, и необходимо было куда-нибудь уехать из Парижа на поправку, а после пребывания Оли и лечения у меня ничего не оставалось, — к счастью, Paul Vouyer

пришел мне на помощь и дал мне средства на поправку <...>, и мы с Ростиком поехали в Остенде <...>. В Остенде нам очень понравилось. Лето было исключительно хорошее и теплое, так что было хорошо даже у Северного моря <...>. В Остенде я вообще не скучал: здесь я встретился со своим петербургским знакомым (в Петербурге мы были мало знакомы, подружились только в Остенде) Вл<адимиром> Ник<олаевичем> Ракинтом, одним из бывших хранителей Эрмитажа. <...> Осенью вернулись в Париж и прожили очень трудный год — один из самых трудных в моей эмигрантской жизни: все, что мне дали на поездку в Остенде, я истратил или проиграл (в местном казино. — Т. К.) и остался с 869 франками в триместр в Institut d'études slaves» (Из воспоминаний М. Л. Гофмана).

66

С. Ф. Ольденбургу
7 сентября 1924 г. Париж

28, Rue St. Benoit.
Paris VI-e.
7. IX. 1924.

Письмо отправлено 10 сентября
(задержал в постоянной надежде
получить письмо из Берлина или Ленинграда).

Глубокоуважаемый Сергей Федорович, в последнем письме, которое я получил из Ленинграда, мне пишут о том, что Вы недовольны мною, не зная, зачем я остаюсь в Париже. Позвольте Вам со всею искренностью ответить, что я остаюсь так долго и так ненужно в Париже исключительно по вине берлинской комиссии по заграничным закупкам Наркомпроса и что от долгого пребывания за границей я являюсь страдающим лицом. Получив в феврале этого года Ваше письмо с вопросом, сколько времени я намерен еще оставаться в Париже и какие шаги намерен предпринять в отношении Онегинского музея, я тотчас ответил Вам, что меня больше ничто не удерживает в Париже, что я хочу скорее вернуться в Ленинград, но что я считал бы (и продолжаю считать) необходимым напечатать перед отъездом из Парижа хотя бы самую краткую опись Онегинского музея, предусмотренную договором (без такой описи-инвентаря введение Академии Наук во владение музеем будет очень затруднено).¹ Приблизительно через месяц я получил ответ из Пушкинского Дома: мне писали, чтобы я сделал все возможное для того, чтобы напечатать скорее опись-инвентарь, и возвращался в Ленинград. Тогда же приехал в Париж З. Г. Гринберг, с которым я имел продолжительный разговор: он считал совершенно необходимым напечатание такой описи и очень желательным опубликование в Париже на французском языке моей

книги о Пушкине — и обещал мне немедленно по возвращении в Берлин выслать мои материалы — опись, которую я по частям начал ему высылать с начала 1923 года. На мой вопрос — будет ли мне обеспечена материальная возможность возвращения в Ленинград, он ответил безусловно категорически, сказав, что мне достаточно написать в Берлин, чтобы он тотчас же выслал деньги на дорогу. Подождав две недели высылки обещанных мне материалов описи, я написал ему об этом письмо, но не получил никакого ответа (по вопросу об описи я так до сих пор не имею никакого ответа). В апреле, под влиянием очень плохого самочувствия, вечной гнетущей материальной нужды и тоски по работе, от которой я отрезан вот уже два года, я написал З. Г. Гринбергу письмо, в котором говорил о своем желании немедленно вернуться в Ленинград — и снова не получил ответа. В мае ко мне — или, лучше сказать, за мною — приехала моя жена, и я должен был с нею вместе ехать, но 28 мая я тяжело заболел гнойным воспалением средних ушей, и жена моя уехала одна, оставив меня в совершенно безнадежном положении. Как только здоровье мое позволило мне держать в руке перо, я написал в Берлин 24 июня (на имя А. И. Магеровской, т.е. З. Г. Гринберга в то время не было в Берлине) умоляющее письмо с приложением моего паспорта с просьбой немедленно выслать мне визу и деньги на дорогу (после кражи у меня кошелек со всеми деньгами и с золотой академической медалью я оставался буквально без единого франка и раз в день питался тем, что мне приносили мои знакомые). Не получая в течение двух недель ответа, я написал о том же З. Г. Гринбергу и просил его ответить мне по телеграфу, ибо больше не мог ждать (тем более, что каждый лишний день заставлял меня входить в долги, осложнял возвращение и трепал нервы, достаточно уже потрепанные Онегинским делом); на этот раз я через два дня получил ответ по телеграфу: «Для получения визы необходим *sauf-conduit** и метрика сына. Вышлите немедленно». В тот же день я послал метрическое свидетельство сына и написал, что я в Париже живу не по *sauf-conduit*, а по *certificat d'identité*,** которое выслать не могу (ибо как же я могу получить французскую визу на выезд и транзитные визы?), но которое привезу в Берлин и сдам. Это письмо, отправленное заказным, вернулось ко мне обратно 16 июля «за ненахождением адресата». В тот же день я его снова отправил З. Г. Гринбергу и терпеливо ждал ответа еще две недели. Через две недели я написал еще более тревожное письмо — и все с тем же успехом. Наконец, 11 августа я получаю обратно свой паспорт с визой, действительной на въезд в Россию до

* пропуск, охранное свидетельство, сертификат гражданства (франц.).

** документ, соответствующий паспорту, для пересечения границы страны (франц.).

16 августа (странно думать, что в 4 дня можно собраться, получить все многочисленные транзитные визы и доехать до русской границы) и — вместо денег на дорогу, как то мне было совершенно гарантировано З. Г. Гринбергом — извещение нового председателя Комиссии (Новикова) о том, что по приезде в Берлин я должен представить *certificat d'identité*, фотографическую карточку и внести 32 рубля золотом за продление паспорта и визу. В тот же день я написал новому Председателю Комиссии Наркомпроса письмо с изложением обстоятельств дела и с просьбою выслать мне немедленно деньги на дорогу в Бельгию, где я находился со всем своим багажом по пути в Россию, и рассказал свое положение моральное, материальное и служебное (писал об ультиматуме, полученном мною из Академии) — положение, которое заставляет меня рваться к моей привычной и любимой работе. Вновь ждал ответа 2 недели (письмо в Берлин идет 2 дня) и, не получив оно, 25 августа написал его секретарю Р. Р. Мееровичу с просьбой немедленно сообщить мне о причинах молчания Комиссии (до сего дня и на это письмо я не получил ответа); Р. Р. Мееровичу я писал также о том, что против своего желания принужден возвращаться вместо Ленинграда в Париж, и просил его довести до сведения Председателя Комиссии, что я снимаю с себя всякую ответственность перед Наркомпросом и перед Академией Наук, командировавшей меня за границу. По возвращении в Париж я немедленно явился в Аркос² и просил меня отправить в Берлин, надеясь, что оттуда меня отправят в Ленинград, и получил совет отправиться на свой счет, чего я не мог сделать, имея одни долги и ведя уже давно голодную жизнь (в то время, как я имею по Франции льготный проезд, билет в Берлин мне совершенно не по средствам, не говоря уже о визах). Вот уже две недели я бегаю по Парижу в тщетных поисках какой бы то ни было работы, голодая и делая долги, и только сейчас мелькает надежда получить работу в провинции на полевые работы — вместо того, чтобы сидеть в Пушкинском Доме и у себя в кабинете за своими начатыми работами. Я Вам подробно описал мои злоключения с попытками возвращения, ибо не знаю, доходят ли мои письма до Пушкинского Дома: в конце июля я писал Б. Л. Модзалевскому,³ а 11 августа Н. В. Измайлову, но ни от того, ни от другого ответов до сих пор не имею. Простите, глубокоуважаемый Сергей Федорович, что беспокою Вас таким длинным письмом, но мне очень не хочется, чтобы Вы думали, что совершенно бесцельное (не говоря уже о том, что трудное) существование в Париже я предпочитаю рабочей и интересной жизни в Академии с осмысленной и единственно важной для меня целью жизни. Что касается до печатания описи, то я мог бы ее составить, пользуясь своими черновиками, но на какие средства ее печатать? Сам же Онегин очень плох (нельзя

сравнивать с прошлым годом): по моему мнению, он буквально сходит с ума, и можно всего опасаться (третьего дня он кричал на меня за то, что я его ограбил на 1750 франков — сумма, которую уплатил Скобелев не из 100 000, полученных Онегиным, за нотариальное засвидетельствование договора).

Глубоко уважающий Вас Модест Гофман.

ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1927), № 16, л. 11.

¹ См. примеч. 1 к письму 61 и письмо 62.

² Аркос (All Russian Cooperative Society Limited) — акционерное торговое общество, учрежденное в Лондоне в 1920 г. как частная кампания и имевшее отделения в ряде стран (с 1922 г. — Arcos Ltd.). Выступало в качестве официального представителя советских внешнеторговых организаций; находилось под контролем ГПУ.

³ См. письмо 65.

67

Н. А. Котляревскому
20 сентября 1924 г. Париж

20. IX. 1924.

Глубокоуважаемый и дорогой Нестор Александрович, простите, пожалуйста, что посылаю Вам заявление,¹ написанное в тоне, совершенно неприличествующем мне в отношении к Вам. Пишу его не Нестору Александровичу, а директору Пушкинского Дома, дабы последний мог показать Непременному Секретарю или кому следует. Видя от Вас, глубокоуважаемый Нестор Александрович, во всех случаях одно доброе, я нисколько не сомневаюсь в том, что и на этот раз Вы сделали все возможное, чтобы мне не был нанесен совершенно незаслуженно и глубоко несправедливо удар, обрекающий меня на ужасную во всех отношениях жизнь в Париже и закрывающий мне дорогу в Россию из-за ложности и рискованности моего положения исключенного со службы² (не только из-за того, что я увеличу собою кадры безработных Ленинграда). Между прочим, никакого официального требования вернуться к 1 июля я не получал (о том, что оно было послано, мне писал в последних числах июля Н. В. Измайлов) и думаю, что оно было отправлено так же точно, как в свое время было послано из Канцелярии Непр<еменного> Секретаря ходатайство в Москву о Вашей заграничной командировке.³ То, что я написал о потере моего здоровья на Онегинском деле, — не пустая фраза (недаром, по приезде моем в Париж, все меня отговаривали возиться с ним — а как я возил-

ся! — уверяя, что он раньше уложит меня в могилу, а потом сам ляжет). Теперь я получил от Академии достойную награду за мои хлопоты, которые увенчались успехом (а если бы Академия вовремя поддержала бы меня и захотела бы немного побеспокоиться и выхлопотать средства на перевозку Онегинского музея, к 1—15 июня 1923 года весь музей находился бы в стенах Академии Наук, которая сверх того имела бы от Онегина 500 000 франков на содержание музея; подтвердить истинность моих слов может Ольга Николаевна,⁴ которая была свидетельницей того, как Онегин приставал ко мне с перевозкой музея; Онегин выражал это желание, начиная с 1 апреля, а реальная возможность перевозки музея Онегина появилась только в конце августа — с приездом Сергея Ф<едоровича> в Париж, когда обозленный оттяжками и восстановленный против меня письмом Пушкиной⁵ Онегин уже разду-

мал). Не могу в себя прийти от письма Н. В. Измайлова!⁶ Я как раз между 10 и 15 сентября делал героические усилия, чтобы достать деньги на дорогу, достал их и собирался посылать телеграмму, как получил известие о том, что у Онегина пошла кровь горлом. Это известие, а также явное психическое расстройство Онегина, которое заставляет опасаться всего (из боязни, что он в припадке большой злобы может уничтожить рукописи, я стал даже наводить справки о возможности помещения его в Charenton⁷ — узнал, что при протекции это нетрудно), несколько поколебали мою решимость, и в день получения мною письма от Н. В. Измайлова к Вам должно было быть отправлено совсем другое письмо — с вопросом: следует ли мне при таких обстоятельствах немедленно выезжать или лучше несколько повременить (в таком случае я просил назначить меня заведывающим Парижским отделением Пушкинского Дома).

Мне не надо говорить о том, что глубоко несправедливый поступок Академии нисколько не изменит моей преданности Пушкинскому Дому, об интересах которого я буду заботиться так же, как и тогда, когда еще состоял на службе в П<ушкинском> Доме.

Еще раз простите за заявление и глубокое, большое спасибо за все доброе, чем я Вам обязан.

Истинно и глубоко уважающий Вас и преданный Вам
Модест Гофман.

ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1927), № 16, л. 12.

¹ См. письмо 68.

² С 1 июня 1924 г. решением Правления РАН М. Л. Гофману была прекращена выдача «денежного содержания», а 1 июля 1924 г. он был уволен со службы в Академии наук (см.: ПФА РАН, ф. 1, оп. 1а (1924), № 173, л. 164 об.; ф. 2, оп. 1 (1919), № 3, л. 249).

³См. примеч. 2 к письму 35.

⁴О. Н. Гофман.

⁵См. примеч. 13 к письму 56.

⁶Письмо не сохранилось.

⁷Известная психиатрическая клиника в местечке Шарантон-ле-Пон (Charenton-le-Pont) в двух километрах к юго-востоку от Парижа.

68

Н. А. Котляревскому
20 сентября 1924 г. Париж

Директору Пушкинского Дома
при Российской Академии Наук
бывшего Ученого Хранителя
профессора М. Л. Гофмана

заявление.

Хотя я и не получил официального извещения, не имею оснований не верить частному письму Н. В. Измайлова, сообщившего мне сперва об отрешении меня от должности Ученого Хранителя, а затем и об отчислении меня вовсе от Пушкинского Дома. Думаю, однако, что Н. В. Измайлов заблуждается (по своей неосведомленности), сообщая, что мотивом моего исключения из Пушкинского Дома является моя неявка в срок, поставленный мне Пушкинским Домом. Об этом сроке (уже значительно позже его истечения) я узнал опять-таки только из частного письма того же Н. В. Измайлова, который писал мне, что в свое время было послано мне официальное предупреждение (если оно было послано заказным письмом, то нетрудно справиться, было ли оно получено мною). Без всякого требования со стороны Пушкинского Дома явиться к 1 июля я собирался приехать к 15 июня, несмотря на то, что Председатель Комиссии по заграничному снабжению Наркомпроса настаивал на том, чтобы я оставался в Париже, и только тяжелая болезнь (гнойное воспаление средних ушей — эта болезнь была эпидемической и унесла очень многих в могилу) задержала мое возвращение в Ленинград. О моей болезни и о том, что она явилась единственной причиной невольной задержки моей в Париже, Пушкинскому Дому было хорошо известно сперва от моей жены, оставившей меня в Париже в очень тяжелом положении, потом от научной сотрудницы Пушкинского Дома В. Д. Комаровой (мне сообщили, что ее письмо дошло до Пушкинского Дома),¹ а затем, как только состояние моего здоровья позволило мне то, я и сам сообщил в Пушкинский Дом. Думается мне, тяжелая болезнь должна быть признана достаточно уважительной

причиной моей неявки в срок. Задолго до излечения, в июне текущего года, я начал усиленные хлопоты о возвращении, но только 11 августа получил свой паспорт с визой, действительной на выезд в Россию до 16 августа, а вместо гарантированных мне Председателем Комиссии по заграничному снабжению Наркомпроса средств на дорогу — требование уплатить 32 золотых рубля за визу и за продление паспорта. Как теперь оказывается, я должен быть доволен, что не получил три недели тому назад денег на дорогу, ибо иначе я приехал бы как раз к моменту исключения меня со службы и попал бы в число безработных Ленинграда.

Еще менее допускаю я возможность исключения меня из Пушкинского Дома вследствие моей деятельности в Париже в качестве представителя Пушкинского Дома, ибо блестящее, смею сказать без хвастовства, выполнение поручения, возложенного на меня Пушкинским Домом, стоившее мне потери здоровья, работа в Музее и заключение такого договора, на который нельзя было и надеяться, — могут мне ставиться только в заслугу, но никак не в вину.

Теряясь совершенно в догадках о возможных причинах исключения меня со службы без всякого предуведомления и не находя их, имею честь просить Вас не отказать сообщить мне, что именно побудило Пушкинский Дом исключить меня из списка своих сотрудников.²

Поступив глубоко несправедливо со мной, Пушкинский Дом, сместив меня с должности и исключив мое имя из списка даже нештатных сотрудников, в то же время и очень осложнил то дело, для которого я был командирован в Париж. На прошлой неделе у А. Ф. Онегина пошла кровь горлом, и к нему были вызваны его душеприказчики, так как доктора опасались его кончины. Опасность эта не миновала, и я прошу мне сообщить, должен ли я принимать какие-либо меры, которые гарантировали бы передачу Музея Пушкинскому Дому, хотя, признаюсь, что мне будет очень трудно действовать в качестве представителя Пушкинского Дома, отрешенного от должности и исключенного из списка научных сотрудников.

Модест Гофман.

20. IX. 1924.

28, Rue St. Benoit.

Paris (6-e).

ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1927), № 16, л. 7—8; фрагмент письма опубликован в статье М. Ш. Файнштейна «Из истории собрания А. Ф. Онегина в Пушкинском Доме» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993. С. 313).

¹ См. примеч. 4 к письму 64. Письмо В. Д. Комаровой, которое упоминает Гофман, обнаружить не удалось.

²Черновик ответного письма Н. А. Котляревского, датированный 4 нояб. 1924 г., сохранился в делопроизводственном архиве Пушкинского Дома: «Многоуважаемый Модест Людвигович. Я не сразу отвечаю на Ваше официальное ко мне письмо потому, что раньше, чем отвечать, хотел, согласно постановлению Комитета Пушкинского Дома, снестись с Вашими родными и отчетливее выяснить, что можно сделать для того, чтобы вывести Вас из того положения, в которое Вы стали. Теперь, по общему обсуждению, мы пришли к единственному возможному, по нашему мнению, плану. Так как Ваше отчисление от Академии, несмотря на все наши хлопоты о противном, состоялось, мы уже не можем просить Академию выступить с просьбою о содействии Вашему возвращению в Россию; но, как нам кажется, Вы сами должны были бы теперь же предпринять определенные и решительные шаги к реабилитации себя, чтобы не попасть в ряды добровольных эмигрантов. По нашему общему мнению, Вам следует обратиться к А. В. Луначарскому с официальным письмом, в котором спокойно были бы изложены все факты, Вами уже рассказанные в письме к Непременному секретарю; в письме этом Вы могли бы просить А. В. Луначарского, путем его сношения с Нарком<атом> ин<остранных> дел и берлинским представителем Комиссариата просвещения, восстановить Вас в правах и содействовать Вашему возвращению в Ленинград. Зная, когда именно Вы обратились к наркому Луначарскому, и мы бы, с своей стороны, через Непременного секретаря, могли бы выступить на Вашу защиту, указав, насколько Вы были бы нужны нам для работы здесь, где всегда будут рады Вашему возвращению. Вопрос о болезни Ваших почек может быть разрешен только Вами самими, так как Вам, конечно, виднее, можете ли Вы с Вашєю болезнью приехать в Ленинград, — у нас же по этому поводу не может быть своего суждения» (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1921), № 9, л. 243).

69

3 апреля 1925 г. Париж

10, Rue de Vaugirard.
Paris VI-e.
3. IV. 1925.

Дорогой Борис Львович,
хотя Вы меня и совершенно не желаете знать, больше года не писали мне и все мои письма оставили без ответа (последнее было в конце июля 1924 года), пишу Вам краткое письмо — отчет о происходившем и происходящем.

В сентябре 1922 года я приехал в Париж — как раз в тот момент, когда А. Ф. Онегин хотел уничтожить (в страшном гневе на Академию) свое завещание 1918 года, по которому он оставлял все свое имущество и капитал Академии — думаю, что мой приезд, мои ухаживания и — в то время — дружба с ним спасли очень многое для Пушкинского Дома. Вы знаете также, что ко времени моего приезда накопилось долгу только за старое время и за преждеприобретенное (т. е. часть музея) 30 000 рублей = 300 000 франкам; знаете, что очень большими усилия-

ми, связанными с потерей здоровья (чему все парижане свидетели), мне удалось — за 100 000 фр<анков> (возвращающиеся в Академию) — заключить договор, не оставляющий уже никаких сомнений в том, что весь музей — полная и бесспорная собственность Академии. Знаете, что осенью 1923 года, накануне приезда С<ергея> Ф<едоровича>, я поссорился с Онегиным (теперь — перед смертью — он опять все хотел меня видеть), и здоровье мое было таково (а оно теперь хуже — не лучше), что сам г<осподин> неперемный секретарь настаивал на том, чтобы я ехал на юг лечиться и отдыхать. Вы знаете, что в феврале 1924 г. я удостоился получить письмо от г<осподина> неперемного секретаря с вопросом, что я намерен предпринять для укрепления за Академией музея, а также — когда намерен возвращаться. Я имел честь им ответить, что меня ничто не удерживает и — вполне искренно — я хочу как можно скорее покинуть Париж для Ленинграда, но считаю необходимым перед отъездом напечатать хотя бы самую краткую охранную опись. Ответ уже я получил от Вас, а не от них — с полным одобрением моих предположений — и тотчас вошел в сношения с Гринбергом, прося у него дать средства на печатание описи (распоряжение об этом он дал своей парижской представительнице в Аркосе) и прислать имеющееся у него начало составленной мною описи (последнего я так и не дождался: Тургенева он дал Ангарскому для «Недр»,¹ а Жуковского, очевидно, потерял) и написал жене (бывшей), чтобы она не приезжала, т<ак> к<ак> я скоро выезжаю. Тем не менее она приехала 7 мая и сообщила мне, что Академия намерена послать мне требование вернуться к 1 июля (этого требования я так и не получил, но независимо от него собирался ехать, плюнув на опись, — ибо считал, что только возвращение домой и к своей работе спасет меня от моих болезней и черной тоски, вызванной праздностью, — я не хотел компрометировать П<ушкинский> Дом и потому ни единой строчки не печатал в 1923 и 1924 гг.). На мое горе 28 мая я заболел гнойным воспалением средних ушей, был близок к смерти (и даже осужден на нее) и пролежал до 16 июля; Вам известно, однако, что в этот промежуток сотрудница П<ушкинского> Дома В. Д. Комарова написала в Академию Наук о моем намерении вернуться тотчас же, как только поправлюсь и получу деньги на дорогу, а также и то, что, несмотря на сильный жар, я написал письмо Гринбергу с просьбой выслать мне визу и деньги на дорогу (это было около 20 июня). Визу я получил только 11 августа, а денег так и не получил, несмотря на все обещания той стороны и мою бомбардировку. 26 августа я явился в Аркос к т<оварищу> Левинскому с просьбой или отправить меня в Россию, или принять меня на службу с тем, чтобы я мог себе заработать на дорогу. И в том и в другом — как оказалось, к счастью, — получил

отказ, — а вскоре после этого получил частное письмо от Измайлова (начальство даже не сочло нужным меня известить о том) с сообщением об увольнении меня за неявку в срок, несмотря на то, что Академия знала причину (я писал и Вам, и г<осподину> Ольденбургу) моей «неявки в срок» — не вымышленная и не пустяшная болезнь. В первых числах октября я виделся с вице-президентом Академии² и рассказал ему все; он был глубоко возмущен происшедшим, уверял меня, что Пушк<инский> Дом ввел в заблуждение президиум, который был убежден, что я не хотел возвращаться, и обещал распутать это недоразумение. Как он распутал — не знаю. Это все присказка, а теперь сказка.

Несмотря на очень некрасивое и неблагородное поведение Академии (я имею право говорить это с полным спокойствием и с полным пониманием значения этих слов), я решил продолжать свою работу в интересах не лиц, а самого учреждения Академии Наук и русской науки и стал восстанавливать по своим черновикам опись музея, каковую и закончил в декабре. В декабре, скрепя сердце, я написал Красину³ подробное письмо с изложением всех обстоятельств и предлагал ему передать для издания свою опись, указывая на необходимость сделать это, во избежание возможных осложнений, до смерти А. Ф. Онегина, который был уже очень плох. На это письмо я не получил ответа. Попытка моя прибегнуть к посредничеству одной служащей коммунистки увенчалась таким же успехом. Тогда я решил умыть руки — в сознании, что я сделал не меньше, а даже больше, чем того требовал мой нравственный долг перед Академией Наук. А вскоре после этого я получил извещение из Академии — за подписью Ольденбурга и какого-то неграмотного Управляющего делами Конференции — о лишении меня полномочий «ввиду оставления Вами (??) службы в Рос<сийской> Акад<емии> Наук»⁴ (как будто Красин и Волин,⁵ которым переданы мои полномочия, состоят на службе в Р<оссийской> Академии Наук; я хоть член Пушкинской Комиссии....).

23 марта умер А. Ф. Онегин. Душеприказчики его намерены были передать мне все имущество (благо же, у меня и опись), но, узнав, что представитель Академии не я, а Красин, отказались это сделать и действуют через франц<узского> нотариуса и juge de paix.* Теперь положение такое: музей опечатан и будет передан назначенным (по просьбе душеприказчиков) administrateur*ом judiciaire** Красину после того, как будет выяснена ценность имущества (это одно уже составляет большой расход времени и денег: administrateur judiciaire получает 2%

---

* мировой судья (франц.).

** судебный администратор, представитель суда, который занимается имуществом умерших лиц, не имевших наследников (франц.).

со всего завещанного имущества — не будь письма Ольденбурга с лишением меня полномочий, не было бы и этого ненужного расхода). Далее: юристы оспаривают сделку на будущие приобретения («ainsi que de tous ceux qui seraient acquis ultérieurement»⁶) и считают, что собственностью Академии по договору является только то, что уже описано (а так как Красин отказался принять от меня опись, то у него и нет ничего, кроме Вашей печатной описи⁶), все же остальное переходит в собственность Академии не по договору, а по завещанию. А из этого следует: 1) что громадная часть музея облагается наследственной пошлиной (каковая во Франции умопомрачительная — недаром ее так боялся А. Ф. Онегин!), 2) для определения ее стоимости, а также для передачи новым владельцам будет составляться приглашенным специалистом опись музея, на что уйдет по всей вероятности около полугода.

По моей вине Академия Наук получила весь музей и капитал Онегина — свыше 500 000 фр<анков> (и очень красиво и благородно отблагодарила меня), не по моей вине (нетрудно увидеть, по чьей) Академия Наук должна будет заплатить около 250 000 фр<анков> и получить музей только через полгода.⁷

Сердечно приветствую Варвару Николаевну, не приветствую Н. В. Измайлова — ибо он неприличнейшим образом не отвечает мне на 4 письма, написанные мною в декабре и январе.

Глубокоуважающий Вас, любящий и преданный Вам — несмотря ни на что —

Мод<ест> Гофман.

¹ См. примеч. 9 к письму 62.

² Речь идет об академике В. А. Стеклове, который с 10 июля по 16 окт. был командирован в Америку и Европу (см.: Отчет о деятельности Российской Академии наук за 1924 год. Л., 1925. С. 199).

³ Красин Леонид Борисович (1870—1926) — советский партийный и государственный деятель, инженер. С 1921 г. был торгпредом России в Лондоне; одновременно возглавлял Наркомвнешторг. В конце 1924 г. был назначен полномочным представителем СССР во Франции. В январе 1925 г. Академия наук выдала Красину доверенность, в соответствии с которой к нему переходили полномочия по охране Онегинского музея и защите интересов РАН в этом деле (см.: ПФА РАН, ф. 2, оп. 1 (1919), № 3, л. 322, 323, 350, 356, 360, 378, 400; ф. 150, оп. 1 (1922), № 3, л. 66).

⁴ Официальное уведомление РАН о лишении М. Л. Гофмана полномочий, которые он получил в мае 1922 г. «по делу, касающемуся Музея А. Ф. Онегина в Париже», датировано 26 янв. 1925 г. и подписано С. Ф. Ольденбургом и Б. Н. Моласом (ПФА РАН, ф. 2, оп. 1 (1919), № 3, л. 383). О Б. Н. Моласе, управляющем делами Конференции РАН

* «также всех тех <предметов>, которые впоследствии будут приобретены» (франц.) (цитата из договора).

в 1923—1929 гг., с которым Гофман не был знаком, см.: Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905—2005. СПб., 2005. С. 75.

⁵ *Волин Борис Михайлович (наст. фамилия и имя Фрадкин Иосиф Ефимович)* (1886—1957) — советский партийный и государственный деятель, публицист. В 1924—апреле 1925 гг. был 1-м секретарем Полномочного представительства СССР во Франции. В 1925—1926 гг. работал заместителем редактора «Известий», в 1926—1927 гг. заведовал отделением ТАСС в Вене, в 1927—1929 гг. — отделом печати НКВД.

⁶ Имеется в виду краткое описание Онегинского музея, напечатанное Б. Л. Модзалевским в 1909 г. (см.: Пушкин и его современники. СПб., 1909. Вып. 12. С. 7—47; отд. оттиск: СПб., 1909).

⁷ Когда это письмо было получено, в Пушкинском Доме тотчас же сняли с него копию, смягчив при этом отдельные формулировки Гофмана (от слов: «В сентябре 1922 года я приехал в Париж» до: «получить музей только через полгода»), и направили ее в Президиум РАН «с просьбой принять самые спешные и решительные меры для обеспечения интересов Академии наук и Пушкинского Дома в деле получения Музея и наследия А. Ф. Онегина во избежание крупных денежных потерь и большой затраты времени, могущей надолго отложить поступление Музея в Академию». В качестве такой меры Н. А. Котляревский и Б. Л. Модзалевский, подписавшие письмо, предлагали «запросить» Красина о положении дела с Онегинским музеем и «просить его немедленно войти в сношения с М. Л. Гофманом, привлечь его в качестве эксперта к занятиям в Музее и получить от него составленную им опись, имеющую силу официального документа (как написанную в то время, когда М. Л. Гофман был представителем РАН), каковая опись должна служить доказательством распространения действия договора на весь Музей, а не только на часть его, вошедшую в печатную опись» (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1922), № 3, л. 61).

70

26 августа 1926 г. Жуан-ле-Пен

Villa La Casetta.

Juan-les-Pins (A<lps> M<aritime>).¹

26. VIII. 1926.

Я не знаю, кого должен благодарить за присылку моих двух рукописей и нескольких, очень дорогих мне книг, но не хочу быть неблагодарным и потому прошу принять мою глубокую и горячую благодарность того, кто повинен в присылке мне книг. Мне очень досадно, что я не могу отблагодарить по мере моих сил Пушкинский Дом, хотя и имел такое намерение: я приготовил все мои работы и статьи, напечатанные за последние 2 года (в количестве около 80 №№, из которых некоторые, смею думать, представили бы интерес для Пушкинского Дома и для лиц, работающих в нем) и хотел их передать в П<ушкинский> Д<ом> через С. Ф. Платонова.² К моему большому сожалению, ничего из этого не вышло: я уехал из Парижа на юг до приезда С<ергея> Ф<едоровича>, а на все мои письменные обращения в Париж с

просьбой сообщить мне его парижский адрес не получал никакого ответа. Помимо передачи вырезок и работ, мне и очень хотелось, и очень нужно было (для пользы дела) переговорить с ним и о себе и — еще больше — о музее А. Ф. Онегина.

Всегда преданный Пушкинскому Дому и признательный ему

Мод<ест> Гоф<ман>.

Интересна ли П<ушкинскому> Д<ом>у моя работа, к<отор>ую я сейчас печатаю: «Психология творчества Пушкина»?³

¹ Курорт на французской Ривьере. По воспоминаниям М. Л. Гофмана, в 1925—1939 гг. они с сыном проводили там каждое лето, и были «Juan-les-Pins»скими патриотами».

² Платонов Сергей Федорович (1860—1933) — историк-медиевист, автор фундаментальных исследований по истории Московской Руси и Смутного времени; академик. Во время заграничной командировки Н. А. Котляревского исполнял должность директора Пушкинского Дома (февраль—начало июня 1924 г.; см. примеч. 1 к письму 63); после смерти Котляревского был назначен директором Пушкинского Дома (август 1925—1929; в январе 1930 г. был арестован по «академическому делу»). В июне—июле 1926 г. С. Ф. Платонов находился в Париже «для урегулирования вопросов, связанных с вывозом из Парижа в Ленинград принадлежащих АН литературно-исторических материалов так называемого „Онегинского собрания“» (Отчет о деятельности Академии наук Союза Советских Социалистических Республик за 1926 год. Л., 1927. Ч. 2. С. 19).

³ См. примеч. 12 к письму 35.

71

С. Ф. Ольденбургу
5 октября 1926 г. Париж

5. X. 1926 г.
Париж.

Многоуважаемый Сергей Федорович, по возвращении в Париж¹ я узнал, что Вы очень недовольны печатанием в Bibliothèque de l'Institut français de Léningrad книги: «Le musée Pouchkine d'Alexandre Onèguine à Paris. Notice, catalogue et extraits de quelques manuscrits par Modeste Hofmann».* Ваше недовольство мне очень неприятно,² ибо, печатая эту книгу (хороня в издании, которое вряд ли кому станет известным), я руководствовался не главным образом, а исключительно интересами Академии Наук, и потому считаю своим долгом рассказать Вам историю этой книги, приготовленной к печати в 1924 году.

* Гофман Модест. Пушкинский музей Александра Онегина в Париже. Обзор, каталог и извлечения из рукописного собрания (франц.).

Весной 1924 года на Ваш запрос, что я намерен предпринять для закрепления за Академией Онегинского музея и когда предполагаю вернуться в Россию, я ответил, что меня в Париже ничто не удерживает и что я готов хоть сейчас вернуться (у меня было самое горячее желание как можно скорее покинуть Париж), но что я считал бы необходимым предварительно напечатать хотя бы краткую опись музея (раньше предполагалась пространная с опубликованием всех материалов) и краткую историю его, дабы, в случае смерти А. Ф. Онегина, не возникло споров о праве Академии Наук на музей и дабы основное имущество музея перешло по напечатанной описи, предусмотренной договором 1922 года, а не по завещанию А<лександра> Ф<едорови>ча.³ Мне казалось необходимым, чтобы такая опись появилась при жизни А. Ф. Онегина: в таком случае устанавливались совершенно точные границы между тем, что уже принадлежит Академии по праву собственности (по договору), и тем, что будет ей принадлежать по завещанию. Вы мне ответили тогда, что согласны с моим мнением, и предложили мне поторопиться с изданием краткой истории и краткой описи музея (для чего войти в сношения с З. Г. Гринбергом) и немедленно после напечатания описи возвращаться в Академию Наук. Я тогда же вошел в сношения с З. Г. Гринбергом, который очень любезно пошел навстречу, приняв на счет Комиссии издание книги и обещав переслать мне материалы для пространной описи музея, которые я ему посылал в 1923 году. Между тем за 2 месяца я от него не получил ни единой строчки; в конце концов выяснилось, что, за исключением писем Тургенева (приготовленных мною к печати), переданных им редактору «Недр» (где они и появились за чужой подписью),⁴ все остальные материалы были им утеряны. Потеряв напрасно 2 месяца, я решил возвращаться в Ленинград с тем, чтобы уже там по имеющимся у меня черновикам описи восстановить ее, но в это время опасно заболел гнойным воспалением средних ушей (чему свидетельницей была сотрудница Пушкинского Дома В. Д. Комарова).⁵ Несмотря на болезнь, я тогда же (в июне 1924 года) возбудил ходатайство перед З. Г. Гринбергом о визе для въезда в СССР. Паспорт с визой мне был возвращен только 13 августа (несмотря на мои неоднократные напоминания), причем срок визы истекал 16 августа. Очевидно, что в 3 дня я не мог раздобыть средств для поездки, получить все необходимые визы и доехать до границы СССР и возбудил новые ходатайства о возвращении. Как раз в это время Академия Наук, несмотря на то, что ей было известно о всех моих хлопотах для возвращения и о моем возвращении в ближайшие недели, отчислила меня от службы — по причинам, которые до сих пор мне совершенно непонятны. Это отчисление, которое я не мог и не могу не считать глубоко несправедливым, заставило меня

остаться в Париже и создало мне очень незавидное положение. Тем не менее я продолжал ту работу, которую считал необходимой для Академии Наук, и к декабрю месяцу 1924 г. мне удалось восстановить опись и приготовить к печати краткую историю музея и краткую опись. Узнав, что полномочия представителя Академии Наук переданы полпреду Красину, я в декабре 1924 года обратился к нему с предложением принять от меня приготовленную опись и напечатать ее возможно скорее ввиду резко ухудшившегося состояния здоровья А. Ф. Онегина. Не получив от полпреда никакого ответа и ввиду его отказа принять от меня опись (я возобновил предложение через служащих в Полпредстве), я написал в Пушкинский Дом⁶ как об этом, так и о том, что буду изыскивать другие пути для издания описи, и с этой целью обратился к проф<ессору> Воуег.⁷ Должен оговориться, что никакие мотивы корыстолюбия не руководили мною, ибо я предлагал Л. Б. Красину рукопись безвозмездно; из Institut français de Léningrad, где я и получил за всю книгу гонорар в размере 500 франков (=30 рублям), между тем, как в частном издательстве я получил бы около 6000 фр<анков>: 1) мне не хотелось связывать имя Академии Наук с частными издательствами за границей, 2) для тех целей, какие я преследовал (защитить неоспоримость прав Академии на весь музей), французское научное учреждение более всего подходило для роли издателя. Проф<ессор> Воуег очень любезно согласился включить мою работу в серию издания «Bibliothèque de l'Institut français de Léningrad», для придания интереса изданию мне пришлось включить некоторые (правда, очень немногочисленные) материалы по Жуковскому.

Не моя вина, что издание книги затянулось более чем на два года (да она и до сих пор не стала общим достоянием, хотя и отпечатана), хотя полезность ее уже обнаружилась год тому назад, когда я мог сослаться на нее, как на документ, при разграничении имущества наследственного (нотариус и commissaire-priseur* впоследствии предоставили мне полномочие определить, что переходит в Академию Наук по договору и что по завещанию, и это дало мне возможность отнести к договорному имуществу все, за исключением носильного платья, безделушек и части мебели). Такова история книги, которая, думается, оправдывает меня более, чем предисловие проф<ессора> Воуег.

Примите уверение в моем совершенном уважении

М. Гофман.

ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1922), № 3, л. 88—89 (машинописная копия).

* комиссар-оценщик (франц.).

¹ См. примеч. 1 к письму 70.

² Когда стало известно о публикации книги М. Л. Гофмана, Экономическо-правовой отдел НКВД направил в Академию наук отношение «о возбуждении судебного преследования М. Л. Гофмана за нарушение прав на литературную собственность Академии наук». В заключении по этому вопросу Пушкинский Дом, признавая незаконность действий своего бывшего сотрудника, все же просил воздержаться от юридического рассмотрения этого дела, потому что тогда был бы «так или иначе задет Paul Vouyet, с которым следует поддерживать — в интересах русских ученых — дружеские отношения», и, кроме того, мог бы осложниться вопрос о передаче Академии наук Онегинского музея, «и без того очень сложный и затянувшийся» (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1927), № 16, л. 1—3).

³ См. примеч. 1 к письму 61, письма 62 и 69.

⁴ См. примеч. 9 к письму 62, а также письма 63, 64 и 69.

⁵ См. примеч. 4 к письму 64.

⁶ См. письмо 69.